ISSN 1998-6785

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

2015 № 1

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

№ 1 (32)

научно-теоретический журнал

Выходит 4 раза в год

Основан в 2006 г.

Тема номера: Проблема идентичности в регионоведении

От редактора рубрики **5**

Поповкин А.В. Проблема культурной самоидентичности в эпоху постмодерна: «демонизм» утверждения в случайной фактичности **8**

Кулебякин Е.В. Проблема менталитета и формирование личности **16**

Тураев В.А. Особенности идентификации малочисленных народов Дальнего Востока в условиях трансформации **23**

Рудникова Е.В. Русскоязычные иммигранты в этнической структуре Новой Зеландии (по данным новозеландских переписей населения конца XX–начала XXI вв.) **43**

Семинар

Ячин С.Е. Теория бюрократии в свете реалий современной России **42**

Грановская О.Л. Современная бюрократия: поиски оправдания (размышления, навеянные статьёй С.Е. Ячина) **59**

Киреев А.А. О легитимации трансакций, развитии и роли бюрократии в России **68**

Экономика и природопользование

Маклюков О.В. Вклад энергетиков Дальнего Востока в победу в Великой Отечественной войне (1941 – 1945 гг.) **73**

Паникарская Н.И., Стаценко А.А., Рубан Д.А. Туристический образ региона в сетевом пространстве: проблема качества информации **80**

Сухаренко А.Н. Инвестиционная привлекательность субъектов ДФО через призму преступности **93**

Социальные и демографические структуры

Башкуева Е.Ю. Региональные проблемы системы здравоохранения в условиях модернизации (по материалам Республики Бурятия) **100**

Studio

Луценко Е.А. БРИКС: влияние с отсрочкой **113**

Научная жизнь

Элеонора Васильевна Ермакова (1933 – 2014). Памяти учителя **117**

Памяти Андрея Валентиновича Александрова **120**

Владивосток
2015

Редакционная коллегия:

Т.Г. Римская (главный редактор), Беом-Шик Шин, В.А. Бурлаков,
Г. Кристофферсен, М.Г. Ганопольский, А.Н. Демьяненко,
Е.В. Журбей (ответственный редактор), И.Н. Золотухин, М.А. Калугина,
В.Н. Караман, А.А. Киреев, Л.И. Кирсанова, В.В. Кожевников, А.М. Кузнецов,
Ю.В. Латушко, Д.А. Литошенко, А.Л. Лукин, Ю.А. Наумов, С.В. Севастьянов,
Чой Нак Джун, О.И. Шестак, С.Е. Ячин.

Учредитель: Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Владивостокский государственный университет экономики и сервиса".

Адрес редакции: 692000, Приморский край, г. Находка, ул. Озерная, д. 2.

Официальный сайт журнала: http://www. ojkum. ru

E-mail: oikomene@rambler. ru; ojkum@rambler. ru

Редактор электронной верстки: В.Н. Караман

Графическое оформление: Я.А. Барбенко, В.Н. Караман, В.В. Постников.

Корректор: Е.В. Абрамова

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации – серия ПИ № ФС77-30578, выданное 12.12.2007 г.

OJKUMENA

Regional researches

№ 1 (32)

scientific-theoretical journal

Issued 4 times a year

Founded in 2006

Vladivostok **2015**

The theme: The problem of identity in regional studies

From the editor of the heading **5**

Popovkin A.V. The problem of cultural identity in the postmodern epoch: "demonism" approval in random factionist **8**

Kulebyakin E.V. The problem of mentality and personality formation **16**

Turaev V.A. Features of identification of Indigenous Peoples of Far East in the conditions of social transformation **23**

Rudnikova E.V. Russian-speaking immigrants in the ethnic structure of New Zealand (according to New Zealand census of the end of XX – beginning of XXI century) **34**

Seminar

Yachin S.E. The theory of bureaucracy in the light of the realities of modern Russia **42**

Granovskaya O.L. Modern bureaucracy: search for justification (reflections inspired by the article of S.E. Yachin) **59**

Kireev A.A. About legitimation of transactions, development and the role of bureaucracy in Russia **68**

Economy and nature

Maklyukov A.V. The contribution of power engineering specialists of the Far East to the victory in the Great Patriotic War (1941 – 1945) **73**

Panikarskaja N.I., Statsenko A.A., Ruban D.A. Tourism image of region in the net space: a problem of information quality **80**

Sukharenko A.N. Investment attractiveness of the Far East through the prism of crime **93**

Social and demographic structures

Bashkueva E.Yu. Regional problems of health system in the conditions of modernization (on materials of the Republic of Buryatia) **100**

Studio

Lutsenko E.A. BRICS: influence with delay **113**

Scientific life

Eleonora Vasil'evna Ermakova (1933 – 2014). In memory of the teacher **117**

In memory of Andrei Valentinovitch Alexandrov **120**

Editorial board:

T.G. Rimskaya (Editor-in-chief), Beom-Shik Shin, V.A. Burlakov,
G. Christoffersen, M.G. Ganopolskij, A.N. Demyanenko, E.V. Zhurbey (Editor),
I.N. Zolotukhin, M.A. Kalugina, V.N. Karaman, A.A. Kireev, L.I. Kirsanova,
V.V. Kozhevnikov, A.M. Kuznetsov, Yu.V. Latushko, D.A. Litoshenko, A.L. Lukin,
Yu.A. Naumov, S.V. Sevastyanov, Choj Nak Dzhun, O.I. Shestak, S.E. Yachin.

Founder: State educational institution of the higher professional education "Vladivostok state university of Economics and Service".

Address: 2 Ozernaja St., Nakhodka 692000, Primorskyi krai, Russia.

Official site of journal: http://www. ojkum. ru

E-mail: oikomene@rambler. ru; ojkum@rambler. ru

Electronic computer is made up by V.N. Karaman

Graphic registration: J.A. Barbenko, V.N. Karaman, V.V. Postnikov.

Corrector E.V. Abramova

Authors' points of view on the problems under investigation do not necessarily coincide with those of the Editorial Board.

Journal is registered by Federal service on supervision in sphere of mass communications, connection and cultural heritage protection.

Certificate on registration of the journal ser. PI № FS77-30578, given by 12.12.2007.

От редактора рубрики

В дискурс различных гуманитарных наук из психологии прочно вошло такое понятие как, «идентичность». Под ним принято понимать свойство психики соотносить индивида с какой-либо общностью, в которую он оказывается включённым – корпорацией, профессией, нацией, этносом, языковой средой и т.п. Семантическое поле данного понятия крайне обширно. Оно стоит в тесной связи с популярными теориями ментальности и менталитета, концепциями социализации личности (теории Э. Эриксона, Д. Бьюдженталя) и др. В философском плане вопрос идентичности нередко увязывается с проблемой субъекта и его историчности, связи «культура – личность», а также принципами самоорганизации коллективов различного уровня.

Особое звучание понятие идентичности приобрело в отечественной этнологии постсоветского времени при обсуждении проблемы этноса и этничности в ситуации отхода от прежней марксистской методологии. В теориях этноса условно можно выделить два основных подхода – «примордиализм» («объективистский» взгляд) и «конструктивизм» («субъективистский»). В случае примордиализма, этнос выступает как объективная природная реальность. Это не что иное, как парафраз популярной в XIX веке политической концепции «крови и почвы», которая использовалась некогда для сшивания многих лоскутных имперских одеял. Этот принцип и сегодня применяется рядом стран при определении приоритетности получения гражданства. Прямое произрастание европейских наций из народов и народностей, сформировавшихся в тех или иных природных условиях различных частей Европы, мыслилось естественным процессом. Нетрудно вспомнить работу Ш. Монтескье «О духе законов» (1748), где он рассуждает о связи «духа народов» с природной средой. В классической идеалистической немецкой философии также находим отголоски этого принципа. Кроме того, понятие «народного характера» было общим местом, которое вошло в различные этнические стереотипы, отразилось в пословицах и поговорках, анекдотах и сказках.

В XX веке, а особенно с 1960-х гг. в период крушения колониализма и развития этнопсихологии и прикладной антропологии, на Западе всё большую роль начинает играть конструктивистский подход. Это направление глубоко укоренено в западной интеллектуальной традиции. Собственно идея мультикультурализма, о кризисе которого сегодня так много говорят в Западной Европе, покоится на плюралистическом множестве автономных культурных идентичностей. Особое место стало уделяться проблеме конструирования идентичностей разного порядка. Создателями «этносов», «народов», «наций», согласно данному подходу, выступают представители интеллектуальных элит, которые и конструируют смыслы, активируют их и придают энергию этническим и национальным движениям. Делается это через осмысление «истоков» в научной, художественной литературе, искусстве, сфере публицистики и т.п. Но и в бесписьменных культурах при желании легко можно отыскать хранителей памяти коллектива – сказителей, жрецов, шаманов, вождей и т.п.

Пристальное внимание конструктивистов привлекает проблема конфликта идентичностей в обществе модерна и постмодерна. Особенно остро этот конфликт проявляется в миноритарных обществах разного порядка в период крупных социально-экономических кризисов.

В настоящей рубрике нам бы хотелось представить два взгляда на проблему идентичности. Первый можно условно назвать теоретическим, философским, второй – прикладным, антропологическим. Эти два взгляда далеко не исчерпывают всей заявленной проблематики, но, как нам

кажется, формируют, комплементарно дополняя друг друга, неплохой эскиз темы.

Открывает рубрику работа А.В. Поповкина «Проблема культурной самоидентичности в эпоху постмодерна: «демонизм» утверждения в случайной фактичности». В статье ставится проблема релевантности понятия культурной самоидентичности в эпоху постмодерна. Постмодернизм рассматривается автором как своеобразный итог развития европейского духа, отошедшего от христианской традиции в эпоху модерна. Негативные последствия постмодернистского самоутверждения в случайной фактичности, например, в форме гиперценности собственного мнения, по мнению автора, свидетельство кризиса личностной идентичности. Современная этическая максима о том, что «необходимо уважать все мнения» – ошибочна и представляет собой логически некорректное отождествление мнения и субъекта, данное мнение породившего и с ним отождествившегося.

Вопросы формирования личности, менталитета и его генезиса рассматриваются в статье Е.В. Кулебякина. Основное внимание он уделяет раскрытию этнического менталитета в связи с проблемой становления личности, прежде всего, в филогенезе. Автор использует этнографический материал, в частности, о коренных народностях Дальнего Востока, для обоснования своих выводов. Последние, с точки зрения антрополога, воспитанного в западной традиции, могут показаться неполиткорректными, особенно в свете выделения автором «цивилизованных» и «нецивилизованных» народов. Вместе с тем, игнорировать своеобразие «нативных» культур не могут даже самые политкорректные исследователи. Так, например, в заключении статьи, автор приходит к выводам, что антропоморфное понимание мира как специфический тип ментальности, как стереотип жизнедеятельности народов, не достигших стадии цивилизации, представляет собой важнейший этап в становлении общественного и индивидуального сознания в общем процессе формирования личности.

Воспользовавшись мостиком от философии к этнологии, мы обращаемся к работе В.А. Тураева «Особенности идентификации малочисленных народов Дальнего Востока в условиях трансформации». В основе работы полевые материалы автора и исследования ведущих российских этнологов. В статье рассматриваются особенности идентификационных процессов у коренных малочисленных народов Чукотки и Камчатки в условиях глубокой общественной трансформации. Анализируется воздействие социально-экономических и политических факторов на изменения в этнической, идейно-политической и других видах самоидентификаций. Автор наглядно показывает то, как работает множественная идентичность, в том числе этническая, в обществах коренных малочисленных народов Севера, и то, как её функционирование связано с современными социально-экономическими процессами в России. Делается вывод о глубоких качественных сдвигах в ментальности коренных народов, обусловленных их вовлечённостью в рыночные отношения. Всплеск этнической идентичности, фиксируемый в последние годы у многих российских народов, в целом, не характерен для коренных народов. Этническая идентичность теряет здесь свою значимость, начинает уступать место другим формам самоидентификации. Их появление при этом не ведёт к конфликту идентичностей.

Завершает рубрику статья Е.В. Рудниковой «Русскоязычные иммигранты в этнической структуре Новой Зеландии». Объектом внимания автора является постсоветская иммиграция в Новую Зеландию. Им определяется численность и место в современной этнической структуре страны русских и русскоговорящих иммигрантов. Характеризуются мо-

дели изменения базовой идентичности русскоязычных иммигрантов (в первую очередь в период 1991 – 2013 гг.).

Автор делает важное заключение о том, что численность людей, принадлежащих к тому или иному этносу, после иммиграции является основополагающим фактором для их консолидации в новой стране и определяет возможность полноценного участия в культурно-языковой жизни общества. В настоящее время у малочисленной русскоязычной диаспоры в Новой Зеландии такой возможности по-прежнему нет. Однако современные геополитические реалии обуславливают значительный интерес к выходцам из России, который намного превосходит их скромное место в этнической композиции этого государства.

Ю.В. Латушко

УДК 13

Поповкин А.В.
Popovkin A.V.

Проблема культурной самоидентичности в эпоху постмодерна: «демонизм» утверждения в случайной фактичности

The problem of cultural identity in the postmodern epoch: "demonism" approval in random factionist

В статье ставится проблема релевантности понятия культурной самоидентичности в эпоху постмодерна. Постмодернизм рассматривается как своеобразный итог развития европейского духа, отошедшего от христианской традиции в эпоху модерна. Показаны негативные последствия постмодернистского самоутверждения в случайной фактичности, например, в форме гиперценности собственного мнения.

Ключевые слова*: культурная самоидентичность, постмодерн, логос, человек, культура*

◆

The article raises the problem of the relevance of the concept of cultural identity in the postmodern era. Postmodernism is seen as a result of the development of the European spirit, departed from the Christian tradition in the Modern epoch. Shown the negative consequences of the postmodern assertion in random factionist, for example, in the form of supervalues own opinions.

Key words*: cultural identity, postmodern, logos, human, culture*

Проблема взаимосвязи человека и культуры отнюдь не нова. Пожалуй, начало её осмысления можно отнести ещё в Античность, когда греки противопоставили себя варварам, не просто как представители одного этноса – всем другим, но как носители особой (подлинной) культуры. Поскольку же, по выражению Аристотеля, человек есть *«зоон логон эхон»*, то есть логосное живое существо, именно причастность истинному логосу «гарантировала» грекам чувство превосходства.

Однако для человека традиционной культуры, а к этому типу можно отнести Античность и Средневековье, проблема культурной самоидентичности ещё не встаёт со всей остротой – никому особо не приходило в голову, что человек может быть автором своей идентичности. В подавляющем большинстве случаев культурная самоидентичность определялась той культурой, в которой человек сформировался. Речь идёт не только об этнической культуре, но и о религиозной, сословной и т.п. Конечно, детерминация не была абсолютной, но смена культурной самоидентичности была уделом немногих.

ПОПОВКИН Андрей Владимирович, к.филос.н., научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН *(г. Владивосток)*. **E-mail:** andrey.popovkin@gmail.com

Всё изменилось в эпоху Нового времени. Суть этих изменений выразилась в кантовском призыве «иметь мужество жить собственным разумом». В вопросе о том, кто же кого творит: человек культуру или, напротив, культура человека, акцент явно сместился на человека. В каком-то смысле «коперниканский переворот» Канта, относимый им самим, прежде всего, к сфере теории познания, вторгся в сферу отношений культуры и человека. Человек стал сознавать себя как автономного, разумного и ответственного индивида, самостоятельно полагающего себе нравственный закон. Культура же, особенно под влиянием руссоизма, стала восприниматься чуть ли не как нечто, требующее преодоления. В философии Гегеля была осмыслена историчность культуры, а Кьеркегор выдвинул идею сверх-культурной и сверхэтической основы, которую он нашёл в богооткровенной религии. В целом, один из основных сюжетов философии модерна – поиск оснований, стоя на которых человек может (или имеет право) творить культуру. В качестве таковых предлагались разум, воля или вера. Наверное, эпоха модерна может быть названа периодом расцвета разнообразных форм культурной самоидентичности. Это и различные формы религиозности, порождённые протестантизмом, и многообразие философских школ от абсолютного идеализма Гегеля до позитивизма Конта, здесь можно говорить о появлении и расцвете новой формы идентичности – политических идеологий. Апофеозом культуростроительства может быть признана попытка «научного» (марксистского) построения совершенно новой культуры, а заодно и нового человека, предпринятая в России в так называемый «советский период».

Современная эпоха, чаще называемая эпохой постмодерна, характеризуется Лиотаром как «недоверие в отношении метарассказов» **[3, с. 10]**. В контексте наших рассуждений мы можем понимать метарассказ как некую систему координат, в которой субъект себя позиционировал. К метарассказам, согласно Лиотару, можно отнести уже упомянутый марксизм, идеалы Просвещения, христианство (особенно в Средние века). Таким образом, в эпоху постмодерна единый логос культуры, позволяющий субъекту претендовать на объективную ценность своих поступков, взглядов и т.п. распадается на множество различных «языковых игр». Больше нет великих, общезначимых целей, великих поступков, великих героев – всё имеет лишь прагматическую ценность sui generis. Строго говоря, в такой ситуации понятие «культурная самоидентичность» утрачивает свой смысл – ведь культура, начавшаяся именно как метарассказ (сперва – миф, а затем логос), более «не вызывает доверия», а значит, утрачивает смысл *постоянная* идентификация себя с той или иной культурой.

Примечательно, что вслед за концом метарассказа заговорили и о «смерти субъекта». Раз культура более не скреплена логосом (метафизическим учением, религией, идеологией), то какие скрепы должны удерживать единство душевной жизни человека? Почему он вообще должен постоянно быть одним и тем же субъектом? Если немного задуматься, то станет очевидным, что постоянный субъект суть коррелят (возможно даже – следствие) постоянного метарассказа, придающего смысловую непрерывность его внутренним и внешним актам. На смену логосу теоретики постмодерна выдвигают концепт *ризомы* – множества, в котором принципиально невозможно выделение центра и границ (термин взят из биологии, пример ризомы – грибница). Приведём пример подобного «ризомного» дискурса: «"Анти-Эдип" мы написали вдвоём. А поскольку каждого из нас – несколько, то набирается целая толпа. Тут мы использовали всё, что нас сближало, – самое близкое и самое далёкое. А чтобы нас не узнали, мы умело распределили псевдонимы. Так почему же мы оставили свои имена? По привычке, только по привычке. Дабы, в свою очередь, остаться неузнанными. Дабы сделать невоспринимаемым – но

не себя, а то, что вынуждает нас действовать, чувствовать, думать. А ещё и потому, что нам, как и всем, хочется, к примеру, сказать, будто восходит солнце, хотя любому ясно, что это не более чем оборот речи. Дабы достичь не той точки, где уже не говорят 'Я', а той, где неважно, говорить 'Я' или вообще не говорить. Мы – уже не мы. Каждый сам узнает своего. Нам уже помогли, нас вдохновили, размножили» **[1, с. 6]**. Подводя промежуточный итог, можно сказать, что человек постмодерна более не желает (или не может) быть *ответственным* автором – отвечающего попросту нет.

В то же время отказ от логоса, связующего смысла, в жизни современного человека привёл его к болезненно сильной самоидентификации с собственным, как правило, случайным, практически ничем не обоснованным мнением. И это явление носит массовый характер, особенно в молодёжной среде. Собственное мнение в обществе постмодерна превратилось в неприкосновенную «священную корову», теснейшим образом связанную с другим фетишем современной западной культуры – идеей толерантности. Посягательство на частное мнение, пусть даже в форме обоснованной критики, расценивается как подавление личности. Борис Парамонов в работе "Конец стиля" пишет: «…массовый, то есть демократический, то есть подлинный, постмодернизм берёт человека в его эмпирически конкретной данности, как «это», принимая его временность, условность, случайность в качестве не подлежащей обсуждению ценности. Ценность человека определяется фактом его эмпирического существования, и демократия не считает себя вправе предъявлять ему дальнейшие – культурные – требования, вырабатывать в нём нормальное, нормативное «я». Фактичность и есть ценность, это данное, а не заданное, наличествующее, а не долженствующее быть» **[5, с. 6]**. Именно такое утверждение себя в случайном К. Ясперс называл *демоническим*, которое «в качестве упрямой воли, направленной на собственную случайную самость, есть отчаянное желание быть самим собой» **[9, с. 481]**. Философ делает здесь акцент именно на случайности и неосознанности такой самоидентификации. Её демонизм, по сути, состоит в том, что она не принадлежит субъекту, утверждаясь в ней, он, в лучшем случае, оказывается жертвой обстоятельств.

Данная ситуация порождает ряд вопросов. Так, не смотря на оптимизм сторонников постмодерна, полагающих, что порождённый им «физический человек демократии, обнажаясь и заголяясь, отнюдь не «разлагается» в моральном смысле, что это как раз живой человек, а не труп «Бобка» … Жизнь, наоборот, обрела некую необходимую физиологическую глубину…» **[5, с. 6]**, остаётся неясным, что будет, если современная культура станет полностью постмодернистской. Иными словами, человек постмодерна неплохо чувствует себя «обнажаясь и заголяясь» (порой, в прямом смысле, как небезызвестный Олег Кулик) в процессе разрушения существующих культурных форм, которые не только поддерживаются, но создаются другими людьми, «не доросшим» ещё до постмодернистской «демократии». Но что произойдёт, если сопротивление со стороны последних исчезнет? Сохранится ли тогда хоть какая-то культура? Останутся ли у человеческой жизни хоть какие-то измерения, кроме физиологических? Ведь постмодернистский отказ от Логоса делает невозможным для человека построение отношений с Единым (смыслом, Богом, идеей), поскольку он лишён логосного, смыслового единства своей душевной жизни. Ясперс прекрасно видел, к чему это может привести: «В духовной рассеянности возникает множественность воззрений, человек распадается на свои возможности, из которых он сегодня выхватывает одну, завтра другую, – жизнь становится забвением. … Всё может быть оправдано. Несмотря на силу мгновения, непрерывность от-

сутствует. Несмотря на интенсивность утверждения, концентрация сущности отсутствует» **[9, с. 483]**.

Итак, мы видим типичный конфликт идентичностей, причём постмодернистская или, говоря языком Ясперса, демоническая идентичность, выступает не против какой-то конкретной культурной идентичности (российской, западноевропейской, христианской и т.п.), а против культурной идентичности как некоего постоянства, как личностной характеристики человека. Но насколько неизбежна и необходима для современного человека подобная «демоническая» самоидентификация? Есть ли это действительно закономерный итог развития знания, как, по-видимому, полагал Лиотар, или демократии, как считал Парамонов?

Чтобы разобраться в поставленных вопросах необходимо, прежде всего, определиться с пониманием культуры. Проблема в том, что данное понятие имеет множество различных определений в культурологии, философии, антропологии. Однако можно подвести их всех под некий «общий знаменатель», определив культуру как форму человеческого бытия (действительно, о культуре муравьёв пока никто из учёных всерьёз не говорит). Тогда центр тяжести вопроса переносится на человека: в чём суть человека, существо его отличия от животных? В античной и христианской культуре вопрос решался однозначно: человек – живое существо, наделённое логосом (в смысле членораздельной речи и способности к мышлению). В наши дни, когда наука, в частности этология, выявила способность к мышлению у животных, такое определение некоторым представляется проблематичным. Однако это не так. Животные, даже самые высокоразвитые, мыслят конкретно-образно, они не способны оперировать абстрактными понятиями, которыми наполнен любой человеческий язык. Речь не идёт о каких-то заумных философских абстракциях: понятия «рука», «вода» или «дерево» вполне абстрактны, ведь в конкретном опыте никто не имеет дело с водой как таковой, но всегда с конкретной водой в стакане и или в луже.

Однако логосность человека выражается не только в языке и мышлении: чувства человека тоже существенным образом отличаются от чувств животных, о чём свидетельствуют недавние исследования в области философии чувств **[10, с. 7-53]**. Происходит это именно через приобщение человека к языку. Рассмотрим такой пример: мама, держа на руках ребёнка, ещё только овладевающего речью, роняет бутылку молока; от резкого звука ребёнок плачет; мама, успокаивая его, наверняка скажет «не бойся» – тем самым она сообщит ребёнку, что возникшее у него чувство – это страх. Но, например, щенку, так никто не скажет, а если и скажет – то он просто не в состоянии понять сказанное как членораздельную речь. Таким образом, законно поставить вопрос: можно ли называть те чувства, которые испытывают животные страхом, радостью и т.п.? Ведь животные, в отличие от человека, не причастны к логосу, который позволял бы придавать понятийную форму своим чувствам и тем самым вводить особые, недоступные животным виды и степени их различения.

Итак, все наши чувства и переживания, сколь бы иррациональны по содержанию они ни были, тем не менее, имеют логосно-символическую форму. Я никому не смогу передать именно своё переживание страха – однако я, как и любой другой человек, отличаю страх от, например, досады. Различать это мы способны именно благодаря способности к понятийно-символическому мышлению, или, как сказали бы древние, причастности к Логосу.

Основания способности к понятийно-символическому мышлению у человека коренятся не только в самом субъекте, но равным образом и в сфере интерсубъективного (т.е. существующего между субъектами,

но не являющегося полностью ни объективным, ни субъективным). Так, здоровый ребёнок рождается способным к мышлению и членораздельной речи, однако реализовать эти способности сам по себе он не может – необходимо воспитание ребёнка другими людьми, уже обладающими речью. Впервые наиболее полное и глубокое философское рассмотрение вопроса пределов автономии человеческого сознания дал С.Н. Трубецкой: «Каждое слово наше доказывает факт коллективного сознания, предполагая его. Без слова никогда не мыслит человек, и только в форме слова мысль его объективно обобщается. Словами мы отвлекаем, образуем, определяем логические, универсальные понятия; словами же обособляем и закрепляем, индивидуализируем наши представления. И вместе слово есть воплощение соборного сознания, ибо не было бы слов, если бы они были непонятны и невнятны для других, если бы незачем и не с кем было говорить» **[6, с. 497]**. В современной философии язык рассматривается как одна из форм интерсубъективного.

В христианской традиции, на которую опирался в своих трудах русский философ, интерсубъективность получает осмысление в идее соборности, которая предполагает присутствие Абсолютного субъекта – Бога. Примечательно, что в отличие от человека, который не может пользоваться интерсубъективными формами, так сказать в чистом виде, например, говорить на языке как таковом, но всегда лишь на том, который сложился в конкретной культуре, в христианстве Бог, точнее, вторая ипостась Троицы, есть Слово само по себе, т.е. безотносительное к какому-либо конкретному языку – не релятивное. У Платона мы находим предчувствие этого абсолютного Слова – Логоса в форме самой по себе нормативности – идее Блага. При этом наличие в интерсубъективности абсолютного субъекта (Бога, идеи Блага) придаёт нормативности (например, этическим нормам или нормам мышления) абсолютный характер. В случае отказа от абсолютного субъекта, нормативность может носить лишь характер консенсуса между субъектами (примерно это имел в виду К.-О. Апель в своей коммуникативной этике). Но тогда мы не сможем понять основания коммуникации, т.е. объяснить лежащую в её основе нормативность – ведь любой консенсус уже предполагает соблюдение неких норм, например, выполнение договоров.

Таким образом, существенной чертой человеческого бытия, а следовательно, культуры выступает не только логосность, но и соборность (интерсубъективность) как существенная часть логосной природы. Более того, мы можем понимать культуру как *конкретную форму реализации логосной природы человека* или, иначе, как *совокупность интерсубъективных форм, наполненных конкретным содержанием неким сообществом (народом, социальной группой и т.п.)*. В этом случае культурная самоидентичность выступает формой осознания человеком факта своей укоренённости в логосе конкретной культуры или субкультуры, придания этой укоренности ценностного измерения.

В этой связи следует вспомнить тезис основателя философской антропологии о том, что ценности не образуют для человека некоей однородной плоскости, но всегда имеются у него в виде иерархии, которую немецкий философ назвал «Ordo amoris» (лат. порядок любви) **[7]**. Например, дружба и кровное родство представляют ценность для всех, однако вопрос о том, что ценнее, решается разными людьми и в разных культурах по-разному. Венчает эту иерархию идея Абсолютного, при этом «…у человека нет выбора – формировать или не формировать у себя метафизическую идею и метафизическое чувство» **[8, с. 4]**. Этой идеей не обязательно будет понятие (или чувство) Бога, место Абсолюта в мировоззрении может занять и политическая идея и даже какой-то человек (кумир, собственный ребёнок) или вещь. Однако, так или иначе, у

человека неизбежно выстраивается ordo amoris, который, в свою очередь формирует его жизненную траекторию (судьбу). В этом смысле мы можем понимать культурную самоидентичность как признание человеком 'родства' с логосом (смыслом, порядком ценностей) той или иной культурой, готовность разделить её судьбу.

Понимаемая так культурная самоидентичность выступает формой работы на общий логос культуры или субкультуры. В этом случае характер противостояния постмодернистской ситуативной (точнее, в терминах самого постмодерна, сингулярной) самоидентификации и культурной самоидентичности принимает действительно демонический характер, напоминая противостояние в организме здоровых и раковых клеток. Существо отличия первых от последних состоит в том, что здоровые клетки работают не только на себя, но и на организм (к примеру, клетки лёгких снабжают кровь кислородом), тогда как раковые – работают только на себя и своё размножение. Постмодернист, «обнажаясь и заголяясь», принципиально не реализует никакой логос культуры. Всё, что он делает, – ситуативно, ризомно, сингулярно, здесь-и-теперь. «Современный» художник – яркое проявление постмодерна – готов использовать символические формы культуры, порождённые её логосом, но лишь для расщепления этого логоса, получая при этом «физиологическую глубину» жизни, невероятно увеличивая интенсивность ощущений. Но за этим ощущениями не стоит более ничего, никакого смысла, кроме самих ощущений.

Таким образом, конфликт классической формы культурной самоидентичности и постмодернистской сингулярности (демонической, ситуативной самоидентичности) предстаёт перед нами как эпизод противостояния культуры жизни и культуры смерти. Об этом противостоянии в современном мире впервые сказал Папа римский Иоанн Павел II в своём послании Evangelium Vitae **[4]**.

Стоит отметить, что яркие разрушительные проявления постмодерна, подобные эскападам Pussy Riot, выходкам Олега Кулика или крестоповалу Femen, ещё достаточно редки в культуре. Но Борис Парамонов, в сущности, прав, утверждая, что истинный постмодернизм глубоко «демократичен», присущ человеку толпы. По-настоящему массовое проявление постмодерна состоит в гиперценности собственного мнения. Дело тут не в том, что ценность собственного мнения есть нечто само по себе неправильное. Ведь действительно, с одной стороны, нельзя отрицать автономность духовной жизни человека – это одна из базовых ценностей европейской и, шире, христианской культуры. В этом смысле иметь своё мнение – для любого мыслящего субъекта есть просто «медицинский факт». Однако с другой стороны, ни один человек не является в своём мышлении совершенно автономным субъектом. По крайней мере, именно такой вывод следует из открытия Трубецким соборной природы истины: «Фактически я по поводу всего держу внутри себя собор со всеми. И только то для меня истинно, достоверно всеобщим и безусловным образом, что должно быть таковым для всех. Наше общее согласие, возможное единогласие, которое я непосредственно усматриваю в своём сознании, есть для меня безусловный внутренний критерий, точно так же как внешнее, эмпирическое согласие относительно каких-либо опознанных общепризнанных истин есть критерий внешний, авторитет которого зависит от первого» **[6, с. 495]**. В самом деле, под своим мнением чаще всего понимается не просто некая рабочая гипотеза, от которой сравнительно легко можно отказаться и с которой никто не самоотождествляется, но такое мнение, с которым данный человек внутренне согласен, а следовательно (в силу соборной природы истины), подспудно он полагает, что все (по крайней мере, все достаточно разумные люди) с этим

«мнением» так же должны согласиться. Особенно это справедливо, если «своё мнение» излагается в акте коммуникации, что само по себе предполагает призыв солидаризироваться с позицией говорящего (иначе, зачем вообще это говорится?).

Таким образом, современная этическая максима о том, что «необходимо уважать все мнения» – ошибочна и представляет собой логически некорректное отождествление мнения и субъекта, данное мнение породившего и с ним отождествившегося. Уважать нужно духовную свободу субъекта. Но свобода вовсе не обязательно должна пониматься как ризомное множество возможных вариантов. Подлинная свобода возможна только в форме бытия в согласии с собственной природой, иными словами – только в истине. Если же мы, вняв призывам постмодерна, вынесем вопрос об истине за скобки, то, строго говоря, туда же должна быть отправлена и *подлинная* свобода.

С другой стороны, в постмодерне мы можем увидеть симптом духовной болезни современного общества, манифестацию неподлинности бытия, порождённого отказавшимся от традиции (христианской, если речь о европейской культуре) самомнением человека эпохи модерна. Поэтому, чтобы не уподобляться современным философам, оставив вопрос открытым, хотелось бы закончить словами замечательного русского философа Ивана Ильина: «Духовное обновление должно начинаться с сознания своего аутизма (наивного само-первенства в мнениях, суждениях, в восприятии бытия, в выборе и преданности). Наивный аутист должен проснуться и понять, что человек не имеет ни права, ни основания «сводить предметы к самому себе», ибо он призван равняться по Предметам: ориентироваться по звёздам, которые некогда привели волхвов ко Христу; судить по совести, которая действительно ведает добро на самом деле; добиваться самой истины, а не мириться со вздором личного мнения; искать сущего совершенного Бога, а не выдумывать его. – Поэтому первый акт катарсиса состоит в том, чтобы поколебать и преодолеть в себе наивно-аутистическую, противодуховную интенцию» **[2, с. 301-302]**.

◆

Литература

1. Делез Ж., Гваттари Ф. Ризома / Делез Ж., Гваттари Ф. // Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 895 с.

2. Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта / Ильин И.А. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. 586 с.

3. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Лиотар Ж.-Ф. М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.

4. Папа Иоанн Павел II. Evangelium Vitae // Una Voce Rossia [Электронный ресурс] URL: http://www.unavoce.ru/library/evangelium_vitae.html (дата обращения: 22.12.14 г.)

5. Парамонов Б.М. Конец стиля / Парамонов Б.М. СПб: М.: Алетейя, Аграф, 1997. 451 с.

6. Трубецкой С.Н. О природе человеческого сознания / Трубецкой С.Н. // Философское наследие. Т. 120. М.: Мысль, 1994. 816 с.

7. Шелер М. Ordo Amoris / Шелер М. // Макс Шелер и Россия [Электронный ресурс]. URL: http://www.max-scheler.spb.ru/content/view/15/37/ (дата обращения: 22.12.14 г.)

8. Шелер М. Философское мировоззрение / Шелер М. // Избранные произведения. М.: «Гнозис», 1994. 490 с.
9. Ясперс К. Философская вера / Ясперс К. // Смысл и назначение истории: Пер. с нем. М.: Политиздат, 1991. 527 с.
10. Engelen E.-M. Gefühle. / Engelen E.-M. Reclam: Stuttgart, 2007. 125 s.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Delez ZH., Gvattari F. Rizoma / Delez ZH., Gvattari F. // Tysyacha plato: Kapitalizm i shizofreniya. Ekaterinburg: U-Faktoriya; M.: Astrel', 2010. 895 s.
2. Il'in I.A. Aksiomy religioznogo opyta / Il'in I.A. M.: OOO «Izdatel'stvo AST», 2002. 586 s.
3. Liotar ZH.-F. Sostoyanie postmoderna / Liotar ZH.-F. M.: Institut ehksperimental'noj sotsiologii, SPb.: Aletejya, 1998. 160 s.
4. Papa Ioann Pavel II. Evangelium Vitae // Una Voce Rossia [EHlektronnyj resurs] URL: http://www.unavoce.ru/library/evangelium_vitae.html (data obrashheniya: 22.12.14 g.)
5. Paramonov B.M. Konets stilya / Paramonov B.M. SPb: M.: Aletejya, Agraf, 1997. 451 s.
6. Trubetskoj S.N. O prirode chelovecheskogo soznaniya / Trubetskoj S.N. // Filosofskoe nasledie. T. 120. M.: Mysl', 1994. 816 s.
7. SHeler M. Ordo Amoris / SHeler M. // Maks SHeler i Rossiya [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.max-scheler.spb.ru/content/view/15/37/ (data obrashheniya: 22.12.14 g.)
8. SHeler M. Filosofskoe mirovozzrenie / SHeler M. // Izbrannye proizvedeniya. M.: «Gnozis», 1994. 490 s.
9. YAspers K. Filosofskaya vera / YAspers K. // Smysl i naznachenie istorii: Per. s nem. M.: Politizdat, 1991. 527 s.
10. Engelen E.-M. Gefühle. / Engelen E.-M. Reclam: Stuttgart, 2007. 125 s.

УДК 316

Кулебякин Е.В.
Kulebyakin E.V.

Проблема менталитета и формирование личности

The problem of mentality and personality formation

В статье освещается вопрос сущности понятия менталитета и его генезиса. Основное внимание уделено раскрытию этнического менталитета и его связи с проблемой становления личности, прежде всего, в филогенезе, в связи с чем используется этнографический материал, в частности, о коренных народностях Дальнего Востока.

Ключевые слова*: менталитет, ментальность, личность, генезис, антропоморфизация, религия, сознание*

◆

The article considers the problem of the essence of the concept of mentality and its genesis. The focus is on disclosure of ethnic mentality and its connection with the problem of personality, first of all, phylogeny, and therefore uses ethnographic material, particularly of indigenous peoples of the Far East.

Key words*: mentality, personality, genesis, anthromorphization, religion, consciousness*

Среди важнейших категорий и понятий, раскрывающих структуру личности в единстве её психики, сознания и деятельности важное место занимает понятие менталитета (ментальности). Это понятие было введено в оборот во французской исторической школе «Анналы» (М. Блок, Л. Февр) и получило значительное распространение, в том числе, и в российской литературе **[6; 7; 9; 11]**. Большое внимание уделяется проблемам этнической ментальности, особенно русской **[3; 13; 16; 17]**. Вместе с тем, несмотря на популярность в научной и публицистической литературе само понятие менталитета пока не получило полные «права гражданства», о чём свидетельствует его отсутствие в солидных словарях энциклопедического типа последних лет по философии, социологии и психологии. В понимании менталитета существует значительный разброс толкований, что, вероятно, и является одной из причин игнорирования данного понятия многими исследователями, склонными заменять его другими более привычными терминами (национальный характер, психический склад, «дух народа», тип мышления и культуры, поведенческие установки и т.п.).

На наш взгляд, при всей сложности, «неуловимости» содержания менталитета и несомненной связи с отмеченными понятиями термин «менталитет» (ментальность) не только имеет право на существование в научной литературе, но и занимает существенное место в категориальном аппарате антропознания. Представляется, что ядро менталитета, как относительно устойчивого образования в природе человека как

КУЛЕБЯКИН Евгений Васильевич, д.филос.н., профессор кафедры философии ДВО РАН *(г. Владивосток).*

личности, составляют специфические стереотипы мышления поведения, свойственные определённым социальным общностям. К последним следует отнести не только общности по национальным критериям (нация, народность), но также общности, выделяемые по критериям профессии, пола, возраста и т.д. В частности, известны определённые особенности поведения и мышления (выражающиеся и в речевом общении) у военных, у моряков, у живущих в ту или иную эпоху, в том или ином регионе, у горожан и жителей сельской местности, у старшего поколения и молодёжи.

В связи с этим выделяются разные типы менталитета. Так, в конкретных исследованиях наряду с национальным менталитетом выделяют тоталитарный, исторический (например, средневековый) и т.п. С позиций своего рода «информационного» подхода (с учётом психоаналитических установок З. Фрейда), один из современных исследователей С.Б. Переслегин выявляет 4 основных типа менталитета: варварский (наиболее древний тип ментальности), интельский (с эпохи позднего феодализма и Возрождения), аристократический (эпоха образования «варварских королевств» и генезиса феодализма в Европе), буржуазный (с XVI – XVII вв. на основе реформации и протестантизма).

Важнейшее место в структуре менталитета занимает мировоззренческо-нравственные установки, способ восприятия (видения) и оценки окружающей действительности, специфические социокультурные, психологические, личностные черты и качества как внутреннего мира, так и поведения и деятельности, характерные тем или иным типам социальных общностей, прежде всего, этносам и нациям, а также социальным группам, различающимся по полу, возрасту, роду занятий, месту проживания и т.п.

Наряду с понятием менталитета отдельные авторы выделяют понятие ментальности. Так, по мнению А.А. Еромасовой, «менталитет – это имплицитные структуры психологического склада народа, живущего в конкретной культуре, генетически и социально укоренённые в сознании и сфере бессознательного многих поколений людей». Ментальность представляет собой исторически переработанные архетипические представления, через призму которых происходит восприятие основных аспектов реальности: пространства, времени, искусства, политики, экономики, культуры, цивилизации, религии. Ментальность – это способ видения мира, «неуловимый феномен этничности, определяющий особенности этнического самосознания, поведения и весь строй народа» **[8, с. 24]**.

Понятие менталитета, таким образом, лежит на стыке философии, психологии, социологии, истории и необходимо входит в систему антропных категорий, отражая специфический уровень в природе человека как личности, объединяющий в нераздельном единстве особенности мышления и поведения, присущие личности каждого представителя отмеченных общностей.

Будучи антропным по своей сути, понятие менталитета (ментальности) имеет глубокие связи с рядом известных понятий в философии, психологии, социологии, с понятиями «я-концепции», «коллективных представлений» Э. Дюркгейма, «социального характера» Э. Фромма. Интересной представляется связь ментальности с понятием телесности в постмодернизме. Понятие телесности исходит из специфической трактовки языка и текста в постмодернизме. Так, по К. Барту, «текст – это особого рода тело. Реализованный в тексте тип телесности – это определённый тип организации и структурирования опыта (как индивидуального, так и коллективного)», «механизма» работы сознания, «материя»

мысли, первичная по отношению к самой мысли и задающая способ её развёртывания.

Проблема менталитета, в частности этнического, освещается обычно в связи с обсуждением более общей проблемы становления этноса.

Становление этноса и его менталитета (ментальности) представляет собой двуединый процесс, основные детерминанты которого определяют возникновение важнейших черт психического склада народа, его национального характера, «психологии его души». В работах современных исследователей подчёркивается, что этнос, как и его менталитет, формируются под определяющим воздействием двух основных факторов – социального в широком смысле (включая сюда все надприродные процессы – от хозяйственно-экономических до политики, культуры и духовности) **[4]** и природно-географического (начиная от особенностей климата, почвы, ландшафта, влияния рек и морей, гор и пустынь до солнечных и других космических процессов) **[14]**. Как известно, до недавнего времени в связи с господством в российской этнологии социального, преимущественно марксистского подхода приоритет в решении этнических проблем отдавался социально-экономической парадигме. Серьёзную брешь в этом догматизированном в советской этнологии подходе впервые пробил выдающийся отечественный географ, историк, философ (сын известных поэтов Серебряного века Н.С. Гумилёва и А.А. Ахматовой) Л.Н. Гумилёв, выдвинувший в 1979 году теорию пассионарности. В данной концепции возникновение этноса (в т.ч. и его культуры) объясняется энергетическими процессами («толчками») биосферы. Этногенез изначально связан с местообитанием, с ландшафтом. Акцент в детерминации этноса перенесён, таким образом, на природно-географические условия формирования народа **[5]**.

Важнейшей составляющей этнического сознания является именно этнический менталитет, специфичные для каждого этноса образы и установки, формы поведения и отношения к миру, к природе, к человеку, к своему «этносу» и другим народам («мы» и «они»). Поскольку эти особенности в культуре этноса переходят из поколения в поколение, превращаются в достаточно устойчивые традиции, они становятся стабильными стереотипами мышления и поведения народа. Как и «я-концепция», этническое сознание включает разные формы самооценки: «реальное» – как этнос оценивает своё настоящее положение, «идеальное» – каким этнос должен быть, по мнению его представителей (что обычно рационально осмысливает и озвучивает его «образованное меньшинство» – интеллигенция).

Процесс становления этнического менталитета непрерывно связан с общим процессом становления человека, формированием его как личности.

Личность является динамичной относительно устойчивой целостной системой интеллектуальных, социально-культурных и морально-волевых качеств, формирующихся в процессе социализации, и выражается в индивидуальных особенностях её сознания и деятельности. Личность, таким образом, это действительность индивида, реализующая себя в различных видах его поведения, деятельности и общения. По поведению, поступкам человека как личности можно судить о её духовных и нравственных качествах (как положительных, так и отрицательных). Природную основу человека как личности составляют его биологические особенности (тот или иной тип темперамента, пол, конституция и т.п.). Основное содержание личности составляют её социально-духовные качества – сознание и самосознание, социальные потребности и интересы, нравственные ценности. Ядро сознания личности – образ «Я», который как главная система отсчёта позволяет человеку как личности отделять

себя от других, производить самооценку, формировать определённые цели и программу поведения и деятельности. Нераздельное единство социально-духовного и природно-биологического в человеке как личности проявляется через деятельность и общение, в реализации тех или иных способностей, в чертах характера, в особенностях темперамента.

Процесс становления «Я», самосознания как ядра и сознания человека как личности имеет глубокие корни как в филогенезе, так и в онтогенезе. Об этом свидетельствуют исследования историков и этнографов о жизни культурно отсталых народов и племён, с одной стороны, и данные социальной, сравнительной и детской психологии, с другой. В основе развития сознания и самосознания лежит антропный образ, образ человека, формирующийся на основе коммуникативных отношений людей в процессе их общения и деятельности в ближайшей окружающей среде, в тех или иных сообществах, в роде, племени, семье, в современном обществе. Будучи исходным пунктом формирования человеческого сознания, антропный образ как единство основных потребностных и «впечатляющих» (прямо не связанных с основными потребностями) внешних свойств окружающих индивидов явился той главной призмой, через которую формирующаяся личность «просматривает» открывающийся перед ней мир. Последнее в эпоху первобытного общества, становления человека, его сознания и самосознания, неизбежно вело к антропоморфному отражению мира природы, наделению её объектов человеческими качествами. Это явилось одним из источников ранней религии. Об антропоморфизации мира в первобытном обществе наглядно свидетельствуют многочисленные исследования выдающихся русских этнографов В.Г. Богораза и Л.Я. Штернберга об образе жизни и мифологии культурно-отсталых народов, в частности, коренных народностей Дальнего Востока. Так, в одном из сказаний чукотских шаманов говорится: «Все вещи имеют жизнь. Лампа ходит. Стены дома имеют свой голос. Шкуры, лежащие в мешках на запас для торговли, разговаривают по ночам. Оленьи рога на могилах покойников ходят обозом вокруг могил, а утром становятся на прежние места» **[2, с. 62]**.

Л.Я. Штернберг в своей теории развития религий выделяет три последовательных этапа в развитии анимизма: 1) всеобщее одушевление и антропоморфизирование природы; 2) открытие духов; 3) открытие душ. Как и известный исследователь первобытных народов Э. Тайлор, Л.Я. Штернберг психологической основой антропоморфизма, считал теорию аналогии: ««Я» дикаря – единственное существо, которое он лучше всего знает, поэтому от него, как от известного, он идёт ко всему неизвестному во всех затруднительных случаях. Это для него единственный путь, это его технический метод объяснения внешней природы» **[15]**.

Гиляки (нивхи) устья Амура убеждали этнографа, что один из утёсов, торчащих в море недалеко от берега, приехал сюда из далека, что ранее он жил гораздо севернее, но после кровавой ссоры со своим братом убежал на устье Амура и здесь окончательно поселился. Брат же его до сих пор на старом месте. Для гиляков вся вселенная и её отдельные части являются живыми существами. Свой родной остров (Сахалин) гиляк считает живым существом, «голова» которого (Мыс Марии) и «подбородок» (Пытыкры) упираются в Охотское море, а «ноги» – два полуострова в корсаковском округе – упираются в пролив Лаперуза. Живыми существами считаются грозный толь (море), мрачные леса гористого острова, быстрые реки, деревья. Гиляки приписывают разумность и волю животным (медведь, касатка, лисица, соболь и др.). У нанайцев, сообщает Л.Я. Штернберг, построенный дом считается живым существом, крыша – его голова, десять вертикальных столбов, поддерживающих её – его

ноги, а два небольших окошка, расположенные близко к крыше, – его глаза. **[15 с. 6, 70]**.

Существенной особенностью антропного образа в формирующемся сознании и самосознании является эмоционально-этическая дихотомизация субъектных отношений, порождаемая их противоречивой ролью в удовлетворении потребностей индивидов. В формировании антропоморфно-этического мировосприятия и первобытной религии важнейшее значение имел амбивалентный характер действия стихийных сил природы, таких как солнце, вода и т.д., способных в разное время «творить добро и зло» в жизнедеятельности первобытной общины.

Об антропоморфном понимании мира различных племён и культурно отсталых, в том числе, дальневосточных коренных народностей, свидетельствуют многочисленные исследования этнографов об анимистических и аниматических (очеловечивание, приписывание жизни и разума неодушевлённым объектам окружающего мира) представлениях. Характерным примером являются верования нанайца Дерсу Узала в разумность зверей и насекомых (кабанов, шершней, ос, рыб, нерп, тигра), а также в жизненность неодушевлённых объектов (огонь, солнце, кипящий чайник), сообщаемые известным исследователем Уссурийского края В.К. Арсеньевым **[1, с. 119, 206]**.

Антропоморфные представления широко представлены в мифологии и фольклоре первобытных народов. Так, у дальневосточной народности айну существовал культ инау. Обычно инау – «это палочка, искусно заструженная в различных местах в виде кудряшек самых разнообразных размеров и форм». Палочка-инау представляет из себя грубо выраженную человеческую форму. Айны различают в инау голову, макушку, шею, волосы, руки, ноги и т.д. после каждой удачной охоты, после выздоровления и т.д. делается инау тому или иному божеству, в доме айну инау ставится «хозяйке» огня, «хозяину» дома, инау – у дверей, над нарами, снаружи инау (в виде шестов) – у горы, речки, в лесу и т.д. Домохозяин произносит пред инау ежедневные долгие молитвы. Представления об инау носят анимистический характер. Л.Я. Штернберг, выяснявший у одного из старейшин айну смысл культа инау, получил следующий ответ. Инау являются посредниками между айну и богами («хозяевами»). Айну говорит инау, что ему, айну, нужно, а инау пойдёт и перескажет это хозяину… «Один к хозяину огня ходит, другой – к горному, ещё другой – к морскому хозяину ходит, а они все айну помогают.» « А как же палочка говорить может?» – спросил Л.Я. Штернберг и получил ответ: «Не палочка, а душа её ходит и пересказывает всё kamui (хозяину). Как же, ведь дерево тоже имеет душу!» **[15, с. 52-54, 56-57]**.

Филогенетичекое становление и развитие сознания и самосознания в общих чертах повторяется в онтогенезе, в формировании индивидуального сознания и самосознания, в становлении образа человека, осознания субъектом себя как личности. Об этом свидетельствуют исследования в детской психологии. Как отмечал выдающийся российский психолог Л.С. Выготский, формирование сознательных актов у ребёнка включает несколько стадий. На первой стадии мать, общаясь с ребёнком, называя и показывая те или иные вещи, направляет его внимание на них («возьми мячик», «где кукла?» и т.д.) и ребёнок производит соответствующие действия. На следующей стадии овладевающий речью ребёнок сам начинает давать себе речевые команды, сначала развёрнуто во внешней речи, а затем свёрнуто – во внутренней речи. Обобщая эти положения Л.С. Выготского, другой крупный российский психолог А.Р. Лурия подчёркивал, что смысл процесса формирования сознательного волевого акта в том, что «интерпсихологическое отношение превращается в интрапсихологический процесс саморегуляции» **[10, с. 118-119]**.

Таким образом, антропоморфное понимание мира как специфический тип ментальности, как стереотип жизнедеятельности народов, не достигших стадии цивилизации, представляет собой важнейший этап в становлении общественного и индивидуального сознания в общем процессе формирования личности.

◆

Литература

1. Арсеньев В.К. По Уссурийскому краю. М., 1960.
2. Богораз В.Г. Религиозные идеи первобытного человека // Землеведение. Кн. 1. 1908.
3. Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973.
4. Вейт А.А. Российский менталитет как предмет философско-антропологического исследования. Пермь, 2006.
5. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 2001.
6. Дубов И.Г. Феномен менталитета: психологический анализ//Вопросы психологии. 1993. № 5.
7. Душков Б.А. Психология менталитета и неоменталитета. Екатеринбург, 2002.
8. Еромасова В.Е. Ментальность россиян в контексте этнокультурных особенностей. Спб., 2006.
9. Корнеева Т.С. Менталитет как социокультурный феномен: философский анализ. Омск, 2003.
10. Лурия А.Р. Язык и сознание. М., 1979.
11. Марков Б.В. Разум и сердце: история и теория менталитета. Спб., 1993.
12. Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки. Географическая теория развития современных обществ. М., 1924.
13. Озеров А.А. Смысл жизни как проблема российского менталитета. М., 2000.
14. Российский менталитет (материалы круглого стола) // Вопросы философии. 1994. № 1.
15. Широкогоров. С.М. Этнографические исследования. Книга вторая. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Владивосток, Изд-во Дальневосточного ун-та, 2002.
16. Штернберг Л.Я. Материалы по изучению гилякского языка и фольклора. т. III. Образцы народной словесности. Ч. 1. Спб., 1908.
17. Шулындин Б.Н. Российский менталитет в сценариях перемен// Социологические исследования. 1999. № 12.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Arsen'ev V.K. Po Ussurijskomu krayu. M., 1960.
2. Bogoraz V.G. Religioznye idei pervobytnogo cheloveka // Zemlevedenie. Kn. 1. 1908.
3. Bromlej YU.V. EHtnos i ehtnografiya. M., 1973.
4. Vejt A.A. Rossijskij mentalitet kak predmet filosofsko-antropologicheskogo issledovaniya. Perm', 2006.
5. Gumilev L.N. EHtnogenez i biosfera Zemli. M., 2001.
6. Dubov I.G. Fenomen mentaliteta: psikhologicheskij analiz//Voprosy psikhologii. 1993. № 5.

7. Dushkov B.A. Psikhologiya mentaliteta i neomentaliteta. Ekaterinburg, 2002.
8. Eromasova V.E. Mental'nost' rossiyan v kontekste ehtnokul'turnykh osobennostej. Spb., 2006.
9. Korneeva T.S. Mentalitet kak sotsiokul'turnyj fenomen: filosofskij analiz. Omsk, 2003.
10. Luriya A.R. YAzyk i soznanie. M., 1979.
11. Markov B.V. Razum i serdtse: istoriya i teoriya mentaliteta. Spb., 1993.
12. Mechnikov L.I. TSivilizatsiya i velikie istoricheskie reki. Geograficheskaya teoriya razvitiya sovremennykh obshhestv. M., 1924.
13. Ozerov A.A. Smysl zhizni kak problema rossijskogo mentaliteta. M., 2000.
14. Rossijskij mentalitet (materialy kruglogo stola) // Voprosy filosofii. 1994. № 1.
15. SHirokogorov. S.M. EHtnograficheskie issledovaniya. Kniga vtoraya. EHtnos. Issledovanie osnovnykh printsipov izmeneniya ehtnicheskikh i ehtnograficheskikh yavlenij. Vladivostok, Izd-vo Dal'nevostochnogo un-ta, 2002.
16. SHternberg L.YA. Materialy po izucheniyu gilyakskogo yazyka i fol'klora. t. III. Obraztsy narodnoj slovesnosti. CH. 1. Spb., 1908.
17. SHulyndin B.N. Rossijskij mentalitet v stsenariyakh peremen// Sotsiologicheskie issledovaniya. 1999. № 12.

УДК 316.4

Тураев В.А.
Turaev V.A.

Особенности идентификации малочисленных народов Дальнего Востока в условиях трансформации

Features of identification of Indigenous Peoples of Far East in the conditions of social transformation

В статье на основе этносоциологических исследований рассматриваются особенности идентификационных процессов у коренных малочисленных народов Чукотки и Камчатки в условиях глубокой общественной трансформации. Анализируется воздействие социально-экономических и политических факторов на изменения в этнической, идейно-политической и других видах самоидентификаций.

Ключевые слова*: коренные малочисленные народы Чукотки и Камчатки, особенности современной идентификации, этническая, гражданско-государственная, территориальная, политическая идентичности*

◆

On the basis of ethno-sociological research discusses the features of identification processes in the indigenous peoples of Chukotka and Kamchatka in deep social transformation. Analyzes the impact of socio-economic and political factors on the changes in the ethnic, ideological, political and other forms of identity.

Key words*: indigenous peoples of Chukotka and Kamchatka, especially modern identification, ethnic, civil state, territorial, political idlentichnosti*

Модернизация российского общества (переход в качественно новое состояние), как свидетельствуют многочисленные исследования **[7; 8; 9; 10; 3 и др.]**, встречает известные трудности. Это связано, прежде всего, с незавершённостью процессов социокультурной модернизации, которую принято понимать как формирование определённого (модернистского) типа сознания и вытекающих из него поведенческих практик граждан. Особенно сложно протекает она на селе, переживающем сегодня самые глубокие потрясения со времён 30-х годов XX века, а также в таких специфических сообществах российского социума, как коренные малочисленные народы.

В целом ментальное состояние коренных народов во многом продолжает воспроизводить сознание традиционного общества. Вместе с тем, в ментальности коренного населения в последние годы происходят и определённые сдвиги, что в корне меняет традиционные представления об аборигенных сообществах, как глубоко статичных, практически не реформируемых социальных образованиях. К сожалению, эти тенденции

ТУРАЕВ Вадим Анатольевич, к.и.н, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН *(г. Владивосток).* **E-mail:** v_turaev@mail.ru

не стали пока объектом изучения, хотя представляют большой научной интерес. Восполнить в той или иной мере этот пробел и было призвано исследование проблем социокультурной модернизации у коренных народов Дальнего Востока в рамках программы Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» (направление 2 «Модернизация и её влияние на российское общество»).

Исследование предусматривало получение данных по весьма широкому кругу вопросов: материальное положение коренного населения, его социально-психологическое самочувствие, степень адаптации к новым условиям, отношение к реформам и политике российского государства и т.п. В настоящей статье рассматривается лишь один срез проведённого исследования – особенности самоидентификации у коренных народов Чукотского автономного округа и Камчатского края в условиях модернизирующегося общества.

При определении выборки совокупности (200 чел.) использовался один из видов неслучайного отбора – целевой. Отбирались респонденты в возрасте 40 лет и старше (метод типичных представителей), как отвечающие наиболее важному для целей исследования критерию – возрастному. К началу рыночных реформ они представляли собой типичных представителей советского общества с соответствующими тому времени представлениями о жизни и обществе. Именно они оказались на острие рыночных реформ, на их долю пришлась основная ломка сложившихся представлений и стереотипов.

В силу определённой субъективности метод типичных представителей, конечно, ненадёжен для выводов о количественных распределениях в генеральной совокупности, однако он экономен, удобен для осуществления и вместе с тем позволяет обнаружить определённые тенденции. Выборочная совокупность дополнительно репрезентировалась по типу поселений.

На Чукотке исследования проводились в городе Анадыре, сёлах Канчалан и Марково. В Анадыре сосредоточена значительная часть представителей коренных народов, имеющих высшее образование, современные профессии, занятых в различных сферах экономики и государственного управления. Условия жизни здесь во многом приближаются к условиям крупных городов. Село Канчалан – одно их немногих чукотских сёл, которое за годы реформ подверглось коренной перестройке и воспринимается сегодня как образцово-показательное. Село практически мононациональное: из 590 жителей 558 чукчи. В Канчалане работает муниципальное сельхозпредприятие, созданное на базе бывшего совхоза. Всестороннее обновление жизни канчаланцев не могло не отразиться на их сознании, на отношении к реформам и их результатам. В Марково, в отличие от Канчалана, 20 лет реформ почти не оставили на облике села сколь-нибудь видимых изменений. Основанное в середине X1X века потомками первых русских казаков и обрусевшими аборигенами, оно, безусловно, – самое известное село на Чукотке. Его этнический состав представлен русскими, чуванцами, эвенами и чукчами. Для села характерно наличие всех проблем, с которыми сталкиваются сегодня национальные поселения Дальнего Востока.

На Камчатке исследования проводились в сёлах Карагинского района Тымлате, Караге, посёлке Оссора, а также в селе Анавгай Быстринского района. Карагинский район в настоящее время, пожалуй, больше всех других территорий бывшего Корякского автономного округа вписан в систему рыночных отношений. Здесь располагается больше половины всех предприятий рыбной промышленности округа. Через развитие иностранного туризма вписался в рыночные отношения Быстринский

район Камчатки. Всё это не могло не повлиять на отношение жителей к действительности, а, следовательно, и на их сознание.

Среди множества идентичностей, определяющих бытие человека, для коренных малочисленных народов самой, пожалуй, существенной, казалось бы, должна быть этническая идентичность – чувство принадлежности к этнической общности. Её значимость вытекает из самого факта малочисленности этих народов, что делает их этническое существование весьма проблематичным в современном мире. Этническое самосознание не может не сопротивляться нивелирующим тенденциям, которые несёт с собой глобализация. Так ли это?

Формировать этническую идентичность могут разные факторы, но в любом случае в её основе лежит граница. В роли такой границы обычно выступают язык, антропологический тип, особенности религии, хозяйственная специализация и т.п. Все эти факторы, однако, хорошо «работают» в культурах слабо затронутых ассимиляцией и аккультурацией. Для коренных народов, у которых эти процессы насчитывают не одну сотню лет, они во многом утратили свои дифференцирующие признаки уже в первой половине XX века.

К началу 1950-х гг. основной границей с приезжими у аборигенов была их профессиональная специализация – занятие оленеводством и охотой. Этот хозяйственный водораздел и формировал особенности идентификации. Этническая идентификация как бы вытекала из профессиональной. У русских представление о коренных народах (образ «они») было связано с их профессиональными особенностями даже в большей степени. Чукчи, коряки, постоянно живущие в посёлках, воспринимались как «не настоящие». По мере того, как охота превращалась в весьма доходную отрасль, в результате чего туда пришло много русских, а оленеводство почти прекратило существование, профессиональная граница перестала определять и этническую идентификацию. Содержание идентичности, как видим, очень подвижно, зависит от времени и конкретной ситуации. В её основе реальность отношений, а не набор признаков.

Среди факторов, формирующих современную этническую идентичность, респонденты чаще всего называют малую Родину – чувство родной земли, с которой кровно связаны несколько поколений и без которой многие просто не мыслят своего существования *(табл. 1)*. 45% респондентов не хотят менять место жительства даже ради значительного улучшения своего материального положения. Привязанность к родной земле, как

Таблица 1. Факторы, формирующие этническую принадлежность, %

	Чукотка	**Камчатка**
Родная земля	81	79
Культура/обычаи	66	76
Общее историческое прошлое	56	46
Язык	41	57
Черты характера, психология	29	29
Внешний облик	16	10
Религия	7	15
Сумма не равна 100%, можно было выбирать несколько вариантов		

фактор, формирующий этническую идентичность, стоит на первом месте во всех сёлах, кроме Анавгая. В связи с этим есть основания говорить, что восприятие территории, сформировавшийся на ней образа жизни и определённый тип социальных взаимодействий – есть важнейшая составляющая этнической идентичности. Не последнюю роль в таком понимании сыграло и признание за малочисленными народами статуса коренных, выделение их в особый объект политики и права, в результате чего все они осознают свою общую отличительность – укоренённость.

Вторым по значимости объединяющим признаком для всех респондентов является культурный комплекс. Значимость этого фактора выше средних показателей среди лиц с высоким уровнем образования (в Анадыре), а также в Анавгае и Тымлате. В Анавгае это можно объяснить включённостью культурного комплекса в систему экономических отношений: демонстрация своей культурной отличительности перед иностранными туристами стала важным фактором материального благополучия многих анавгайцев. В Тымлате повышенная значимость культурного комплекса, скорее всего, воображаемая. Большинство его жителей – переселенцы с западного побережья Камчатки. Память о закрытом в начале 1980-х гг. селе Реккиники с его этнокультурными особенностями не исчезла до сих пор. Бывшие реккинкцы, преимущественно оленеводы, явно или неявно продолжают противопоставлять себя коренным тымлатцам, всегда бывшими оседлыми жителями.

Есть ощущение, что повышенная значимость культурного комплекса в формировании этнической идентичности на Камчатке, во многом связана со стремлением выдать желаемое за действительное, и объясняется, скорее всего, более высокой степенью ассимилятивных процессов её коренных народов. Хорошо известно: чем ощутимее ассимиляция, тем востребованнее элементы культурной атрибутики этничности.

В рейтинге факторов, формирующих этническую идентичность, язык, на котором обычно и строится этническая идентификация, занимает на Камчатке третье место, на Чукотке – четвёртое. В качестве определяющего этническую идентификацию его не назвали даже в Канчалане, где чукотскую речь ещё можно услышать на улице. Такая ситуация является отражением тех проблем, с которыми сталкиваются языки коренных народов. Любое явление культуры, в т.ч. и язык, прекращая бытование, перестаёт определять и этнокультурную принадлежность. В то же время память о языке, как этнообъединяющем факторе, всё ещё жива в сознании людей, которые продолжают наделять его этими функциями, но теперь уже лишь в качестве символа этничности.

Значимым показателем современной этнической идентичности, как это следует из опроса, является «общее историческое прошлое». Трактовка исторического прошлого способна и объединять и разделять этнические общности. Яркий пример тому современная Украина. Что же лежит в основе этого объединяющего признака у коренных народов?

За последние 30 лет отечественными исследователями и журналистами написаны сотни страниц о судьбе российских народов в условиях тоталитарной власти. Судьба коренных народов в советский период их истории также отмечена многочисленными потерями – потерями языка, традиционных верований, хозяйственных традиций и т.п. Эти потери, благодаря прессе, политической риторике активистов хорошо осознаны массовым сознанием. Историческая память, актуализированная политической ситуацией, приобрела характер общего знания, которое связывает членов группы и служит основой для её отличия от других этнических групп. Наиболее ярко это проявляется на Чукотке.

Примерно для трети респондентов на обеих территориях не потеряла своей идентифицирующей значимости такая трудноуловимая кате-

гория, как «психология» – совокупность социально-психологических качеств, свойственных носителям той или иной этничности, зато внешний облик и особенно религия практически утратили дифференцирующее значение. Правда, следует иметь в виду, что религиозность, как объединяющий признак, и религиозность, как внутреннее свойство личности, очень разнятся.

Жизнь человека (народа) не очерчена только этнической идентичностью. Она всего лишь одна из множества идентичностей, при этом, как мы увидим ниже, далеко не самая главная. Определённое представление о значимости того или иного вида идентичности даёт таблица 2. В иерархии самоидентификаций этническая идентичность занимает третье место. На Чукотке в большей степени она выражена лишь в Анадыре, где среди респондентов преобладают представители интеллигенции (68%), а на Камчатке – в Анавгае (48%), жители которого в последние годы привыкли демонстрировать свою этническую принадлежность перед иностранными туристами. Самые низкие показатели этнической идентичности в Марково (21%), но это, судя по всему, вообще в традициях марковцев. Определить их этническую принадлежность исследователи затруднялись и в конце Х1Х века.

Всё это не означает кризиса этнической идентичности. Заметно уступая другим видам идентичности, этническая принадлежность, тем не менее, не потеряла своей значимости почти для половины респондентов. 45% опрошенных на Чукотке и 48% на Камчатке никогда не забывают, что они являются представителями своего народа. Любопытную ремарку оставил по этому поводу респондент в Анадыре: «я и рад бы забыть этническую принадлежность, да мне не дают этого сделать».

Преобладающими формами идентичности названы территориальная и общероссийская (гражданско-государственная). Высокие показатели гражданско-государственной идентичности (российскость), её безусловное доминирование над идентичностью этнической могут показаться странными. Опыт современной жизни респондентов вряд ли мог сформировать у них повышенное чувство причастности к повседневной жизни страны. В последние десятилетия государство если и не забыло о существовании этой части своих сограждан, то, во всяком случае, серьёзно дистанцировалось от их проблем, да и всероссийские опросы свидетельствуют, что самоидентификация респондентов с современной Россией (осознание себя гражданином РФ) характерна менее чем для трети

Таблица 2. Значимость различных видов идентичностей, %

Варианты ответов	Чукотка	Камчатка
Жителем своего края (округа)	79	72
Гражданином РФ	66	60
Представителем своего народа	42	42
Жителем своего села	40	39
Представителем своей профессии	9	13
Дальневосточником	3	12
Жителем своего района	6	8
Сумма не равна 100%, можно было выбирать несколько вариантов		

опрошенных **[8, с. 40]**. На этом фоне можно утверждать, что процесс разгосударствления сознания человека (термин Ю.А. Левады), фиксируемый в последние годы многими исследованиями в других регионах и у других народов, затронул коренные народы Чукотки и Камчатки в меньшей степени. При этом для 57% респондентов быть гражданином своей страны важнее, чем быть представителем своего народа.

Можно конечно объяснять эту ситуацию высокой степенью ассимиляции коренных народов, но дело не только в этом. Чукотка и Камчатка – специфичные регионы. Поддерживать здесь более или менее нормальную жизнь в состоянии только государство. Уже в силу этого обстоятельства люди и связывают с ним своё благополучие. «Российскость» в сознании респондентов поддерживается пониманием того, что все их проблемы в состоянии решить лишь федеральные власти. Принцип «рационального выбора», которым нередко определяется этническая идентификация, таким образом, проявляет себя и в гражданской идентификации. Чувство гражданского единства преобладает над этническим. Сказывается и политика патернализма по отношению к коренным народам, проводившаяся длительное время.

Отмечая высокие показатели гражданской идентичности, следует заметить всё же, что осознание себя гражданином страны выражено в настоящее время в меньшей степени, чем во времена СССР. 47% респондентов на Камчатке и 41% на Чукотке указали, что в СССР ощущали себя гражданином страны гораздо в большей степени, чем сейчас.

Говоря о территориальной идентичности, следует иметь в виду, что она весьма многослойна. Коренные народы Чукотки и Камчатки слабо отождествляют себя с дальневосточным регионом, дальневосточниками считают себя 3% и 12% соответственно. Этот вид региональной идентичности в массе своей заменяется осознанием принадлежности к Чукотке и Камчатке, которые, хотя и являются частью Дальнего Востока в географическом отношении, но воспринимаются их жителями (и не только коренными!) как вполне самостоятельные и даже во многом отличные территории. Их принадлежность к Дальнему Востоку никогда не оспаривалась, но всегда как бы выносилась за скобки. Всё это не могло не сформировать особого эмоционального состояния живущих здесь людей. Историко-культурную составляющую региональной идентичности заменяет административная принадлежность, что в условиях отдалённости и труднодоступности вполне естественно. Как показывают наши предыдущие исследования **[10]**, на юге Дальнего Востока ситуация противоположная. Дальневосточная идентичность здесь представляется более существенной.

Важнейшая в территориальной идентичности – идентификация по реально существующим поселениям. При этом чем старше по возрасту село, чем богаче его история, тем выше значимость такого вида идентификации. На Чукотке наибольший показатель (49%) в этом отношении характерен для Марково, на Камчатке – для Караги (47%). И в том и в другом случае эти сёла – самые старые по возрасту (о карагинских коряках писал ещё С. Крашенинников). Подобную идентификацию поддерживает и культурный комплекс, характерный для того или иного поселения. Самодеятельный хор «Марковские вечёрки», например, известен далеко за пределами Чукотки.

Низкие показатели профессиональной идентичности у коренных народов отражают не только исторические особенности их социальной структуры, но и те изменения, которые произошли в ней в постсоветский период. В СССР коренные народы прошли большой путь от общества однородного в социально-профессиональном плане к обществу с широкой социально-профессиональной дифференциаций. Всё это, однако, в про-

шлом. На профессиональную идентичность могут указать теперь только учителя и медики, других сколь-нибудь значимых профессиональных групп в национальных сёлах среди коренных народов не осталось. Самая социально значимая в недавнем прошлом профессиональная группа среди чукчей и коряков – оленеводы в настоящее время неуклонно исчезает, особенно на Камчатке, в связи с исчезновением оленеводства.

Изменения социально-политического ландшафта современной России не могли не отразиться на ещё одном виде социальной идентичности – политической. Её понимают обычно как отождествление (согласие) с той или иной политической позицией или доктриной. Судя по опросу, идейно-политические симпатии коренных народов уже мало напоминают советские матрицы, хотя ностальгия по СССР отчасти существует – вернуться к тому, что было до реформ 1990-х гг. на обеих территориях хотели бы около трети респондентов. При этом почти половина (45% на Чукотке и 49% на Камчатке) убеждена, что при советской власти им бы жилось лучше. Как видим, есть в постсоветской действительности что-то притягательное, чему не может противостоять даже бедность.

Распределение идейно-политических симпатий среди коренных народов Камчатки и Чукотки характеризует таблица 3.

Не трудно заметить, что две конкурирующие идеологии не могут похвастаться большим числом сторонников. В этом отношении ситуация у коренных народов вполне сопоставима с результатами общероссийских опросов середины 2000-х годов **[6, с. 114]**. Если же отвлечься от идеологической составляющей вопроса и посмотреть на ситуацию под углом простой человеческой жизни то она будет выглядеть иначе. Число тех, кто поддерживает реформы или видит в них больше плюсов, составляет 31% на Чукотке и 24% на Камчатке. Число тех, кто относится к ним резко отрицательно или видит в них больше минусов, соответственно 27 и 29%. 20 лет назад это соотношение было похожим с той разницей, что противников реформ было меньше.

Примерно треть респондентов на обеих территориях причислило себя к сторонникам самостоятельного пути развития. В чём должна заключаться такая самостоятельность остаётся, однако, неясным. Не особенно помогли и интервью с экспертами. Полученные ответы позволяют характеризовать этот путь как нечто среднее между тем, что было, и тем, что есть. Можно полагать, что это путь рынка, очищенный от либеральных крайностей. Такую интерпретацию в некоторой степени подтверждает ответ на вопрос: «Какое государство в наибольшей степени отвечает интересам граждан?» 58% респондентов на Чукотке и 47% на Камчатке убеждены, что таким должно быть государство с господством государственной экономики, но с широкими экономическими возможностями для граждан. Примерно такая модель представляется приоритетной и для большинства россиян **[9, с. 14]**.

Таблица 3. Распределение сторонников идейно-политических течений, %

Варианты ответов	Чукотка	Камчатка
Сторонник радикальных рыночных реформ	17	11
Сторонник коммунистической идеологии	8	11
Сторонник самостоятельного пути развития	31	32
Нет предпочтений	44	46

Отношение коренных народов к экономической политике государства достаточно критическое, однако, связано это не с их антирыночной убеждённостью, а с российскими гримасами рыночной экономики. Не случайно в рейтинге первоочередных задач, стоящих перед правительством России, создание эффективной рыночной экономики было поставлено респондентами на достаточно высокое четвёртое место.

Характерная особенность российского общественного сознания – желание видеть Россию «великой державой». Об этом в 2011 г. заявили 42% респондентов Левада-Центра **[4, с. 20-21]**. У коренных народов Чукотки и Камчатки сторонников великодержавности ещё больше. Среди приоритетных задач, стоящих перед правительством, задача «превратить Россию в великую державу» стоит на третьем месте. На Чукотке так считает 48%, на Камчатке – 50%. Современная российская действительность, казалось бы, не даёт для такого желания достаточных оснований. Видимо поэтому на помощь призываются события прошлого. Великодержавную идентичность россиян, по мнению экспертов, подпитывает память о победе в Великой Отечественной войне, ставшей главным опорным символом российского настоящего и будущего **[5, с. 502]**. Подобное отношение характерно и для коренных народов. Доля тех, кто считает победу в Великой Отечественной войне важнейшим достижением СССР, в сёлах Чукотки и Камчатки колеблется от 78 до 95%.

Память о достижениях СССР (кроме победы в войне это ещё и успехи советской космонавтики, советского спорта, атмосфера дружбы народов и др.) поддерживает в сознании людей уверенность в самодостаточности своей страны, её высокой жизнеспособности и даже особой миссии в мире. Абсолютное большинство считает, что западный путь не подходит для России. Жить по западным принципам готовы менее 4%. Большинство (64%) занимает прагматичную позицию: развивать сотрудничества с Западом, не жертвуя своими интересами. Более трети считают, что Россия ни с кем не должна объединяться.

Антизападные настроения у коренных народов присутствуют, но не они определяют их отношение к западному миру *(табл. 4)*. Около половины опрошенных на обеих территориях убеждены, что в западной цивилизации много как хорошего, так и плохого. Это мнение, однако, теряет свою нейтральность, когда речь заходит об отношениях Запада с Россией. С утверждением, что страны Запада хотят помочь нашей стране, согласна лишь десятая часть респондентов. Больше тех, кто убеждён, что Запад – вечный противник России. На Чукотке так думает 44%, на Камчатке – 28%. Около 40% респондентов на обеих территориях придерживаются прагматической точки зрения, считая, что Запад во взаимоотношениях с Россией преследует свои цели («решает свои проблемы»). Эти цифры наверняка были бы существенно выше, если бы опрос проводился после начала украинского кризиса.

Таблица 4. Отношение к западной цивилизации, %

	Чукотка	**Камчатка**
Западная цивилизация – образец для всех	2	4
В западной цивилизации много хорошего и плохого	48	45
В западной цивилизации больше плохого	17	16
Затруднились с ответом	33	35

Результаты исследования дают основания говорить о формировании у коренных народов принципиально новой формы идентичности – собственнической. Число принципиальных противников частной собственности в сёлах колеблется от 3 до 8 %. В то же время около трети респондентов на Камчатке и более 40% на Чукотке рассматривают частную собственность в качестве важной демократической ценности. Ещё более показательно эмоциональное восприятие респондентами понятия «частная собственность». Среди других понятий, характерных для рыночной экономики (прибыль, конкуренция и др.), у частной собственности одна из самых высоких положительных оценок – положительные ассоциации она вызывает в целом по массиву у 77% респондентов. В отдельных сёлах в зависимости от степени их вовлеченности в рыночные отношения этот показатель достигает 81 %.

Формирование частнособственнической идентичности предполагает наличие терпимого отношения к богатству. Нельзя сказать, что респонденты совсем уж толерантны к этому явлению российской жизни. Рост числа богатых людей оценили как положительное явление 5% на Чукотке и 6% на Камчатке. Число тех, кто расценивает его отрицательно, в обоих случаях в 2 с лишним раза больше. С суждением «Различия между бедными и богатыми справедливы» на Чукотке согласился лишь каждый пятый респондент, на Камчатке – каждый седьмой. Эти цифры, однако, вряд ли стоит воспринимать как убеждение в изначальной несправедливости богатства. Скорее всего, сказываются воздействие средств массовой информации с одной стороны и специфика формирования богатства в современной России с другой.

Формирование частнособственнической идентичности не может не сопровождаться ростом индивидуалистских устремлений. Действительно, традиционный коллективизм народов Севера начинает уступать место индивидуальному творчеству. Всё больше респондентов предпочитают решать свои проблемы самостоятельно. Помощь и поддержку в трудную минуту жизни в своей этнической среде ищут в основном одинокие пенсионеры, инвалиды, многодетные и неполные семьи. Тех, кто убеждён, что добиться успеха в современной жизни можно только действуя сообща пока больше тех, кто рассчитывает на собственные силы, но эта разница уже совсем не велика. На Чукотке это соотношение выглядит как 50:46. Всё это, на наш взгляд, даёт основания для вывода, что в трансформирующемся обществе меняется и основа самоидентификации человека – ощущение себя как личности. Человек в новых условиях должен активнее, чем раньше, воссоздавать свою собственную идентичность.

Формирование новых форм идентичности, в том числе и новое осознание себя как личности, делает весьма актуальным вопрос об иждивенчестве малочисленных народов. Как показывают исследования

Таблица 5. Представления о взаимоотношении государства и общества, %

Варианты ответов	Чукотка	Камчатка
Государство дает понемногу, но всем поровну	13	19
Государство должно помогать только слабым и беспомощным	24	24
Государство гарантирует только минимум, хочешь большего, добивайся сам	48	45
Не учтены затруднившиеся с ответом	33	35

(табл. 5), коренные народы не готовы пока к либеральной модели взаимоотношений государства и человека, но и упрекать их в иждивенчестве нет оснований. Сторонников «равенства в бедности» в целом по массиву меньше одной пятой. Абсолютное большинство показали себя сторонниками социального государства, но такой выбор вряд ли можно назвать иждивенчеством.

Ограниченный объём статьи побуждает не рассматривать другие аспекты индентификационных процессов у коренных малочисленных народов. Но и то, о чём уже шла речь, даёт основания говорить о глубоких качественных сдвигах в ментальности коренных народов, обусловленных их вовлеченностью в рыночные отношения. Всплеск этнической идентичности, фиксируемый в последние годы у многих российских народов, не характерен для коренных народов. Этническая идентичность теряет свою значимость, начинает уступать место другим формам самоидентификации. Их появление при этом не ведёт к конфликту идентичностей. Нельзя сказать, что этот процесс проявляется очень сильно. Тем не менее, общий вектор государственной политики по конструированию новых форм самоидентификации затрагивает и коренные народы.

◆

Литература

1. Арутюнян Ю.В. Трансформация постсоветских наций. М.: Наука, 2003. 207 с.
2. Изменяющаяся Россия в зеркале социологии. М.: Летний сад, 2004. 279 с.
3. Общественное мнение. М.: Левада-Центр, 2012. 232 с.
4. Пути России. Новые языки социального описания. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 560 с.
5. Российская идентичность в условиях трансформации: опыт социологического анализа. М.: Наука, 2005. 396 с.
6. Симонян Р.Х. Россия после реформ: истоки формирования массового сознания // Политические исследования. 2013. № 5. С. 100-111.
7. Тихонова Н.Е. Россияне: нормативная модель взаимоотношений общества, личности и государства // Общественные науки и современность. 2005 № 6. С. 34-45.
8. Тихонова Н.Е. Россияне на современном этапе социокультурной модернизации // Общественные науки и современность. 2006 № 1. С. 33-45
9. Тихонова Н.Е. Социокультурная модернизация России //Общественные науки и современность, 2008. № 2. С. 5-23.
10. Тураев В.А. Современное эвенкийское село (итоги этносоциологических исследований // Россия и АТР. 2009. № 4. С.52-66.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Arutyunyan YU.V. Transformatsiya postsovetskikh natsij. M.: Nauka, 2003. 207 s.
2. Izmenyayushhayasya Rossiya v zerkale sotsiologii. M.: Letnij sad, 2004. 279 s.
3. Obshhestvennoe mnenie. M.: Levada-TSentr, 2012. 232 s.

4. Puti Rossii. Novye yazyki sotsial'nogo opisaniya. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 560 s.

5. Rossijskayaidentichnost'vusloviyakhtransformatsii:opytsotsiologicheskogo analiza. M.: Nauka, 2005. 396 s.

6. Simonyan R.KH. Rossiya posle reform: istoki formirovaniya massovogo soznaniya // Politicheskie issledovaniya. 2013. № 5. S. 100-111.

7. Tikhonova N.E. Rossiyane: normativnaya model' vzaimootnoshenij obshhestva, lichnosti i gosudarstva // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 2005 № 6. S. 34-45.

8. Tikhonova N.E. Rossiyane na sovremennom ehtape sotsiokul'turnoj modernizatsii // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 2006 № 1. S. 33-45

9. Tikhonova N.E. Sotsiokul'turnaya modernizatsiya Rossii //Obshhestvennye nauki i sovremennost', 2008. № 2. S. 5-23.

10. Turaev V.A. Sovremennoe ehvenkijskoe selo (itogi ehtnosotsiologicheskikh issledovanij // Rossiya i ATR. 2009. № 4. S.52-66.

УДК 281.93 (931)

Рудникова Е.В.
Rudnikova E.V.

Русскоязычные иммигранты в этнической структуре Новой Зеландии (по данным новозеландских переписей населения конца XX – начала XXI вв.)

Russian-speaking immigrants in the ethnic structure of New Zealand (according to New Zealand census of the end of XX – beginning of XXI century)

Объектом внимания автора является постсоветская иммиграция в Новую Зеландию. Определяется численность и место в современной этнической структуре этой страны русских и русскоговорящих иммигрантов. Характеризуются модели изменения базовой идентичности русскоязычных иммигрантов. Используются данные новозеландских национальных переписей населения за 1991 – 2013 и другие годы.

Ключевые слова*: Новая Зеландия, иммиграция, этничность, русские, постсоветская иммиграция*

◆

The author deals with the immigration flow from Russian Federation and other states of the former USSR to New Zealand. The focus of the article is ethnic origin and quantity of the Russian-speaking immigrants. There is a general description of the migrant's basic identity in terms of ethnicity. The main sources are New Zealand Census of 1991 – 2013 and other years.

Key words*: New Zealand, immigration, ethnicity, Russians, postsoviet immigration*

Миграционная политика. Новая Зеландия на протяжении всей своей истории проводит активную политику по привлечению мигрантов. Поздняя европейская колонизация её территорий и естественная географическая изолированность от остального мира были главными факторами, влиявшими на миграционную политику этого государства в ранний период. Начиная уже с середины XIX в., Новая Зеландия стремилась увеличить численность народонаселения в первую очередь за счёт белых переселенцев, законодательно ограничивая азиатские потоки, особенно китайскую миграцию. В 1987 г. был принят новый Закон об иммиграции, на котором сегодня базируется новозеландская миграционная политика, после чего через несколько лет была введена бальная система отбора иммигрантов со всего мира, независимо от расы и этнической принадлежности. Выбор мигрантов был основан на критериях личных достоинств – профессии, образования, возраста, наличия финансовых средств и т.д. С этого времени количество заявлений на постоянное место жительства в Новой Зеландии резко возросло. Каждый год Министерства труда определяет ежегодную квоту на приём

РУДНИКОВА Елена Викторовна, к.и.н., старший научный сотрудник отдела этнологии Института истории ДВО РАН *(г. Владивосток)*. **E-mail:** elena.rudnikova@mail.ru

мигрантов. В среднем, разрешение на иммиграцию получают от 40 до 50 тысяч человек в год. В странах бывшего Советского Союза интерес к Новой Зеландии как к стране возможной эмиграции резко проявился именно после распада СССР, особенно с 1991 по 2001 годы. В 1992 г. вид на постоянное жительство получили первые тридцать восемь человек с постсоветского пространства. В последующие десять лет численный рост русскоязычных иммигрантов увеличился в пять с половиной раз, и они попали в список шести наиболее быстро растущих национальных групп наряду с выходцами из Китая, Индии и других стран.

Современная этническая структура. Численность постоянного населения страны в декабре 2014 г. составила более четырёх с половиной миллионов человек. Если в 2001 г. число родившихся за пределами Новой Зеландии составляло 19,5% от всего населения страны, в 2006 г. – 22,9%, то по данным последней переписи 2013 г. уже 26% от общей численности населения или каждый четвёртый постоянный житель страны родился за рубежом, причём наибольшее количество из них родились в азиатских странах (7%). В два процента родившихся в Европе, не учитывая Великобританию и Ирландию, входят выходцы из России и некоторых стран бывшего СССР **[8]**.

Этническая композиция современной Новой Зеландии очень многообразна. По национальным статданным 2013 г. в число главных пяти этнорасовых групп страны вошли европейцы (74% от всего населения), коренные жители маори (15%), азиаты (12%) и выходцы с тихоокеанских островов (7%). Численный прирост этих групп, по сравнению с 2006 г. составил – 14%, 6%, 33% и 7% соответственно. Пятую группу составили выходцы из стран Ближнего Востока, Латинской Америки и Африки – на 2013 г. – всего 1% от всего населения, но с самым высоким численным приростом – 35%. Средний возраст в пяти группах составил – 41 год; 23,9 лет; 30,6 лет; 22,1 года; 28,6 лет соответственно **[5]**.

Этническая структура страны меняется год от года. По переписи 1996 г. здесь определялось, помимо европейских новозеландцев и второго статутного этноса – маори, около двухсот этнических групп численностью от двадцати восьми до четырёх тысяч человек. Соответственно, было велико и языковое многообразие: помимо официальных английского, маорийского и новозеландского языка жестов в тот же год было учтено 60 языков, из которых на тридцати трёх языках говорили от одной до десяти тысяч респондентов. Без учёта маори и жителей южнотихоокеанских островов, самые многочисленные пятьдесят этнических групп составляли в этот год более 8% от всего населения страны (в 1996 г. – 3,6 млн. чел.). Численность этнических групп увеличивалась год от года – в 2013 г. была зафиксирована уже 231 группа. Кроме того, отчётливо меняется «цвет» иммиграционных потоков. Так, за период 2006 – 2013 гг. численный прирост только азиатского потока составил 33%. Основной состав этого потока составляют выходцы из Китая, а также из Индии, Южной Кореи и Японии. В 2013 г. в пятёрку наиболее распространённых языков после английского вошли маорийский, самоанский, хинду, северный китайский, французский и кантонский (юэ) языки **[6]**.

Русскоязычные иммигранты в национальных переписях населения. Главным источником по процессу русскоязычной иммиграции в Новую Зеландию являются национальные переписи населения в этой стране. В большинстве случаев эти данные более точны, чем российские статистические материалы по внешней миграции. Кроме того, в новозеландских переписях содержатся данные об этнической, языковой и конфессиональной принадлежности мигрантов, записанные непосредственно с их слов.

Переписи народонаселения в Новой Зеландии стали проводится почти сразу после оформления британской юрисдикции над этими далёкими островами в 1840 г. Долгое время этот учёт был нерегулярным и носил выборочный характер. Так, например, первые официальные статистические сборники «The Blue Books»/«Голубые книги» готовились на основе подсчётов городских управ по каждому поселению. Первая масштабная перепись европейского населения страны состоялась в 1851 г. Далее, до 1874 г. подобные переписи проводились раз в три года. С 1881 г. они получили общенациональный характер и стали проводится, как правило, каждые пять лет. К началу и в период Первой мировой войны было проведено шесть подобных переписей (1881, 1886, 1901, 1906, 1911, 1916). В 1910 г. было организован государственный Департамент статистики, а до этого переписи проводились силами различных ведомств **[3]**.

Особенностью ранних переписей является то, что в них никак не отражалась этническая принадлежность европейских переселенцев. Выходцы из многонациональной Российской империи, исходя из указанного ими места рождения, все обозначались как «русские». Попытки среди массы переселенцев из царской России выделить этнических русских впервые были сделаны в переписях 1874 и 1901 гг.: тогда их насчитали 109 и 387 человек соответственно. В 1951 г. их стало 506 чел., в 1976 – 892, а в 1991 – всего 480 чел. Общая численность русскоговорящих выходцев из Российской империи и Советского Союза до начала последнего десятилетия прошлого века также всегда была невелика.

С началом постсоветского периода и по настоящее время в Новой Зеландии были проведены пять национальных переписей: в 1991, 1996, 2001, 2006 и 2013 годах. Последняя перепись была сдвинута по времени проведения из-за сильного землетрясения в г. Крайстчерче в феврале 2011 г. Полную обработку материалов 2013 г. государственные органы статистики этой страны планирую завершить к июню 2015 г.

Статистические данные национальных переписей последних двух десятилетий представлены в двух вариантах. В первом из них – Census night population count (дословно: «перепись ночного населения», далее – NPC) – учитываются все лица, находящиеся в Новой Зеландии на день переписи, включая зарубежных гостей. В то же время не учитываются граждане страны, включая военнослужащих, находящиеся на дату переписи за рубежом. Например, в «ночной» переписи 2006 г. на дату 7 марта были учтены все лица в Новой Зеландии, находящиеся на суше, на судах в новозеландской экономической зоне и на переходах между морскими портами страны. Также – иностранцы, работники дипломатических миссий, иностранные военнослужащие и члены их семей. Таким образом, этот вариант имеет наднациональный характер. Поэтому здесь можно найти совокупные сведения обо всех лицах российского происхождения, включая иммигрантов, туристов, временных работников, студентов и т.п., находившихся в стране на дату проведения переписи.

Во втором варианте – Census usually resident population count (дословно: «перепись постоянного населения», далее – RPC) – учитываются только постоянные жители Новой Зеландии, за исключением тех, кто находится на дату переписи за рубежом. Поэтому учитываемая численность русскоговорящих здесь может существенно отличаться от данных NPC. В то же время, данные и этого варианта далеко не точны, поскольку в новозеландских переписях для определения национальности главным фактором является место рождения. Под «национальностью» подразумевается бывшее или настоящее гражданство, а не этническая принадлежность. До 1996 г. в проводимых опросах респондентов просили дать только один ответ на вопрос о том, с каким этносом он себя идентифицирует.

В дальнейшем, этот вопрос стал допускать многозначный ответ, поэтому общее число учтённых в этих переписях 2001, 2006, 2013 гг. этничностей превышает количество выявленных «национальностей». Содержание понятия «этничности» по сути не отличается от её понимания в российской историографии. Этнос определяется как культурно-социальная группа, члены которой имеют общее самоназвание, чувство общего происхождения, имеют общие культурные ценности (религия, обычаи, язык и др.), открыто объявляют об общности своей истории и судьбы, имеют представления о коллективной культурной идентичности и чувство особой коллективной солидарности. Акцент ставится на том, что, прежде всего, этничность есть некое самоощущение, и поэтому люди могут относить себя к более чем одной этнической группе **[2]**.

В силу вышеизложенного, определить точную современную численность русскоязычного населения Новой Зеландии не представляется возможным. Можно говорить только об относительной цифре, учитывающей не только переписные данные, но и экспертные мнения, исходящие от различных исследователей, наблюдателей и самих русскоязычных иммигрантов. В последние десятилетия она стабильно определяется в диапазоне от десяти до пятнадцати тысяч человек.

Таблица 1.
Census 2006: Численность выходцев из стран бывшего СССР по месту рождения (выборка составлена автором по [1])

Место рождения	Численность по RPC	Численность по NPC
1 Молдавия	78	81
2 Беларусь	171	174
3 Эстония	105	144
4 Латвия	261	303
5 Литва	120	144
6 Россия	4581	4839
7 Украина	1152	1302
8 Армения	33	33
9 Азербайджан	54	57
10 Грузия	81	87
11 Казахстан	240	252
12 Киргизстан	45	48
13 Таджикистан	18	21
14 Туркменистан	12	12
15 Узбекистан	138	144
Итого	***7089 чел.***	***7641 чел.***

Всего же в RPC 2006 г. было учтено 4 027 947 человек. Численность лиц, рождённых в странах бывшего Советского Союза и постоянно проживающих на момент переписи в Новой Зеландии, составила 7089 чел., что составляет менее 0,2% от учтённой численности постоянного населения этой страны. Представлены выходцы из всех пятнадцати советских республик, причём более половины из них (64,6%) родились в России и чуть более 16% – на Украине.

При выявлении этнической принадлежности постоянного населения страны был учтён 4 501 551 ответ. Как указывалось выше, рас-

хождение с данными по общей численности связаны с формулировкой вопроса по этничности, который подразумевал несколько ответов. Среди 231 этнической группы в целом по стране были выявлены армяне (RPC -198 чел./NPC -207 чел.), белорусы (69/66), эстонцы (108/141), латыши (153/186), литовцы (87/111), русские (4836/5094) и украинцы (672/798).

Интересны выявленные этой же переписью расхождения между численностью выходцев из отдельных стран бывшего СССР и данными по языкам, на которых говорили или хорошо их понимали опрошенные респонденты. В этом случае было учтено 4 850 025 ответов и выявлено, что при зафиксированных 4836/5094 (RPC/NPC) чел., рождённых на территории России, на русском языке в целом говорили 7 893 человека. На украинском языке говорили/понимали только 717 чел. из общего количества в 1152/1302 чел. и т.д. Ещё десять лет назад эти цифры выглядели следующим образом: 3 429 человек разговаривали на русском языке и 321 – на украинском **[4]**.

Из приведённых в таблице 1 цифр в 7089/7641 чел. за 2006 г., отражающих официальную оценку численности иммигрантов, рождённых на постсоветском пространстве, следует, что более половины из них являются выходцами из России. При этом, учитывая количество ответов на вопрос об использовании русского языка в межличностном общении и на бытовом уровне, практически все респонденты говорили на русском языке или понимали его. Интересно сопоставить данные в динамике по этническим русским: в 1991 г., например, таковыми себя называли всего 480 чел. (здесь необходимо учитывать предыдущие волны эмиграции); в 1996 г. – уже 2187 чел., а в 2006 г. – 5094 (NPC) чел.

Изменения в базовой этнической идентичности. Прежняя этническая идентичность мигрантов подвергается серьёзным испытаниям в новой культурно-языковой среде. В новозеландской статистике процесс изменения идентичности у иммигрантов соотносится с местом их рождения и временем их постоянного проживания в стране. Все респонденты разделяются на три группы: рождённые в Новой Зеландии, рождённые за рубежом и проживающие в стране более десяти лет, рождённые за рубежом и проживающие здесь меньше десяти лет. Предполагается, что временной отрезок культурно-языковой адаптации в одно десятилетия является достаточным для начала изменений в базовой идентичности. Применительно к ограниченной группе постсоветских русскоязычных иммигрантов в Новой Зеландии эта модель исследовалась Е. Майделл **[7]**. Изменения в базовой идентичности варьируют от болезненного обострения чувства русскости до сознательного космополитизма. Первый тип изменений характерен, прежде всего, для возрастных иммигрантов, эмигрировавших за своими детьми. Встреча с иной культурой, всегда начинающаяся с феномена культурного шока, для них нередко заканчивается самоизоляцией и идеализацией прошлого опыта. Для этого типа носителей этничности характерно эмоциональное отношение к любым попыткам проникновения в их мир. Известны даже трагические случаи самоубийств среди возрастных иммигрантов, связанные с попыткой проведения новозеландских исследований по теме «русские иммигранты и ностальгия по России» **[9]**.

Обострённая «русскость» присуща, как правило, первому поколению иммигрантов. Их потомки, особенно родившиеся уже за рубежом, пройдя социализацию в англоязычном обществе, могут уже не соотносить себя с русскоязычным населением. По данным 2013 г., например, более половины учтённого населения считают себя «новозеландскими европейцами», а около 170 тыс. человек совсем не ответили на вопрос о своей этнической принадлежности. Биографические рассказы русских иммигрантов подтверждают вывод о том, что изменения в этнической

идентичности тесно коррелируют со временем постоянного проживания бывших россиян в новой стране, их возрастом и результатами социокультурной адаптации в целом.

Среди русскоязычных иммигрантов широко бытуют такие самоназвания как «киворусы», «русские киви», «кивороссы» и т.п. Подобные самоназвания связаны с общенациональным идентификатором «киви», что равнозначно понятию «новозеландец». Русскоговорящие мигранты для обозначения англоязычных жителей страны используют также термин «кивийцы». Этимология этого слова связана с одним из национальных символов страны – реликтовой нелетающей птицей киви, которая обитает только здесь. Этот символ наряду с другими входит в комплекс национально-различительных черт – так называемую «кивиану» – и служит важным средством формирования и поддержания новозеландского общенационального самосознания. Лица, обозначающие себя указанными выше самоназваниями, как правило, являются носителями гибридной идентичности. Как крайний вариант этой модели можно рассматривать сознательный отказ от первой идентичности. Один из постсоветских эмигрантов, например, высказался на эту тему следующим образом: «По складу наше поколение уже гораздо ближе к англосаксам, которые легко перемещались по миру, стремясь к захвату лучших мест под солнцем….мы теперь наполовину уже англосаксы …». Отказ может выглядеть и как стремление скрыть по разным причинам свою истинную этническую принадлежность.

Русскоязычные иммигранты в межэтническом общении. Как показывает опыт стран, принимающих мигрантов, рано или поздно перед ними встаёт вопрос о пределах допустимой миграции в связи с проблемой сохранения собственной культуры. Не является исключением и Новая Зеландия. Мультикультурализм как основа внутренней политики в этой стране пока ещё не приводил к заметным межэтническим или межрасовым столкновениям. Однако и здесь можно видеть предвестники возможных конфликтных ситуаций. Например, в больших городах существуют районы с чётко очерченными негласными границами, где предпочитают селиться люди не только разного достатка, но и различной этнической или расовой принадлежности. Существует и заметная дискриминация при приёме на работу новоприбывших по этим же критериям, хотя законодательно это запрещено. Определённая напряжённость по многим вопросам в настоящее время существует в отношениях внутри самого новозеландского общества – между белыми «европейскими» новозеландцами и маорийцами. Последние, например, категорически против притока мигрантов в страну вообще. Белое население, в свою очередь, высказывается против увеличивающегося притока мигрантов из азиатских стран.

Русскоязычные иммигранты, опираясь на личный опыт, в разной степени признают факт наличия расовой и этнической дискриминации в новозеландском обществе. Нередко говорится о «колониальном высокомерии» белых новозеландцев или об отношении к тем, кто ещё не освоил новозеландский английский, как к умственно отсталым. Многих раздражает вопрос «Откуда Вы?», возникающий уже на первой минуте общения с местными жителями, которые так реагируют на акцент собеседника, хотя последний может уже длительное время проживать в стране и тоже считать себя киви. Но в целом, главными факторами успешной адаптации называются всё же не происхождение, а профессиональный опыт и уровень владения английским языком.

Таким образом, в этнической структуре современной Новой Зеландии русскоязычные мигранты в целом и этнические русские в частности по такому параметру, как общая численность, находятся в конце списка

выявленных последней переписью этнических групп. С учётом других источников, максимальная совокупная численность русскоговорящих в этой стране не превышает пятнадцати тысяч человек, что не составляет и полпроцента от общей численности постоянного населения страны. Численность людей, принадлежащих тому или иному этносу, после эмиграции является основополагающим фактором для их консолидации новой стране и появлении возможностей полноценного участия в культурно-языковой жизни общества. Скорее всего, таких возможностей в настоящее время у русскоязычной диаспоры в Новой Зеландии по-прежнему нет. Однако давние традиции русофобии в англоязычном мире и современные геополитические реалии обуславливают значительный интерес к выходцам из России, который намного превосходит их скромное место в этнической композиции этого государства. В этой ситуации, как парадоксально это не звучит, появляются потенциальные возможности через различные объединения русскоговорящей колонии в Новой Зеландии средствами «народной дипломатии» привлечь внимание остального населения к русской истории и к проблеме национальных интересов современной России.

◆

Литература

1. 2006 Census: «Birthplace-census-usually-resident-pop-count-2006», «Birthplace-census-night -pop-count-2006» [Электронный ресурс] URL: http://www.stats.govt.nz/Census/2006CensusHomePage/classification-counts-tables/about-people.aspx# (дата обращения: 01.01.2015 г.)

2. 2006 Census: ethnic groups [Электронный ресурс] URL: http://www.stats.govt.nz/Census/2006CensusHomePage/classification-counts-tables/about-people/ethnic-group.aspx (дата обращения: 01.01.2015 г.)

3. 2006 Census: history [Электронный ресурс] URL: http://www.stats.govt.nz/Census/about-2006-census/introduction-to-the-census/history-of-the-census-in-nz.aspx (дата обращения: 01.01.2015 г.)

4. 2006 Census: languages spoken [Электронный ресурс] URL: http://www.stats.govt.nz/Census/2006CensusHomePage/classification-counts-tables/about-people/language-spoken.aspx (дата обращения: 01.01.2015 г.)

5. 2013 Census: culture and identity [Электронный ресурс] URL: http://www.stats.govt.nz/Census/2013-census/profile-and-summary-reports/infographic-culture-identity.aspx (дата обращения: 01.01.2015 г.)

6. 2013 Census: languages [Электронный ресурс] URL: //http://www.stats.govt.nz/browse_for_stats/people_and_communities/Language.aspx (дата обращения: 01.01.2015 г.)

7. Maydell E. The making of cosmopolitan selves: the construction of identity of Russian-speaking immigrants in New Zealand. A thesis for degree of Ph.D. in Psychology. Victoria University of Wellington, 2010. 260 p. Manuscript.

8. New Zealand as a village of 100 peoples [Электронный ресурс] URL http://www.stats.govt.nz/Census/2013-census/profile-and-summary-reports/2013-census-infographic-nzvillage.aspx (дата обращения: 01.01.2015 г.)

9. Pennington L. Nostalgia and notion of return and exile among Russian émigrés. Victoria University of Wellington, 2003. 133 p. Manuscript.

Семинар «Теория бюрократии в свете реалий современной России» (25 ноября 2015 г., Владивосток)

Seminar "The theory of bureaucracy in the light of the realities of modern Russia" (November 25, 2015, Vladivostok)

Наш журнал продолжает обсуждение не теряющих своей научной и практической свежести проблем теории и практики бюрократии, её противоречивых отношений с обществом. Первый междисциплинарный семинар, посвящённый этой теме, был организован редакцией «Ойкумены» в июне 2014 г.[1] В ходе него участниками была проведена предварительная внутренняя разметка обширного предметного поля теории бюрократии и выделен целый комплекс специальных вопросов, заслуживающих дальнейшего, более подробного, рассмотрения. На этом первом семинаре было решено, что следующий раунд дискуссии по теме пройдёт в ноябре 2014 г.

Второй семинар по теории бюрократии состоялся в Восточном институте – Школе региональных и международных исследований ДВФУ 25 ноября 2014 г. Порядок проведения нового семинара был определён его бессменным ведущим, д.ф.н., заведующим кафедрой философии ДВФУ С.Е. Ячиным., который предварительно ознакомил потенциальных участников со своим докладом «Теория бюрократии в свете реалий современной России (Об антиномии функции поддержания системного порядка и требований развития в условиях современности)». Таким образом, очередной раунд семинара был сфокусирован на критическом разборе весьма объёмного и сложного по своим задачам и тематической структуре текста. Далеко не все участники прошлого семинара оказались готовы взять на себя немалый труд анализа представленного доклада. Тем не менее, в итоге на приглашение редакции журнала обменяться своими мнениями о докладе и более общими суждениями о затрагиваемых в нём фундаментальных и прикладных проблемах откликнулся ряд историков, политологов и философов университета. Школу региональных и международных исследований на семинаре представляли д.и.н. А.М. Кузнецов (кафедра международных отношений) и к.полит.н. А.А. Киреев (кафедра политологии), а Школу гуманитарных наук – к.полит.н. В.А. Бурлаков (кафедра журналистики и издательского бизнеса) и к.ф.н. О.Л. Грановская (кафедра философии).

В этом номере «Ойкумены» мы предлагаем вниманию наших читателей статью С.Е. Ячина, подготовленную им на основе обсуждавшегося на семинаре доклада. Кроме того, в рубрике публикуются отзывы двух участников семинара, написанные ими по мотивам прошедшей дискуссии. Тексты рубрики несут на себе отпечаток связанной с их появлением острой, разнонаправленной и, возможно, в чём-то слишком категоричной полемики. Они наполнены множеством спорных и требующих уточнения тезисов и оценок, поставленных, но не вполне раскрытых (и уж тем более – разрешённых) вопросов, к разработке которых мы непременно вернёмся в дальнейшем.

---

[1] Отчёт об этом семинаре был опубликован в № 3 «Ойкумены» за 2014 г.

УДК 111; 303

Ячин С.Е.
Yachin S.E.

Теория бюрократии в свете реалий современной России

(Об антиномии функции поддержания системного порядка и требований развития в условиях современности)

The theory of bureaucracy in the light of the realities of modern Russia

Сформировавшееся в массовом сознании негативное отношение к бюрократии прикрывает её сущностную необходимость в сложноорганизованных социальных системах. Бюрократия, как это было впервые показано М. Вебером, выполняет рациональную функцию воспроизводства системного порядка. Наиболее строго эта функция может быть определена как легитимация трансакций, осуществляемая должностным лицом. Чем сложнее система, тем важнее указанная функция её воспроизводства. Однако в современном обществе, где условием воспроизводства в конкурентной среде является инновационное развитие, возникает острое противоречие между требованиями порядка и развития.

Ключевые слова*: теория бюрократии, воспроизводство системного порядка, инновационное развитие, общество риска, цивилизм*

◆

A negative attitude toward bureaucracy formed in the public mind covers its essential need for a highly organized social systems. Bureaucracy, as was first shown by Max Weber, performs a rational function reproduction system order. Most strictly, this function can be defined as the legitimation of transactions carried out by an official. The more complex a system is the more important the specified function of its reproduction. However in modern society where the conditions of reproduction in a competitive environment is innovative development, there is a sharp conflict between the requirements of the order and development.

Key words*: the theory of bureaucracy, the reproduction of the system order, innovative development, risk society, civilism*

1. К понятию бюрократии

Современная социальная теория, при всех внутренних разногласиях их авторов, рассматривает общество как системное целое, циклично воспроизводящее себя во времени. Основная проблема социальной системы (как на практике, так и в теории) – это вопрос воспроизводства социального *системного порядка*. (В основном благодаря Т. Парсонсу **[14]** этот вопрос установлен как отправной для социальной теории. Им же был поставлен вопрос о базовых функциях такого воспроизводства).

Непосредственным социальным институтом, отвечающим за воспроизводство *системного* порядка, в обществах государственного типа,

ЯЧИН Сергей Евгеньевич, д.филос.н., зав. кафедрой философии Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*. **E-mail:** Yachin.se@dvfu.ru

является бюрократия. Смысл существования (и оправдания!) бюрократии заключается в том, что в сложных системах необходимо предпринимать особые усилия для удержания связей между элементами <социальной> системы и этапами <социального> процесса. Подчеркнём, что это не единственный способ поддержания порядка. Ему противостоит существующий от начала «социальных времён» и до нынешнего времени другой принцип порядка – *авторитет*. Противостояние и взаимопроникновение двух принципов во многом определяет общую ситуацию с системным порядком в обществах любого типа.

Функция института бюрократии – *легитимация трансакций, осуществляемая должностным (легальным) лицом*, и без этой функции государство и характерный для него системный порядок существовать не могут. Но вопрос о том, во всех ли случаях необходима такая легитимация и в какой мере – относится к существу рассматриваемой проблемы. Общая зависимость такова: чем сложнее социальная система, тем более значимой является функция поддержания системного порядка, тем важнее роль института бюрократии. Подчеркнём (соглашаясь здесь с М. Вебером), что эта функция является *рациональной*.

В зависимости от теоретических воззрений того или иного автора механизм воспроизводства социального порядка можно описать разными концептами (не используя даже термин «бюрократия»), но не заметить существование такого механизма – невозможно. Среди наиболее влиятельных теорий стоит отметить идеи *власти дискурса* М. Фуко (см. например «Порядок дискурса») и *символической власти* П. Бурдье («Социальное пространство и символическая власть»). Во всех случаях отмечается главная черта института бюрократии – с одной стороны, функционально обезличенный характер воспроизводства социального порядка, с другой, все акторы социальных отношений должны взаимно «одобрять» условия легальности своих действий. Однако аналитическое вычленение этой функции представляет значительную теоретическую трудность. Эта функция не совпадает целиком ни с функцией власти (являясь её производной), ни, тем более, с социальной ролью какого-либо социального актора. Ни *власть дискурса*, ни *символическая власть*, ни, добавим, *бессознательное власти*, аналитически строго не вычленяют феномен бюрократии. Здесь самым важным является связка функции легитимации с актором (должностным лицом), который её осуществляет. Я полагаю и буду исходить из того, что собственно бюрократической функцией является тот способ *легитимация трансакций*, который *легально* осуществляет специально предназначенное для этого лицо, и она, с одной стороны, касается всех акторов социального процесса, но с другой, нет никакого лица, которая бы эта функция полностью поглощала. Тем не менее острота проблемы состоит именно в характере закрепления функции за определённым лицом. Проблема не в том, что для воспроизводства системного порядка необходима легитимация трансакций, но в том, что эта функция закрепляется за должностным лицом, который эту функцию антропологически искажает. Всё дело в антропологическом превращении нормативной формы функции.

Послесловие автора. Автор благодарен коллегам за высказанные замечания, которые были сделаны в рамках обсуждения статьи на проведённом журналом семинаре. После этого обсуждения в конечный вариант были внесены важные уточнения. В первом варианте бюрократическая функция воспроизводства системного порядка была определена как *легитимация трансакций*. Подразумевалось, но не было ясно сказано, что эта легитимация осуществляется некоторым должностным, т.е. легальным лицом. Таким образом, определение бюрократической функции теперь выглядит следующим образом: *это легитимация трансакций, осуществляемая должностным лицом*.

Будем понимать под *трансакцией* любое изменение позиции социального актора в социальном пространстве и времени, в рамках того или иного *социального отношения*. (Вплоть до перемещения из одного социально фиксированного места в другое, например, из дома на работу). Будем считать трансакцию *легальной*, если она, как минимум, фиксируется тем или иным образом (имеет *запись* в социальном пространстве, например, чеком магазина). Будем рассматривать акт легитимации (разрешения/запрета) осуществляемый должностным лицом как конститутивный для бюрократического воспроизводства системного порядка.

Трудность вычленения бюрократической функции обусловлена тем, что она органически сплетена с функцией *системного администратора или управленца*. В сложной системе всегда должен быть тот, кто держит под контролем картину целого. Пусть это будет администратор гостиницы или генеральный конструктор. Тем не менее, легитимация трансакций и системное администрирование функционально разные задачи. Администрирование далеко не всегда требует легализированной легитимации трансакций, но может осуществляться вполне «авторитарно» (обратим внимание на роль авторитета в научных сообществах).

Таким образом, теоретический взгляд на феномен бюрократии предостерегает нас от двух ошибок: от отождествления бюрократии с людьми, осуществляющими функцию поддержания системного порядка, и от обывательского негативного значения слова «бюрократ». Теоретический подход позволят увидеть как позитивную двойственность этого феномена, так и оценить риски, которые он в себе несёт.

Теория бюрократии vs. обыденного представления о ней

То, что имя «бюрократия» имеет устойчиво негативный смысл в обыденном сознании – особым образом отражает сущностную черту бюрократической функции: быть барьером (препятствием, фильтром) при осуществлении продуктивного и непосредственно-целесообразного социального действия (трансакции). Бюрократическая функция в принципе не может позитивно восприниматься деятелем (продуктивным социальным актором), поскольку совершенно объективно эта функция увеличивает транзакционные издержки (в простейшем случае требует дополнительных затрат времени). Непосредственно, для данного целесообразного действия акт легитимации трансакции в большей части случаев не представляет никакой ценности. Он воспринимается как «печальная необходимость социального бытия». Для того чтобы воспринимать эту функцию позитивно, нужно сойти с позиции своего частного интереса и посмотреть на данный акт с точки зрения интересов целого, т.е. воспроизводства системного порядка. Такого рода установка не характерна для обыденного сознания.

Другое дело – социальный теоретик, поскольку он тоже не склонен воспринимать бюрократию как необходимое и потому позитивное явление социального целого. Здесь мы сталкиваемся с наследием классического физикализма, который мыслит мир исходя из наличия тел, которые производят функции. Такой взгляд на мир понуждает искать в социальном пространстве «тело» (в данном случае – бюрократа), от которого производна некоторая функция.

Современная научная парадигма требует мыслить ситуацию диаметрально противоположно. Имеется структурно обусловленный порядок, который функционально призывает к себе, выращивает «тела» определённого рода. Эта такой порядок, который создаёт своё собственное социальное тело. В этой парадигме бюрократия – исключительно функция структурного порядка, распределённая таким образом, что она касается (становится должностной функцией) всех социальных агентов

(всех должностных лиц: не только государственных служащих, но частных компаний, культурных и научных учреждений).

Главный вопрос социальной аналитики состоит в понимании того, как распределяются в социальном пространстве функции необходимые для воспроизводства системы, как эти функции закрепляются за определёнными социальными агентами («телами»). Классическая проблематика социальной теории, связанная с понятиями роли и статуса, никогда в общем плане не ставила вопрос о том, как в личности данного социального агента соединяются эти роли и статусы. В редчайших случаях лицо несёт на себе какую-то одну социальную функцию (исполняет одну роль). Как правило, каждое лицо выполняет некоторое число обязанностей и вопрос об их комплексности – едва ли не центральный. Знакомая проблема конфликта интересов различных субъектов социальной организации в первую очередь касается каждого из них. Прежде всего, следует обратить внимание на конфликт ролей. Наибольшую известность получил т.н. гендерный конфликт, который разрывает женщину между ролью матери и работника некоторой организации.

Используя структурно-функциональный подход, такой же конфликт мы должны увидеть в деятельности чиновника и любого другого агента, профессионально действующего в государственно-правовом поле. Поскольку мы не способны определить точные границы бюрократической функции, смешивая её с управленческой и административной, то мы не можем умерить её аппетиты. Проблема бюрократии состоит в том, что, не имея чётких понятийных границ, она захватывает другие социальные роли и функции. В основном бюрократия мимикрирует под производительную управленческую функцию.

Таким образом, теоретически, бюрократия это не совокупность лиц, которые несут на себе указанную функцию, но структура (институт), который касается всех членов общества, поскольку они легально участвуют в социальных трансакциях. В той мере и поскольку трансакция требует и/или допускает легитимацию тем или иным должностным лицом, она входит в сферу бюрократической структуры и процедуры. Государственный чиновник – безусловно, наиболее явный *актор*[1] этой структуры, но таким же актором или агентом является продавец магазина, законно проводящий трансакцию купли-продажи, или школьный учитель, выставляющий оценку и переводящий ученика от изучения одной учебной темы к другой. Важным признаком бюрократической нормативной функции является возможность извлечения собственной выгоды актором из её нарушения. *Бюрократической функции без её нарушения не бывает!*

Понимание бюрократии как социальной структуры в общем и целом соответствует идеи структурации Э. Гидденса, который понимает под структурой «правила и ресурсы, подразумеваемые в процессе воспроизводства социальных систем», а под структурацией – упорядочивание социальных отношений в пространстве и времени **[5, с. 501]**. Согласно автору, структура так или иначе проявляет себя в действии и (добавляем, Гидденс об этом прямо не говорит) это социальное действие обязательно имеет трансакционный характер.

Бюрократия – легальный посредник в социальных трансакциях и общей проблемой существования бюрократии является неизбежное противоречие, в котором находится всякий посредник некоторого отношения. С одной стороны он служит удержанию отношения, но с другой – у посредника, как социального актора, имеется собственный интерес,

---

[1] У Т. Парсонса и Э. Гидденса понятие актора выражает то обстоятельство, что все социальные процессы предполагают понимание (рефлексию), т.е. должны проходить через чью-то сознание. Актор – это сознающий агент социальной структуры.

это отношение разрывающее. В теоретическом плане это противоречие может быть представлено как противоречие системы и жизненного мира **[16]**. Но современная эпоха добавляет к этому перманентному противоречию более серьёзное.

Рациональность под вопросом

Несмотря на все эпохальные изменения в условиях воспроизводства социальных систем – рациональность остаётся принципом работы бюрократических институтов общества. По словам Р. Коллинза, «рациональное планирование и учёт – это как раз то, что делает организацию бюрократической» **[7, с. 404]**. Она остаётся таковой просто потому, что процедура легальной легитимации может быть только рационально оформленной (в соответствии с процедурой, смысл которой понятен его участникам, хотя при этом некоторые из них могут считать её «нерациональной» в смысле неэффективной или нецелесообразной).

Появление электронных форм учёта (слежения – в том числе) радикально изменило физиономию современного общества **[15]**, что повлекло за собой значительное изменение бюрократической функции и, соответственно, потребовало внести коррективы в то достаточно «романтическое» понимание природы бюрократии, который придал ей М. Вебер **[4]**.

Современная «цифровая эпоха», которая значительно расширила зону возможности учёта и контроля, выявила парадокс бюрократической рациональности: для осуществления бюрократической функции *не надо думать* (или *лучше не думать*!). В перспективе потенциальной осуществимости эта функция может быть полностью автоматизирована. Будучи изначально обезличенной – сегодня она становится агуманоидной в технологическом смысле, т.е. в принципе заменимой автоматом (о проверке социальной системы тестом «агуманоидности» см. **[19]**). И действительно, поглощая в себя людей, акторов социальной структуры, институт бюрократии отучает их думать.

Опять-таки согласно М. Веберу (его теории целерациональности) рациональность это вопрос соответствия целей и средств. Деятельность является рациональной при условии (или постольку-поскольку), что средства адекватны поставленным целям. Отсюда, деятельность бюрократии является рациональной постольку, поскольку используемые ею средства (механизмы, инструменты, процедуры) адекватны цели – воспроизводству системного порядка. Так, например, формальный принцип права (как основы правового порядка) является наиболее строгим выражением принципа рациональности бюрократии, а *идеальным <позитивным> типом* бюрократа является прокурор.

Последующее развитие теории бюрократии, обусловленное прежде всего изменением условий социального воспроизводства, выявило феномен *дисфункциональности* бюрократии **[10; 21]**. С этой дисфункциональностью Р. Мертон столкнулся, раскрывая место и значение науки в современном (ему) обществе. Нигде дисфункциональная роль бюрократии не проявляется столь наглядно и остро, как в попытках «управлять» научными исследованиями: в нашей терминологии – «легитимизировать научные трансакции».

Дальше – больше. Оказалось, что для обществ современного (постсовременного) типа классический способ поддержания порядка <часто> дисфункционален и не только в сфере науки. Этот способ является таковым потому, что условием воспроизводства современного общества является *инновационное развитие*, т.е. качественное изменение (совершенствование) воспроизводства. С позиции экономического базиса общества это воспроизводство в первую очередь зависит от качества социального/

человеческого капитала. Это требование императивно, поскольку определяется глобальной конкуренцией в политической и экономической сферах современного мира. Проблема состоит в том, что функция поддержания системного порядка в принципе не способна к адекватному ответу на вызов требований инновационного развития. Хотя бы потому, что принципиально новое не может быть предметом легитимной трансакции. Чтобы её осуществить приходится часто прибегать к «хитрости»: новое выдавать за старое.

Не случайно, что в глазах широкой общественности бюрократия стала негативным символом преграды целесообразной логике развития. Позитив (и то в относительном смысле) был закреплён за *администрацией* и, соответственно, административно-правовым порядком. Обыватель стал называть бюрократическим излишнее рвение администрации за поддержание формальной стороны порядка. Связь бюрократии с администрированием закрепилась на уровне государственного управления, которое само борется (и не без отдельных успехов) с так называемыми «административными барьерами». Но, как и во всех остальных случаях, сдвижки в массовом сознании указывают на проблему, в то же время прикрывая её существо. В теоретическом смысле администрация это и есть элемент бюрократической структуры современного общества.

Такова антиномия. Бюрократия призвана: (А) отвечать за воспроизводство системного порядка, но она (не-А) не способна отвечать за воспроизводство инновационного порядка, поскольку для неё (для её рациональности) этот *порядок развития* (логика развития) выглядит как *сущностный беспорядок*.

Таким образом, теоретически вопрос состоит в прояснении того, (1) как бюрократия отвечает на изменение условий воспроизводства и, если этот ответ неадекватен, но (2) как она в принципе должна отвечать. (Оба вопроса предполагают оправдание её существования: бюрократия необходима!)

2. Как бюрократия реагирует на требования развития системы (диагностика)

В России бюрократия всегда играла и продолжает играть исключительно важную роль. Реалии современной России состоят в том, что в результате перестройки у нас сформировалась система *бюрократического капитализма* (как трансформация предшествующего ему бюрократического социализма).

Бюрократический капитализм – это социально-экономическая система (экономический уклад), в которой *основным* источником капитализации (извлечения прибыли) является доступ к власти. Коротко говоря, эта система характеризуется сращением власти с капиталом. Соответственно, бюрократический социализм – это система, где распределение общественных благ определялось позицией лица во властной иерархии.

Будет ошибкой считать, что исключительная роль бюрократии в истории и современности России является злым умыслом какого-то лица. Эта роль – следствие (и отчасти – плата) за размер государственной территории и объёма природных богатств, которые находятся в распоряжении властей (государства). Поддержание системного порядка (связей между элементами системы) требует тем больший усилий и бюрократических ресурсов, чем больше размер страны. Добавим к этому и многонациональный состав страны.

Россия вынуждена быть если и не всегда империей, то во всех случаях Державой, т.е. государством, которое «держит» себя в своих границах особыми властными усилиями. Этому служит особый поли-

тический режим. Собственно экономических оснований для единства регионов, отдалённых друг от друга на 10 тыс. километров, нет почти никаких. Дальнему Востоку гораздо экономичней иметь рыночно-хозяйственные связи с Китаем, Кореей и Японией, чем с Москвой. С учётом многонационального состава – проблематичными являются и основания культурного единства страны. Однако любая попытка разорвать политически (государственно) фундированные экономические и культурные налаженные связи чрезвычайно опасна. Этот разрыв может быть только кровавым. Кто в этом заинтересован?
Образно, положение России можно характеризовать как тяжелоатлета, взявшего на грудь «исторический груз», который трудно поднять, но сбросить который смерти подобно.

Именно это обстоятельство определяет в основном исключительную роль государства и бюрократии в истории страны и остроту вопроса сегодня. Привычный способ *легитимации трансакций* в размерах страны тормозит её инновационное развитие. Россия сходит на периферию магистрального развития современного человечества, становится его сырьевым придатком.

Но бюрократическая структура не может не реагировать на вызовы современности. Её реакции непосредственно выражаются в характере принимаемых (доступных для её логики) решений. На сегодняшний день они большей частью неадекватны (дисфункциональны). Хотя проблема дисфункциональности бюрократии коснулась всех («Правительства XX века являют собой основные примеры выхода бюрократического аппарата из-под контроля» (Л. фон Мизес **[12]**, П. Блау **[20]**, Р. Коллинз **[7]**), но для России вопрос стоит наиболее остро.

Общий тезис рассмотренных ниже коллизий состоит в том, что органичное для бюрократии стремление к упорядочиванию социальных отношений (трансакций) в современных условиях ведёт к ещё большему беспорядку. Стремление к сохранению сложившегося порядка вещей в мировом соотношении сил вообще становится источником неуправляемого хаоса в мировой политике.

(1) *Бюрократия перед инновационным вызовом современности*. Ключевая проблема бюрократии состоит в том, что она институционально не заинтересована в качественных изменениях существующего порядка, просто потому, что призвана его сохранять. И это гораздо более серьёзная проблема, нежели её коррупционность. Бюрократия по своей природе не приспособлена к тому, чтобы принимать ответственные и своевременные решения. Однако в современных условиях она поставлена перед необходимостью это делать. (В реалиях России этого, в частности, от неё требует Лицо, стоящее как «над, так и во главе» бюрократической системы, будучи свободным от её ограничений. Однако не существует условий и инструментов, которые бы побудили бюрократию *желать* инновационного развития – исключая личной, коррупционной заинтересованности).

Ответ на этот вызов у бюрократии универсален. На требование развития бюрократия отвечает тем, что трансформирует требования развития в показатели роста. (То же самое вынуждено требовать от бюрократии Лицо, «стоящее над и во главе системы»: оно не может спрашивать с бюрократии того, что не получит отражения в отчётности, т.е. в установленных показателях роста). Операционально это выглядит как ориентация на уже существующие показатели. (В духе Ф. Бэкона – показатель роста можно именовать идолом современной бюрократии). Например таковым является ВВП для страны, доход для компании, индекс цитирования для учёного, рейтинг для университета и т.д.). Ориентация на показатели роста является рациональной для логики бюрократии (функции под-

держания сложившегося порядка вещей). Однако рост показателей замещает развитие (прогресс) и становится его симуляцией. Форсирование <экономического> роста и сдерживание качественных изменений образа жизни представляет угрозу для всего человечества. Это достаточно ясно показано в известном докладе Римскому клубу «Пределы роста» (1972). Через 30 лет после первого доклада авторы отметили, что политики ничего не сделали, чтобы изменить тренд интенсификации роста потребления, «а ещё тридцати лет у нас уже нет» **[11]**.

(2) *Цена контроля*. Контроль – обязательный элемент легитимации трансакции. (То, что трансакцией в явном виде не является – например, образ мыслей – в современном обществе, как правило, легитимному контролю не подвергается, т.к. для этого нет полной технической возможности. Но вынесение образа мысли в публичное коммуникативное пространство (в Интернет – например) уже такой контроль допускает). В целом, системный порядок невозможен без учёта и контроля. Однако «безобидное» желание «всё держать под контролем» имеет небезобидные следствия: контроль имеет свою цену. Огромные ресурсы затрачиваются на контроль, начиная от охранников разного рода и заканчивая контролёрами от всяких ведомств. (По некоторым данным до 12% трудоспособного населения заняты этой непродуктивной деятельностью. Так, охранник – также агент бюрократической системы, поскольку он легитимизирует трансакцию перемещения лиц на ту или иную территорию).

Симптоматической формой контроля в логике бюрократии является *справка*, которая служит легитимным основанием разрешения той или иной трансакции. Без-умие (нерациональность) некоторых справок поражает. (Для нас таким примером является справка об отсутствии судимости, необходимая каждому преподавателю). Никто не считает цены вопроса: сколько общественно-необходимого времени (субстанции стоимости) было затрачено миллионами преподавателей и органами МВД для получения/оформления этих справок. При этом скрытым мотивом учреждения той или иной справки является не целесообразность, но стремление снять с руководства ответственность за *конкретную оценку* дееспособности работника.

Таковы прямые издержки контроля. К непрямым, но ещё более значительным, относятся т.н. транзакционные издержки, т.е. это время, необходимое для получение разрешений, на согласование и т.п., что в конечном итоге негативно влияет на главный источник величины прибыли в современной экономике – скорость оборота капитала.

(3) *Регламентация продуктивной деятельности*. Будучи необходимой, бюрократическая функция не является производительной (продуктивной) в экономическом смысле. Она противостоит логике свободного продуктивного действия **[17]**. По определению, функция поддержания порядка сама должная быть высоко упорядоченной (комплементарной функции порядка) или, практически, жёстко регламентированной. Проблема в том, что свой регламентированный порядок работы бюрократия транслирует в сферы продуктивной деятельности, которые по существу не могут быть жёстко регламентированы. Свобода продуктивной деятельности – не прихоть его работника, но жёстко связана с требованием учёта постоянно меняющихся условий конкурентной среды, с необходимостью учёта и синтеза *неопределённого множества* факторов успешной деятельности. (Яркие примеры – организация совместной деятельности в компаниях типа «Майкрософт»).

Бюрократия и предпринимательство. Предпринимательство сущностно характеризуется риском. Помимо чисто экономических рисков особую область представляют риски правовые, т.е. риск выхода за рамки установленных норм права (за рамки установленного системного

порядка). О неблагополучии в этой сфере свидетельствует факт (данные службы по защите прав предпринимателей): за последние 10 лет около 3 млн. предпринимателей преследовались по закону (каждый 2-3). Это не считая высокой латентности такого рода «преступлений» (не менее 100%). Винить в этом только предпринимателей – едва ли возможно. (Роль проверяющих органов, которые «кошмарят» бизнес – одна из реалий нашего общества).

(4) *Регламентация перед лицом неопределённости*. Современное общество – «общество риска» **[2]**. Риск – это деятельность в условиях неопределённости. Сама идея неопределённости (и ,соответственно, риска) глубоко чужда бюрократии, поскольку весь смысл её деятельности направлен на учёт всех возможных ситуаций, на снятие неопределённости. При этом стремление снять неопределённость, предусмотреть все варианты риска вполне рационально и необходимо, однако не в той форме регламентации, которую деятелю навязывает бюрократия. У деятеля есть собственный «регламент». Он построен на прямо обратных предпосылках, нежели бюрократический. Если последний определяет условия деятельности и функциональные обязанности, как это предусматривает должностная инструкция («Вы можете начать работу при условии, что у вас имеется …»), то «технологический регламент» рекомендует и предписывает, что делать при таких-то условиях. (Понятный всем пример ПДД: «Если загорается красный, вы должны стоять»). Вне сомнения, важен и тот и другой регламент, вопрос в соотношении подходов. На практике, в высокобюрократизированном социуме должностной подход подчиняет функциональный, вместе с тем ломая логику технологической целесообразности. В целом, попытка снять неопределённость, зажать продуктивного деятеля регламентом – катастрофична для деятельности в конкурентной среде, в условиях инновационной гонки – особенно.

(5) *Парадокс бюрократического бессилия*. Это вариант знаменитого double bind (условно – «двойное послание») г. Бейтсона **[3]**, когда некое положение (утверждение) в себе самом содержит невозможность своего осуществления. (Классический пример «я приказываю, не исполнять моих приказаний»). (Г. Бейтсон показал, что double bind – это механизм шизофренического комплекса). К работе бюрократической функции это имеет ближайшее отношение. Органичным для этой функции является производство указов, постановлений, законов. При этом заведомо известно, что сделать их реальными регуляторами продуктивной деятельности и проконтролировать их исполнение в условиях принципиальной неопределённости конкурентной среды – в значительной части невозможно. Помимо прочего – исполнение закона всегда предполагает ресурс общественно-необходимых затрат труда соответствующих работников (прокуратуры, например) для контроля за соблюдением закона. Объём законов, соблюдение которых необходимо контролировать (в условиях их непрерывного печатания) постоянно растёт. Но временные (кадровые) ресурсы контролирующих органов – ограничены. В этих условиях органы (в соответствии с экономическим законом минимизации затрат и улучшая свою отчётность), берутся прежде всего за те правонарушения, расследование которых наиболее просто. В итоге ситуация бюрократической неконтролируемости социальных процессов только возрастает (по аналогии с ростом неконтролируемости мышления шизофреника). На это бюрократическая система реагирует новыми указами … и если бы не наличие в их среде лиц со здравым смыслом, то конечным итогом был бы полный коллапс системы (мышления – соотв.)

(6) *Контролировать процесс, не отвечая за результат*. Регламентация продуктивной деятельности и производство указов имеет скрытое основание. В них сокрыта особая «корысть» бюрократа. Почти все спе-

циалисты по управлению отмечают, что особенностью нашей административной системы является стремление администраторов снять с себя ответственность за результат (несколько это возможно). Регламент, построенный по образцу работы бюрократической системы, заведомо неисполним для продуктивного деятеля. Продуктивная (инновационная) деятельность полностью никогда не совместима с регламентом (не отождествлять с технологической дисциплиной!). Такого рода деятельность предоставляет широчайший простор для контролирующих органов. Чем жёстче регламент – тем уязвимей его исполнитель, тем в более безопасном положении находится тот, кто разработал и утвердил регламент. В случае, если что-либо случится, будет виноват тот, кто нарушил его («стрелочник»).

Администратора (как агента бюрократической функции) можно понять. Он сам находится в иерархической цепи. На него также спущена ответственность вышестоящего начальства.

Таков принцип иерархии, который неумолим для бюрократической системы. Поскольку любое иерархическое звено уязвимо для высшего звена, то запускается процесс смещения ответственности на самые низкие звенья. Именно поэтому высшее звено заинтересовано производить как можно больше указов, что оно должно предусмотреть все возможные риски, связанные с его деятельностью. Если что-то произойдёт, но не было предусмотрено указом, то будет виноват администратор высшего звена. Если же указ был, но виноватым будет низшее звено.

> Ицхак Адизес (помимо прочего – почётный академии госслужбы при президенте РФ) утверждает: «Как специалист по управлению, работавший в 52 странах в течение сорока лет, я могу совершенно точно сказать, что тормозит развитие России — это глубокий страх перед вышестоящим начальством и коррупция».

Повторимся. Принцип иерархии хорошо работает в простых системах (при однозначных целях, как в военных операциях), но чем сложнее система, чем богаче «дерево целей» и возможных альтернативных решений, тем больший обратный эффект даёт этот принцип.

(7) *Стерилизация среды.* Среда, в которой отсутствует риск, стерильна. Но она же безжизненна. Заметным явлением времени стало вторжение государства (бюрократической системы) в сферу человеческих (в особенности семейных) отношений. Ювенальная юстиция – тому самый характерный пример. Посыл таков. Мораль как универсальный регулятор человеческих отношений объявляется ненадёжной, и она последовательно замещается нормами закона, нарушение которых наказуемо.

Возможно это приводит к некоторому снижению семейного насилия (а вероятнее – к росту латентности), но вместе с тем к моральной деградации общества. Если отношение регулируется юридически, то это автоматически заглушает голос совести. (Именно потому, об этом понятии слышать почти не приходится).

Мы имеем дело со случаем, когда лекарство – хуже самой болезни.

(8) *Сакральный объект заботы.* Естественное стремление бюрократической системы контролировать процесс (и потому не отвечать за результат) – требует общественного оправдания. Таковым оправданием является забота о благополучии народа, и особенно в его составе – детей. (Заметим, как муссируется образ их «незащищённости»). Дети – сакральный объект бюрократической заботы. Потому обращение с детьми регламентируется самым тщательным образом. Около 200 указов регламентируют деятельность педагогов в школе, запрещается иметь дело с детьми лицам, имеющим судимость и пр. Эффективность такой

регламентации интересует мало. (Например, следующий факт. Влияние школьной среды на ребёнка находится на 24 месте, пропуская вперёд родителей, СМИ, сверстников и пр.)

(9) *Бюрократический принцип формирования политических элит*. В своё время П. Сорокин поставил вопрос о социальных лифтах как важнейшего условия существования (воспроизводства) «открытого» общества. Политический лифт (лифт власти) который возносит персонаж на уровень возможности принятия значимых для общества решений – важнейший для исторического воспроизводства государства. Какие решения принимаются – зависит от лица, принимающего решения (ЛПР), от его видения ситуации (в идеале это global vision), а само это лицо сформировано привычками и компетенциями, которое оно обрело, поднимаясь по лифту власти, либо же оно отфильтровано среди массива лиц, имеющих соответствующие амбиции (при определении состава выборных органов).

Бюрократический капитализм требует от кандидата на ЛПР послушания воле вышестоящего (см. выше о принципе иерархии), но именно это и приводит к деградации элит. Ментальное качество лица, которое вознесено послушанием, состоит (в лучшем случае) в способности хорошо делать своё частичное дело. Это лицо не научено опытом видеть ситуацию в целом и принимать стратегические решения. Принимать такие решения означает вовремя реагировать на вызовы. Все поражения в войнах, в конкурентной борьбе можно рассматривать как результат запоздалых решений.

Эти лица, собранные вместе (в парламенте), увязают в решении простых и частных задач и не отвечают на глобальные вызовы конкурентной среды. Частное и второстепенное – заслоняет общее и первостепенное. Уже весь орган не настроен на принятие комплексных стратегических решений. Политический менталитет сформирован таким образом, чтобы скороспело реагировать («печатанием» законов) на совершенно частные ситуации. Тратится драгоценнейшее время законодателя, от коллективной воли которого зависит жизнь всей страны. Между тем законы, которые требуются для инновационного прорыва (реформирование экономической системы), отложены «в долгий ящик». (Ведь сколько усилий было затрачено на переименовании милиции в полицию и по переводу стрелок часов!).

В целом, основной негативный эффект чрезмерной бюрократизации общества состоит в том, что она запускает механизм отрицательного естественного отбора в формировании политических элит. На ведущие места ставятся «хорошие» исполнители, тогда как для инновационного прорыва, для ответа на вызовы конкурентной среды, нужны «революционеры» (типа С. Джобса).

(10) *Бюрократия и коррупция*. Коррупция – в широком смысле –использование служебного положения в личных целях (в особом, но характерном случае – это обогащение). В общем случае чиновник не может не пользоваться теми преимуществами, которое ему даёт место в иерархии власти. Сращение власти и капитала (система бюрократического капитализма) – естественная питательная среда коррупции. Чем в большей степени распределение национальных благ и богатств определяется легитимными органами власти, тем значимей функция легитимации трансакции, тем больше она зависит от лица, которое её осуществляет. Наказание за получение личной выгоды от этой функции никогда не было существенным ограничением для личного обогащения.

Личность чиновника, однако, здесь почти не при чём. Такова логика бюрократической системы в условиях позднего капитализма. Сращение бюрократии с собственностью (основной посыл К. Маркса) тем

значительнее, чем больше величина благ, которыми распоряжается государство. Уровень коррупции прямо пропорционален численности государственных чиновников, умноженной на величину государственного бюджета (бюджета, участие в распределении которого они принимают). И он значимо не зависит от жёсткости наказания. Поэтому на попытку борьбы с коррупцией посредством наказания отдельных лиц можно ответить шуткой Маркса: «Бьют по мешку, а имеют в виду осла».

В своё время Й. Шумпетер (1911 г.) **[18]** ввёл понятие предпринимательского капитала (предпринимательской прибыли) как платы за неизбежный предпринимательский риск. По аналогии, коррупционная составляющая – это плата за риск чиновника, который вынужден рисковать, выходя за рамки установленного регламента (в данном случае – это должностные обязанности).

Рассмотрим типичное правонарушение государственного чиновника – нецелевое расходование бюджета (которое тщательно отслеживается органами прокуратуры). Допустим, чиновник проявляет заинтересованность в том, чтобы контракт на закупку получило определённое лицо, известное качеством исполнения, а не то, которое предложит более низкую цену. Для этого нужно идти на всякие «хитрости». Чиновник рискует. Будет ли справедливым, если он получит компенсацию за риск (откат)? Примерно так рассуждает и морально оправдывает себя чиновник. И с точки зрения интересов дела, с точки зрения необходимости развития, часто это оправдание действительно.

В большем же числе случаев чиновник категорически отказывается идти на малейший риск, даже если это и не нарушает инструкцию. Достаточно того, что возникает риск ответственности за разрешение чего-либо (за разрешение той или иной трансакции). Знаменитое: «Как бы чего не вышло!». Именно в этих случаях взятка служит компенсацией за риск проявленной ответственности.

(11) *Проблема эффективного менеджера*. Бюрократия не может остаться в стороне от продуктивного развития. Так или иначе, но оправдывая свою функцию, она стремится показать свою продуктивность. Образ этой продуктивности закрепляется в персонаже менеджера. (Персонаж – субъективированный агент сценария воспроизводства системного порядка). Теоретически здесь надо иметь в виду, что функции управления сложными социальными системами и поддержания в них порядка, в том числе посредством легитимации трансакций, друг без друга не существуют. Однако продуктивное управление (каковое осуществляет хозяин производства – предприниматель) в значительной степени опирается на авторитет (хозяина) и только во вторую очередь предполагает легитимацию. В том случае, когда менеджер не может опираться на свой авторитет (по многим причинам), он будет вынужден выводить в приоритет управления регламенты и постоянно заботится о легитимности трансакций. Бюрократическая рациональность в этом случае подчиняет себе логику продуктивной деятельности. Но «именно рациональность организации имеет своим результатом неспособность бюрократов понять общие цели» **[7, с. 405]**.

Предприятие, которое работает в инновационной конкурентной среде, будет проигрывать конкурентам (при равных ресурсных условиях), если во главе будет стоять не авторитет, но «эффективный» менеджер.

Ограничение на управляемость сегодня вводятся самой теорией менеджмента **[6]**. Этому ограничению соответствуют методологии типа *knowledge management или management by object* (системы мало распространённые в России – поскольку они сильно ограничивают значимость бюрократии).

Риск для страны. Основным источником извлечения <сверх> прибыли (капитализации) на сегодняшний день в России остаются природные ресурсы (энергоресурсы). Сложившаяся бюрократическая система адекватна тем формам трансакций, которые связаны с извлечением и перераспределением этого ресурса. Бюрократия, с сопутствующими ей эффектами, остаётся основным источником капитализации (для всей страны!). В этом её сила. Но она совершенно неадекватна задачам построения инновационной экономики. Всё дело в том, что основным ресурсом инновационной экономики является т.н. социальный капитал, формируемый за счёт эффективности социальных связей. Технически это выглядит таким образом, что скорость оборота капитала (скорость прохождения разного рода социальных инстанций) является решающим фактором конкурентоспособности. «Время – деньги», и сегодня время в основном затрачивается не в сфере производства как такового, но в трансакциях между отдельными производителями (товаров и услуг). Когда время растаможивания товара у нас занимает неделю, а у соседей – сутки; когда согласование подключения к энергосетям занимает полгода, то ни о какой конкурентоспособности говорить не приходится.

Впрочем, пока традиционные источники энергии будут основными, России мало что угрожает. Власти смогут выполнять свои социальные обязательства и сохранять единство страны, но всё равно теряя при этом свой человеческий капитал. (Просто потому, что в экономике, живущей продажей природных ресурсов, им нечего делать!).

Наши зарубежные «партнёры» (поскольку они видят в России угрозу для сложившегося мирового порядка) естественно будут стремиться к тому, чтобы (1) Россия утратила преимущества извлечения сверхприбыли из продажи энергоресурсов, (2) не смогла перейти на инновационных путь развития, (3) власть не смогла выполнять свои социальные обязательства, (4) что приведёт к росту протестных настроений, (5) что приведёт к распаду страны. Результат (якобы): исчезнет одна из угроз для сложившегося мирового порядка.

3. Можно ли трансформировать бюрократическую функцию поддержания порядка в пользу развития?

Вопрос о будущем страны это вопрос о модернизации её бюрократической структуры. Необходимо изменить характер легитимации трансакций, исходя из понимания того, что основным ресурсом <инновационного> развития сегодня является социальный/человеческий капитал. Эмпирически этот капитал являет себя в темпах трансакций, которые совершаются между социальными акторами. Чем проще и легче осуществляется передача некоторого блага (ресурса) от одного субъекта другому, тем эффективней развивается вся система. Чем больше *административных барьеров* (в виде согласований и разрешений) стоят между акторами, тем неповоротливей система, тем с большим опозданием она отвечает на вызовы конкурентной среды. (Если в былые времена решения можно было принимать, хоть и с опозданием, то сегодня запоздалые решения вообще смысла не имеют).

Образцовой формой трансакции является непосредственная коммуникация (передача полезной информации), когда время приёма и передачи фактически совпадают. Все остальные – происходят с тем или иным запаздыванием.

Усилия по ускорению трансакций (ускорению процедур согласования) предпринимаются постоянно (но сами являются жертвой инерции бюрократической системы). Правда, эти усилия не рассматриваются как приоритетные.

Государственная административная система вполне понимает риски и негативные последствия излишней бюрократизации трансакций. Есть впечатляющие результаты, связанные с автоматизаций процедуры легитимации (получения справок, регистраций и разрешений). Идёт постоянная, но в этом случае безуспешная, борьба с увеличением численности чиновников. (Увеличение их числа описывается известным «законом Паркинсона»). С таким же «успехом» идёт перманентная борьба с коррупцией. От чиновников разного уровня требуют реальной результативности. Но всё это на поверхности – не затрагивая глубинных основ бюрократии, не покушаясь на главное – установившийся системный порядок. Незыблемым остаётся принцип: все модернизации не должны покушаться на легитимность установившегося порядка. Следует проводить изменения – ничего по существу не меняя (double bind!).

Проблема носит глобальный характер. Она только более остро стоит перед Россией. В целом она связана с нынешней формой финансового капитализма, который по сути своей бюрократичен. У нас – просто более наглядно. Решить проблему бюрократии, не изменив форму господствующего капитала (не изменив отношений собственности), невозможно. С технической стороны финансовые потоки это та питательная среда, в которой плавает и растёт бюрократия. Невозможно снизить аппетиты бюрократии (бюрократического капитала) пока основным источником капитализации остаются финансовые потоки. Давно обозначенная альтернатива состоит в усилении значения производительного капитала. Наиболее разработанной в этом отношения является концепция цивилизма В.С. Нарсесянца **[13]**.

Возложим надежды решения проблемы на возникшее противостояние Запада и России. Как становится ясным, это не просто противостояние государственных интересов, но противостояние мировоззрений, фундированных соответствующими экономическими укладами. Процветание западного мира принципиально зависит от господствующего положения финансового капитала, свобода движения которого коррелятивна особому пониманию демократических свобод индивида (Фридман 2006). Как поставщик энергоресурсов на условиях сверхприбыли, Россия оказывается вовлечённой в логику финансового капитала и целиком зависимой от него. Санкции меняют положение вещей. Указанное противостояние объективно подталкивает Россию к принципиальному решению изменения отношений присвоения национальных благ. Дело в том, что на тех правилах игры, по которым ведёт свою партию финансовый капитал, – Россия обречена на проигрыш. Сознание этого должно подтолкнуть к решениям.

Идея цивилизма – второй исторический шанс для России

Западный мир спасается от излишков бюрократии тем, что проявляет институциональную заботу о сохранении рыночной конкуренции. Конкуренция – естественный «конкурент» бюрократии **[12]**. Но и эти институциональные усилия ничего не могут противопоставить крупному финансовому капиталу, сращение которого с властью питает институт бюрократии. Наше положение хуже втройне. Сильная бюрократическая *традиция* умножена на олигархический принцип *приватизации* в период перестройки, и оба эти фактора умножены на *зависимость* России как поставщика ресурсов от мирового финансового капитала. Принципиально разорвать эти связки можно только одним путём: разгосударствлением национальных богатств. Не передачей их в частные руки, но превращением в долевую собственность всех граждан страны. Благо финансовые механизмы для этого имеются. Примером может служить опыт Норвегии по национальному использованию нефтяных месторождений

или Швейцарии по участию граждан в принятии решений. «Исторический прогресс свободы и права свидетельствует о том, что формирование и развитие свободной, независимой, правовой личности необходимым образом связаны с признанием человека субъектом отношений собственности, собственником средств производства» (Нарсесянц. Манифест о цивилизме). Такого рода признание отнюдь не является утопической мечтой, но выражает собственно логику социально-экономического развития общества, когда объективно человеческие и они же социальные ресурсы становятся основным источником экономического роста. Выиграет та система, которая предоставит наибольший простор для human development. Проблема, конечно, состоит в том, что сама бюрократия и как институт, и как собрание лиц (со своими корпоративными интересами) в высшей степени не готова к такому решению. Именно по этой причине первый шанс России, возникший при переходе от бюрократического социализма к капитализму, был упущен. (Нарсесянц рассчитывал именно на то, что переломный момент позволит реализовать этот шанс наиболее безболезненно). Ныне возник второй шанс, когда западная система пытается лишить Россию преимущества сырьевого придатка. Есть все основания думать, что это ей удастся сделать. Потому решить вопрос конкурентоспособности России (как экономической, так и мировоззренческой) можно только на пути цивилитарной перестройки. Нет ни одного шанса на то, что следуя за экономически передовыми странами, мы их когда-либо догоним. Быть может более серьёзная угроза заставит бюрократическую систему поступиться некоторой долей своей власти.

Заключение

Не существует другого цивилизованного способа поддержания системного порядка кроме легальной легитимации трансакций. Именно в этом призвание бюрократии. Однако функция поддержания системного порядка без своего противовеса – требований жизненного мира человека – имеет «опухолевую» тенденцию к безудержному разрастанию. Современная эпоха инновационного развития предельно обостряет противоречие «системы» и «жизненного мира». Теоретически – выход из тренда возможен, но практически маловероятен, поскольку у него нет сформированного социального субъекта.

Хотя эта работа написана на совсем другую тему, но её заключительная фраза будет отражать общее умонастроение многих интеллектуалов и в точности соответствовать последней же фразе статьи одного из выдающихся математиков XX века В.И. Арнольда: «Попытки отучить людей думать и остановить всяческий прогресс – естественное, но опасное последствие всемирной бюрократизации и борьбы с культурой» **[1, с. 1323]**.

◆

Литература

1. Арнольд В.И. Математика и физика: родитель и дитя или сёстры? // Успехи физических наук. Дек. 1999. Т. 169, № 12. С.1311-1323.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
3. Бейтсон Г. Шаги в направлении экологии разума: избранные статьи по психиатрии / 2-е изд., испр. М.: URSS: КомКнига, 2005. 545 с.
4. Вебер М. Хозяйство и общество. М.: Изд-во ГУ-ВШЭ, 2010.
5. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структурации. М.: Академический проект, 2003. 528 с.

6. Клок К.; Голдсмит, Д. Конец менеджмента и становление организационной демократии. СПб.: Питер, 2004. 288 с.
7. Коллинз Р. Социологическая интуиция/Личностно-ориентированная социология. М.: Академический проект, 2004. С. 399-603.
8. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007. 644 с.
9. Маннгейм К. Социология культуры. М. СПб.: Университетская книга, 2000. 873 с.
10. Мертон Р. К. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006.
11. Медоуз Д. Пределы роста. 30 лет спустя. М.: ИКЦ 'Академкнига, 2007. 342 с.
12. Мизес Людвиг фон. Бюрократия (1943)/ Людвиг фон Мизес. Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность. М.: "Дело", 1993. 240 с.
13. Нерсесянц В.С. Манифест о цивилизме. (Национальная идея России во всемирно-историческом прогрессе равенства, свободы и справедливости). [Электронный ресурс] URL: http://www.trinitas.ru/rus/doc/0001/005a/00011082.htm (дата обращения: 30.09.2012 г.).
14. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2000. 880 с.
15. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М.: АКТ, 2004. 672 с.
16. Хабермас Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // Thesis. Весна 1993. Т. 1. Вып. 2. С. 123-136.
17. Фридман М. Капитализм и свобода. М.: Новое издательство, 2006. 240 с.
18. Шумпетер Й. Теория экономического развития. М.: Прогресс,1982. 864 с.
19. Ячин С.Е. Социальная онтология в парадигме неразрешимости // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 3 (29). С. 82-93.
20. Blau P.M. Bureaucracy in modern society. New York: Random House, 1956.
21. Merton R.K. The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations / Ed. by Norman W. Storer. Chicago: University of Chicago Press, 1973. 636 p.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Arnol'd V.I. Matematika i fizika: roditel' i ditya ili syostry? // Uspekhi fizicheskikh nauk. Dek. 1999. T. 169, № 12. S.1311-1323.
2. Bek U. Obshhestvo riska. Na puti k drugomu modernu. M.: Progress-Traditsiya, 2000. 384 s.
3. Bejtson G. SHagi v napravlenii ehkologii razuma: izbrannye stat'i po psikhiatrii / 2-e izd., ispr. M.: URSS: KomKniga, 2005. 545 s.
4. Veber M. KHozyajstvo i obshhestvo. M.: Izd-vo GU-VSHEH, 2010.
5. Giddens EH. Ustroenie obshhestva: Ocherk teorii strukturatsii. M.: Akademicheskij proekt, 2003. 528 s.
6. Klok K.; Goldsmit, D. Konets menedzhmenta i stanovlenie organizatsionnoj demokratii. SPb.: Piter, 2004. 288 s.
7. Kollinz R. Sotsiologicheskaya intuitsiya/Lichnostno-orientirovannaya sotsiologiya. M.: Akademicheskij proekt, 2004. C. 399-603.
8. Luman N. Sotsial'nye sistemy. Ocherk obshhej teorii. M.:2007.
9. Manngejm K. Sotsiologiya kul'tury. M. SPb.: Universitetskaya kniga, 2000. 873 s.

10. Merton R. K. Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura. M.: AST, 2006.
11. Medouz D. Predely rosta. 30 let spustya. M.: IKTS 'Akademkniga, 2007. 342 s.
12. Mizes Lyudvig fon. Byurokratiya (1943)/ Lyudvig fon Mizes. Byurokratiya. Zaplanirovannyj khaos. Antikapitalisticheskaya mental'nost'. M.: "Delo", 1993. 240 s.
13. Nersesyants V.S. Manifest o tsivilizme. (Natsional'naya ideya Rossii vo vsemirno-istoricheskom progresse ravenstva, svobody i spravedlivosti). [EHlektronnyj resurs] URL: http://www.trinitas.ru/rus/doc/0001/005a/00011082.htm (data obrashheniya: 30.09.2012 g.).
14. Parsons T. O strukture sotsial'nogo dejstviya. M.: Akademicheskij proekt, 2000. 880 s.
15. Toffler EH. Metamorfozy vlasti. M.: AKT, 2004. 672 s.
16. KHabermas YU. Otnosheniya mezhdu sistemoj i zhiznennym mirom v usloviyakh pozdnego kapitalizma // Thesis. Vesna 1993. T. 1. Vyp. 2. S. 123-136.
17. Fridman M. Kapitalizm i svoboda. M.: Novoe izdatel'stvo, 2006. 240 s.
18. SHumpeter J. Teoriya ehkonomicheskogo razvitiya. M.: Progress,1982. 864 s.
19. YAchin S.E. Sotsial'naya ontologiya v paradigme nerazreshimosti // Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke. 2014. № 3 (29). S. 82-93.
20. Blau P.M. Bureaucracy in modern society. New York: Random House, 1956.
21. Merton R.K. The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations / Ed. by Norman W. Storer. Chicago: University of Chicago Press, 1973. 636 r.

Грановская О.Л.
Granovskaya O.L.

Современная бюрократия: поиски оправдания (размышления, навеянные статьёй С.Е. Ячина)

Modern bureaucracy: search for justification (reflections inspired by the article of S.E. Yachin)

Публичная сфера и легитимность власти в России. Публичное пространство – это всё то пространство (реальное и медийное), которое даёт возможность валидировать природу поведения Другого. Институционализация как возникновение нормативного развивается в той степени, в которой публичность и прозрачность выступает условием интеракций между организациями, или системами по Луману, с их собственной рефлексивной логикой и гражданами.

В публичной сфере происходил процесс «аргументативного обсуждения» всех «за» и «против», не влияющий на политиков непосредственно, но оказывающий рефлексивное давление. Кроме того, важнейшим результатом публичного процесса обсуждения является «цивилизирование обсуждения», «де-фундаментализация противоречий» и появление взаимопонимания.

Взаимопонимание – это результат публичного обсуждения, способ снизить радикализацию и эмоционализацию противоречий. (Одним из интересных исследований на эту тему является анализ публичной сферы, сделанный Герхардсом на примере дискуссии об абортах в германском обществе **[10]**).

Символическая политика как апелляция власти к известным стереотипам россиян – патернализм и ностальгия по авторитарному политическому порядку – рассматривается многими как основной источник легитимности актуального политического режима. В результате провозглашается наличие социального контракта между обществом и государством, который предполагает сохранение статус-кво при обеспечении населения некоторым уровнем безопасности и материального благополучия.

С. Грин в статье «Неподвижная агрессивность российского общества» утверждает, что основной причиной согласия с актуальной политикой власти является де-институционализация социального взаимодействия россиян сегодня на фоне рационального отказа от политических альтернатив, достижение которых связано с риском утраты того немногого, что ещё имеется **[4, с. 8]**.

Деинституционализация, согласно Грину – это отсутствие «определённости» в социальных транзакциях и снижение мотивации рисковать. Поддержка российского авторитарного режима – это вынужденная рациональность граждан, несклонных рисковать уже достигнутым, которое ценится вдвойне на фоне необходимости вновь «преодолевать неопределённость».

Грин отмечает, что «граждане уходят из общественного пространства» и «укрепляют свои частные пространства»: «Эта поразительная девальвация «со-общности» постоянно усугубляется, поскольку показывает всем участникам, что их стратегии оправданы…» **[4, с. 12]**. Грин

ГРАНОВСКАЯ Ольга Леонидовна, к.филос.н., доцент кафедры философии Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*. **E-mail:** granovskaya.ol@dvfu.ru

объясняет источник легитимности актуального политического режима не пассивностью, но «рациональной неподвижностью».

Публичная сфера выполняет две основные функции: роль медиатора коммуникации между управляющими и управляемыми относительно формирования и реализации политической повестки дня и быть форумом для формирования общественного мнения посредством дискурса.

Публичная сфера не только наделяет граждан взаимным доверием и «рационально» обоснованным присоединением к со-обществу, но конституирует дискурс. Последний даёт возможность преодоления символического дефицита, связанного с аутентичным пониманием собственных нужд в политической плоскости.

Легитимность и легальность. В процедурных (делиберативных), а не имитационных демократиях бюрократия/посредник легитимируется посредством публичного обсуждения. Для начала необходимо различить понятия легитимность и легальность. Бюрократия делает транзакции легальными, т.е соответствующими закону, но не делает их легитимными, т.е. оправданными. Напротив, сама бюрократия как посредник и законы как воля суверена должны оправдываться. Прежде, чем посредник будет легализовать транзакции, необходимо легитимировать самого посредника.

Проблема оправдания бюрократии – одна из основных проблем современной политической философии и реальной политики. В современном обществе с высоким уровнем эмансипации человека и высокой степенью индивидуализма целостность социальной системы уже невозможно обеспечить посредством универсальных норм и действий, имеющих принудительный характер, в то время как всё большее значение приобретают конвенциональные взаимодействия социальных субъектов, основанные на соглашении, добровольном принятии условий и правил социальной игры.

Основным допущением современных политических теорий (политический либерализм Дж. Грея, делиберативная демократия Ю. Хабермаса, судебная демократия Дж. Гауса) является признание конфликтности социального мира, а несогласие понимается как реальность политики. Можно выделить следующие типы политического несогласия:

1) Разумное несогласие по вопросам политики и по поводу законов

Теория судебной демократии делает упор на разумном несогласии, это такое несогласие, при котором Иван и Анна спорят по поводу того, какие законы и программы должны быть оправданны, но при этом считают позицию противника разумной (хотя и ошибочной). Согласно теории судебной демократии, большинство споров возникает, когда люди придерживаются различных политических взглядов, но при этом не считают позиции своих оппонентов неразумными. Это как раз такие ситуации, когда мы отдаём дело на суд посредника. Я считаю свои взгляды верными, но, при этом ваши возражения тоже считаю разумными. Если мы хотим достигнуть согласия и принять какую-то политическую программу, нам необходим способ урегулирования споров.

2) Неразумное несогласие

Второй вид несогласия более неприятный: одна сторона считает позицию противоположной стороны неразумной. Иван считает, что программа Р публично оправдана и полностью уверен в том, что поддержка Анной другой программы неразумна. И вряд ли Иван согласится с тем,

чтобы арбитр решал эти споры. Зачем обращаться к арбитру, если позиция Другого представляется Вам совершенно неразумной?

3) Несогласие по поводу оправданности посредника

Эпистемологическая задача арбитра – быть компетентным. К нему обращаются потому, что верят в его способность справедливо разрешать споры. Если Иван поймёт, что Посредник некомпетентен, он больше не будет воспринимать его как инстанцию, продвигающую идеалы справедливости и публичного оправдания, и, соответственно, не будет считать его легитимным или оправданным. Если многие будут так думать, то политический режим не будет эффективным. Однако оправданность демократического политического режима как метода разрешения конфликтов не зависит от того, какое количество людей считает его оправданным, но от того насколько он соответствует идеалам разумности и публичного оправдания.

Добродетели посредника: компетентность и честность. Гражданам необходим посредник. Определённый посредник, или метод разрешения разумных споров, может быть окончательно оправдан гражданами, которые не согласны по поводу того, какие законы или программы прошли проверку легитимностью. Именно посредник выполняет бюрократическую функцию. Что требуется для того, чтобы стать отличным посредником?

Посредники должны быть компетентны, поскольку должны выносить наилучшее суждение по существу спора. В спорте посредники должны знать правила, быть способны следить за спортсменами и т.д. В политике посредники должны уметь выносить суждения по поводу того, что является политически оправданным, а что не является.

Нам нужен компетентный посредник, поскольку мы хотим, чтобы он нашёл наилучший ответ. Но поскольку мы знаем, что посредник может занять противоположную нашей позицию, необходимо быть уверенным в его честности. Одно дело – когда справедливо принятое решение не соответствует вашим интересам, совсем другое дело – когда посредник имеет предубеждение против вас и ваших взглядов.

С одной стороны, общество усложняется, и это приводит к большей бюрократизации (так, глобализация повлекла за собой рост бюрократии и появление нового типа бюрократии – наднациональной бюрократии). С другой стороны, как верно отмечает в своей статье С.Е. Ячин, бюрократия вступает в противоречие с требованиями современного инновационного общества. Там, где меньше бюрократии, можно наблюдать более технологически развитое общество (в США, например, государство традиционно слабо). Политические элиты во всём мире часто для повышения своей собственной легитимности во всех проблемах обвиняют бюрократию.

Оправдательный нарратив и Гоббс. Интересно в этой связи наблюдать процессы самолегитимации (самооправдания) бюрократических структур Евросоюза. Самолегитимация является поведенческой характеристикой любой бюрократической организации. Как отмечал Баркер, «само- легитимация – отличительная черта любого правительства, как богослужение – отличительная черта любой религии» **[6, p. 30]**. Самолегитимация во многом достигается посредством создания образа, отличающего правителей от обычных мужчин и женщин. Эндогенная легитимация процесс не рациональный, а по преимуществу символический (ритуалы, архитектурные проекты и т.д.) и адресован часто не широкому пользователю, а самой элите. Если это свойственно национальным бюрократиям, это особенно свойственно наднациональной бюрократии, которой не достаёт легитимности.

Какой нарратив использует бюрократия для того, чтобы доказать свою легитимность самой себе и избирателям? Так, Европарламент и Еврокомиссия создаёт свою легитимность, доказывая, что они являются самыми подходящими для европейцев органами и что они заботятся о лишённых голоса будущих европейцах **[7, p. 151]**.

В России бюрократия понимается как синоним государства, в духе патримониальной традиции (где многое зависит от личного усмотрения чиновника). Бюрократию в современных западных странах можно отнести к веберовскому рациональному типу (см. **[1]**). Одной из характеристик рациональной бюрократии является наличие взаимоувязанной системы обобщённых формальных правил и стандартов, обеспечивающей однородность выполнения сотрудниками своих обязанностей и скоординированность различных задач.

В России же чертой бюрократической системы является постоянное появление новых правил, неопределённость правил, появление непродуманных и неоправданных законов и их последующая отмена. Показательной в этом смысле является ситуация с законом, запрещающим размещать рекламу на кабельных СМИ. В конце 2014 года этот закон был поспешно принят Государственной Думой РФ, а уже в начале 2015 года отменён. Это создало большие трудности в работе многих телеканалов. Отсутствием ясных правил объясняется желание решить многие проблемы «неофициально», важность личных связей.

В новой книге Д. Грина, корреспондента американского национального радио, посвящённой путешествию по России, рассказывается о женщине, хозяйке гостиницы, из сибирской глубинки. Её бизнес постоянно находится на грани закрытия из-за вновь и вновь меняющихся правил различных проверяющих органов. Эту ситуацию Грин сравнивает с американской и рассказывает о своей жене, которая пытается открыть ресторан. Ей также приходится преодолевать различные бюрократические барьеры, ходить по кабинетам, но в отличие от своей российской коллеги она знает все предъявляемые к ней требования и уверена, что, выполнив их, сможет спокойно заниматься бизнесом **[11, p. 133-216]**.

Патримониальность бюрократии сочетается в России с патернализмом власти. Патернализм российской бюрократии проявляется в сакральной заботе о населении. Патерналистские отношения легче всего оправдываются, если они касаются заботы о детях, а это является удобным предлогом ограничения всего для всех граждан. Естественным следствием патернализма является стерилизация пространства, отсутствие гражданского общества, площадок для свободного обсуждения проблем. Как результат – растущая поляризация общества и радикализация мнений.

Российская бюрократия часто оправдывает себя при помощи нарратива, который условно можно назвать «Большие территории». При помощи того же самого дискурса оправдывается неэффективность управления страной. При этом стратегия правительства состоит в расширении территорий, восстановлении СССР. Это делается для самооправдания бюрократии, которая, как известно, стремится сохранить не только социальные транзакции, а, прежде всего, статус-кво.

Большие территории – это все рассуждения в духе Гоббса, который, видимо, является любимым автором российской власти. Гоббс понимал государство как абсолютного суверена, а Локк как посредника. Чем страшнее естественное состояние, тем необходимее становится левиафан. И, похоже, российские власти это прекрасно осознают. Самая любимая страшилка современного российского дискурса власти – «лихие девяностые».

Как только мы делаем естественное состояние более мягким и гуманным, с возможными «неудобствами» в духе Локка, но без перманентной войны, мы моментально лишаем оснований утверждение, что любой социальный контракт Парето – доминирует над всеми позициями отказа от координации. Хотя Джон Локк не изучал теорию игр, он это ясно осознавал.

Гоббсианец достигает своей цели, только если любое соглашение лучше отсутствия соглашения; но, если недостижение соглашения просто «неудобство», а не сущий ад, тогда мы будем более избирательны в возможных соглашениях. Некоторые парадигмы совместного действия или некоторые общие модели будут восприниматься менее полезными, чем отсутствие соглашения. Таким образом, они принципиально не являются возможными решениями политической координационной игры.

Люди начнут настойчиво требовать оговорок в социальном контракте, исключать «стратегии совместного действия» (разновидности гражданского общества), которые они расценивают как менее выгодные с точки зрения полезности игроков, нежели естественное состояние. Некоторые могут ставить режим, не защищающий основные права граждан ниже, чем естественное состояние. Чем менее суровым мы делаем естественное состояние, тем больше разновидностей гражданского общества будет отвергаться некоторыми игроками, поскольку они не могут превзойти по качеству естественное состояние, и поэтому они исключены как возможные решения координационной игры «закон».

Для того чтобы избавиться от угрозы анархии и сделать свои идеи более убедительными, Гоббсу необходимо было доказать, что следование разуму суверена выгодно людям, однако это закономерно влечёт за собой апелляцию к индивидуальному разуму, который отвечает за суждения о выгоде. Кроме того, поскольку следовать разуму суверена необходимо потому, что это выгодно, если это перестаёт быть выгодно, то ему, получается, можно не следовать. И, таким образом, человек будет постоянно полагаться на собственное разумение, чтобы оценить необходимость следования заповедям суверена, а это именно то, от чего хотел избавиться Гоббс. Возможно та же самая проблема угрожает и посреднику в понимании Локка?

Думается, нет. Если гражданин решит, что Арбитр поддерживает неоправданные правила или законы, то он решит, что посредник проталкивает неразумные взгляды и действует вне закона. Именно здесь основное отличие Гоббса и Локка. Гоббс считал недопустимым ставить гражданское подчинение в зависимость от субстанциальных достоинств решения. Точка зрения Гоббса адекватна в том случае, если мы полагаем, что обращаемся к арбитру только из практических соображений, поскольку фундаментальным условием нашего существования является перманентный конфликт; в этой ситуации любой спор лучше доверять арбитру, а совместное действие всегда лучше индивидуального. Но этот взгляд на политику не совсем адекватен.

Более адекватным представляется взгляд в духе Локка: наша потребность в разрешении споров возникает из нашей фундаментальной приверженности публичному оправданию. Факт существования несогласных, не значит, что убеждения не оправданы, так креационисты не считают свои взгляды неоправданными просто потому, что есть сторонники эволюционизма. Граждане могут полагаться на собственное суждение для подтверждения того, что арбитр разрешил конфликт в границах разумного несогласия.

Хотя точка зрения Локка приводит к более сложной аргументации, всё же прав он, а не Гоббс: подчинение законам зависит от их сущностных качеств (имеет смысл подчиняться только хорошим законам). У

граждан нет обязанности подчиняться законам, если арбитр ратифицировал неоправданные программы. Приверженность публичному оправданию заставляет граждан обращаться к посреднику, но по той же самой причине, они могут отказаться от услуг посредника, если он принимает сторону неоправданной (побеждённой) позиции.

Проблемы возникают, когда представления Ивана о том, что является публично оправданным, отличаются от представлений Анны. Когда это происходит, Иван и Анна не просто расходятся во мнениях по поводу разрешения политического спора, у них разные представления о политической повестке. Либеральная политика в лучшем случае будет несовершенна в таком разобщённом сообществе, поскольку то одна, то другая его часть будет отказывать в моральном оправдании политическим резолюциям по разным проблемам. В разобщённом сообществе решения арбитра одними воспринимаются как справедливые, а другим кажутся совершенно неоправданными. В таком сообществе граждане могут продолжать подчиняться арбитру в силу прагматических, гоббсианских соображений, но возникновение едкого цинизма в таком случае неизбежно. Похожую ситуацию мы наблюдаем в современной России.

У Гоббса много современных последователей, которые смягчают его взгляды и делают их адекватными с точки зрения нынешних реалий. Существенная разница между оригинальной версией доказательств Гоббса и недавними размышлениями Готье заключается в масштабе общественной рациональности. Гоббс настаивал на необходимости неограниченной авторизации суверена: на что бы ни претентовал суверен в качестве общественного разума, то и есть общественный разум. Он верил, что такая широкая авторизация нужна, чтобы избежать инфляции обращения к общественной рациональности, это называется аргумент «регресса».

С этой точки зрения, на власть суверена не может быть наложено ограничений: «он является судьёй того, что необходимо для поддержания мира; он решает вопрос об учениях; он является единственным законодателем и верховным судьёй во всех спорах…» **[2]**.

Казалось бы, этот аргумент ведёт к признанию Гоббсом неограниченной власти общественного разума суверена: если суверен говорит, что X соответствует правильному суждению, тогда все субъекты должны считать X истинным. Однако Готье показывает, что согласно Гоббсу, закон – общественный разум – должен согласовываться с естественным законом и справедливостью. Гражданский закон интерпретирует законы природы: «кража, убийство, прелюбодеяние и всякие несправедливости запрещены законами природы, но что именно для гражданина должно считаться кражей, убийством, прелюбодеянием, наконец, вообще несправедливостью (противоправным деянием), определяется не естественным, а гражданским законом» **[3, с. 343]**.

Готье показывает, что «ограничения в форме справедливости или естественного закона дают субъекту возможность изменять границы подчинения своего естественного разума «правильному» суждению суверена» **[9, p. 35; 13, p. 548]**. Если целью граждан является защита общепризнанной интерпретации естественного закона – если это цель нашего послушания – тогда субъекты права могут отказаться от послушания гражданскому закону, если он даёт ложную интерпретацию естественного закона. Гоббс ясно говорит о том, что если «…отказ в повиновении… не подрывает ту цель, ради которой была установлена верховная власть, то мы свободны отказать, в противном случае мы не свободны» **[2]**.

Итак, если целью является сохранение интерпретаций естественных законов, то правитель, постоянно игнорирующий и нарушающий естественные законы, разрушает «цель, ради которой устанавливается

правление» и, таким образом, людям позволено отказаться от подчинения. Государство Гоббса частично заражено тем, что он сам называл «яд» бунтарской доктрины: «учение, что каждый отдельный человек есть судья в вопросе о том, какие действия хороши и какие дурны» **[2]**.

Можно ли обойтись без бюрократии? Нет. Люди не ангелы ими надо управлять. «Справедливая политическая максима, – говорил Юм, – каждого человека необходимо считать плутом» **[12]**. Джеймс Мэдисон, один из отцов-основателей Соединённых Штатов, говорил примерно о том же:

> «Интересы главы ведомства должны быть связаны с его конституционными правами, действующими в данном органе власти. Пожалуй, подобные манёвры, к которым приходится прибегать, дабы помешать злоупотреблениям властью, не красят человеческую природу. Но разве сама необходимость в правлении красит человеческую природу? Будь люди ангелами, ни в каком правлении не было бы нужды. Если бы людьми правили ангелы, ни в каком надзоре над правительством – внешнем или внутреннем – не было бы нужды». **[5, с. 347].**

Итак, бюрократия должна быть минимизирована и оправдана. Когда бюрократия не оправдана делиберацией, бюрократические структуры начинают распадаться, становятся неэффективными, а в обществе повышается уровень цинизма.

Выводы. Из посредника в России бюрократия превращается в главного актора транзакций. Когда всё контролируется властными структурами, даже те области, где бюрократия некомпетентна (интернет, семейные отношения и т.д.), посредник теряет свою основную характеристику – компетентность. Общество из рациональной системы превращается в шизоидную.

Между капиталистической экономикой и бюрократией лежит глубокое противоречие, поскольку капитализм процветает там, где бюрократия ограничена, где действует не запретительная, а разрешительная правовая система. В этом состоит основная дихотомия российской действительности – эффективный капитализм предполагает либеральную идеологию, иначе экономика не развивается, а стагнирует. Бюрократия в России больше, чем посредник, это ещё и способ трудоустройства населения страны, живущей на сырьевую ренту, плюс лояльный электорат для власти.

Бюрократия в современной России занимается не столько посредничеством в социальных транзакциях, сколько самосохранением, этим объясняются постоянные хаотичные попытки менять правила, что убивает саму бюрократию.

Реальность современной России такова, что фрагментация языка и культуры на фоне отсутствия институционализированной публичной сферы не позволяет включить Другого в процесс постижения и осознания собственного интереса и оставляет посредника неоправданным. Большинство сегодняшней власти как условие её легитимности – это фрагментированная сумма меньшинств, объединяемых по принципу деполитизации. Деполитизация как отсутствие пространства для коммуникациии между гражданским обществом и политическими институтами не позволяет гражданам признать это пространство рациональным и полезным. Политические предпочтения российских граждан формируют не свободные СМИ и политическая конкуренция в контексте аргументированного противостояния другому мнению, а постоянно воспроизводимые старые символы и стереотипы сознания внутри групповых культурных анклавов. В этих условиях природа легитимности существующей власти заключается в девальвировании публичности и Другого в глазах

большинства и в девальвировании коммуникации (делиберативной демократии). Выбор большинством россиян авторитарной политики – это не выбор в пользу авторитаризма, а непризнание процедурной демократии как значимого фактора политики.

Вытеснение на политическую периферию института политической конкуренции, института присяжных, ограничение свобод собраний и мнения на фоне девальвирования публичной сферы не вызывает возмущения граждан. Политический выбор большинства россиян не вступает в противоречие с существующей персоналистской системой власти в России даже при их очевидном неудовлетворении своим социально-экономическим положением.

◆

Литература

1. Вебер М. Хозяйство и общество / Пер. с нем. под научн. ред. Л.Г. Ионина. М.: Изд-во ГУ-ВШЭ, 2010.
2. Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. Гл. 1. [Электронный ресурс]. URL: http://www.kant.narod.ru/leviath.htm (дата обращения: 5.03.2011 г.)
3. Гоббс Т. О гражданине. Сочинения в двух томах. М.: Мысль, 1989. Т. 1.
4. Грин С. Природа неподвижности гражданского общества // Pro et Contra. январь-апрель 2011. № 1-2 (51). С. 6-19.
5. Федералист: политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея. М.: Издательская группа "Прогресс"-"Литера", 1994. 592 с.
6. Barker R. Legitimating Identities: The Self-Presentation of Rulers and Subjects. Cambridge: Cambridge Univer. Press, 2001. 161 pp.
7. Ellinas A., Suleiman E. The European commission and Bureaucratic Autonomy: Europe's Custodians. Cambridge: Cambridge Univer. Press, 2012. 233 pp.
8. Gaus G. Contemporary Theories of Liberalism. London: Sage Publications Ltd, 2003. 239 pp.
9. Gauthier D. Public Reason // Social Philosophy and Policy. vol. 12 (Winter 1995). pp. 19-42.
10. Gerhards J. Soziale Positionierung und politische Kommunikation am Beispiel der öffentlichen Debatte über Abtreibung // Daele Wolfgang/Neidhardt Friedhelm (Hrsg.), Kommunikation und Entscheidung. Politische Funktionen öffentlicher Meinungsbildung und diskursiver Verfahren. Berlin, 1996. pp. 83-102.
11. Greene D. Midnight in Siberia. New York, London: W.W Norton and Company ltd., 2014. 318 pp.
12. Hume D. Of the Independency of Parliament // Essays Moral, Political and Literary. Oxford: Oxford University Press, 1963. pp. 42-43.
13. Ridge M. Hobbesian Public Reason // Ethics. vol. 108 (April 1998). pp. 538-568.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Veber M. KHozyajstvo i obshhestvo / Per. s nem. pod nauchn. red. L.G. Ionina. M.: Izd-vo GU-VSHEH, 2010.
2. Gobbs T. Leviafan, ili materiya, forma i vlast' gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo. Gl. 1. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.kant.narod.ru/leviath.htm (data obrashheniya: 5.03.2011 g.)
3. Gobbs T. O grazhdanine. Sochineniya v dvukh tomakh. M.: Mysl', 1989. T. 1.

4. Grin S. Priroda nepodvizhnosti grazhdanskogo obshhestva // Pro et Contra. yanvar'-aprel' 2011. № 1-2 (51). S. 6-19.
5. Federalist: politicheskie ehsse A. Gamil'tona, Dzh. Mehdisona i Dzh. Dzheya. M.: Izdatel'skaya gruppa "Progress"-"Litera", 1994. 592 s.
6. Barker R. Legitimating Identities: The Self-Presentation of Rulers and Subjects. Cambridge: Cambridge Univer. Press, 2001. 161 pp.
7. Ellinas A., Suleiman E. The European commission and Bureaucratic Autonomy: Europe's Custodians. Cambridge: Cambridge Univer. Press, 2012. 233 pp.
8. Gaus G. Contemporary Theories of Liberalism. London: Sage Publications Ltd, 2003. 239 pp.
9. Gauthier D. Public Reason // Social Philosophy and Policy. vol. 12 (Winter 1995). pp. 19-42.
10. Gerhards J. Soziale Positionierung und politische Kommunikation am Beispiel der öffentlichen Debatte über Abtreibung // Daele Wolfgang/Neidhardt Friedhelm (Hrsg.), Kommunikation und Entscheidung. Politische Funktionen öffentlicher Meinungsbildung und diskursiver Verfahren. Berlin, 1996. pp. 83-102.
11. Greene D. Midnight in Siberia. New York, London: W.W Norton and Company ltd., 2014. 318 pp.
12. Hume D. Of the Independency of Parliament // Essays Moral, Political and Literary. Oxford: Oxford University Press, 1963. pp. 42-43.
13. Ridge M. Hobbesian Public Reason // Ethics. vol. 108 (April 1998). pp. 538-568.

Киреев А.А.
Kireev A.A.

О легитимации трансакций, развитии и роли бюрократии в России

About legitimation of transactions, development and the role of bureaucracy in Russia

В своей статье С.Е. Ячин поднимает очень широкий круг вопросов, значение многих из которых выходит далеко за пределы теории бюрократии. Это и не удивительно, принимая во внимание центральность бюрократических структур для общества модерна и, – как ни странно, для нарождающейся реальности постмодерна, для прорастающего сквозь эти структуры, но все еще не способного их разрушить постиндустриализма. Я бы хотел остановиться на тех из поднятых вопросов, которые, на мой взгляд, прямо выводят на фундаментальные для социальной науки проблемы. Кроме того, считаю необходимым сделать некоторые замечания относительно влияния бюрократии на развитие современной России и возможностей дебюрократизации управления нашей страной.

Нельзя не согласиться с утверждением С.Е. Ячина, что существование бюрократии как явления (института) неразрывно связано с воспроизводством социальной системы и её исходного элемента – социального взаимодействия (трансакции). Как указывает С.Е. Ячин, главной функцией бюрократии выступает легитимация отдельных трансакций. При этом под легитимацией автор понимает осуществление рационального (с точки зрения цели сохранения социального порядка) учёта и контроля взаимодействий. Подобное профессиональное упорядочение трансакций составляет собственную сущность бюрократии, т.е. является её не только главной, но и исключительной, специфической функцией.

Мне кажется, что употребление С.Е. Ячиным термина «легитимность» не вполне корректно. Придание ему такого узкого смысла затрудняет выявление связи между бюрократией и другими механизмами обеспечения социального порядка. Здесь было бы правильным вспомнить о трактовке понятия «легитимность» его создателем – М. Вебером. Прилагая это понятие к властному взаимодействию (господству), Вебер понимал «легитимность» как состояние внутреннего признания, одобрения, субъективной допустимости этого взаимодействия. При этом психологические предпосылки, делающие данное взаимодействие для индивидов субъективно возможным, обладающим позитивным личным смыслом, по Веберу, могли быть различны. В такой трактовке легитимность становится необходимой принадлежностью *абсолютно любой трансакции*, атрибутом социальных систем самых разных типов, в т.ч. лишённых каких-либо бюрократических институтов.

Как известно, в зависимости от ведущего элемента в мотивации признания (легитимации), Вебер различал три разновидности властного взаимодействия – рационально-легальное, традиционное и харизматическое. Если воспользоваться этой веберовской схемой, а также тесно связанной с ней его типологией социального действия, дополнив их разделением взаимодействий непосредственных и опосредованных, то можно выделить восемь типов мотивационного обоснования (легитимации)

КИРЕЕВ Антон Александрович, к.полит.н., доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*. **E-mail:** antalkir@yandex.ru

трансакций. Первые четыре типа легитимности способны обеспечить возможность совершения только непосредственного социального взаимодействия, условием которого выступает прямой контакт сторон, их доступность для взаимного восприятия, опыта. В их число входят такие типы легитимности (в процессуальном аспекте – легитимации): 1) целевая (обоснованность взаимодействия рациональным интересом, выгодой сторон); 2) ценностная (обоснованность идеалом, представлением о должном); 3) рутинная (подкреплённость привычкой, приобретённым автоматизмом действия); 4) аффективная (подкреплённость эмоцией, а точнее эмоционально окрашенным врождённым автоматизмом, рефлексом). Названные типы легитимности непосредственных трансакций являются по отношению к ним внутренними механизмами, т.е. обеспечиваются самими участниками взаимодействия, которые располагают субъективно достаточной информацией друг о друге и значимых внешних условиях деятельности. Эта достаточность, относительная очевидность и обозримость непосредственного взаимодействия переживается его участниками как уверенность в своих действиях и их результатах и формирует тот фундамент базового, априорного межличностного доверия, без которого никакая внутренняя легитимация трансакций невозможна.

По мере роста человеческих общностей, перехода от локальных общин к надобщинным образованиям, а затем к сложным обществам, увеличивается число опосредованных и дистанционных трансакций, участники которых находятся вне сферы прямого восприятия друг друга и не имеют достаточного уровня базового взаимного доверия. В этих условиях бесперебойное совершение трансакций требует существования внешнего по отношению к ним гаранта, т.е. определённых социальных, формальных или неформальных, институтов, обосновывающих смысл трансакции, её принадлежность к социальному порядку, независимо от индивидов, в неё вовлечённых. С точки зрения мотивационного содержания механизмов своего обеспечения, внешняя легитимность трансакций принципиально аналогична внутренней и может быть разделена на следующие типы: 1) социально-целевая (обоснованность коллективным рациональным интересом, выраженным в идеологии и правовых нормах); 2) социально-ценностная (обоснованность социальными идеалами религии и «высокой» культуры); 3) традиционная (подкреплённость социальными автоматизмами, стереотипами культуры повседневности); 4) социально-психологическая (подкреплённость социальными (массовыми) эмоциями и настроениями). Последние три типа внешней легитимации трансакций носят неформальный, стихийный характер, не имеют специализированных исполнителей и реализуются через влияние на сознание участников взаимодействия их социальной среды. Напротив, социально-целевая легитимация предполагает существование специально уполномоченных агентов общества (государства), которые обладают по отношению к участникам трансакции властью, и могут, как нормативно санкционировать, так и принудительно прекратить их взаимодействие.

Таким образом, из всех типов легитимирования трансакций только один, – социально-целевой, – по механизму своего осуществления является собственно бюрократическим. Уже это указывает на то, что бюрократическая, т.е. в основе своей нормативно-правовая, легитимация является объективно необходимой только для некоторой части постоянно происходящих в обществе трансакций. Как отмечает С.Е. Ячин, значимость бюрократической легитимации возрастает вместе с ростом сложности социальной системы. В целом это так, но следует учесть, что и в наиболее крупных и сложноорганизованных индустриальных и постиндустриаль-

ных обществах большая часть взаимодействий практически не нуждается в каком-либо внешнем, а тем более бюрократическом подкреплении. Даже если взаимодействия являются многократно опосредованными, выходящими за пределы пространства восприятия и базового доверия их участников, предметом внимания бюрократии такие взаимодействия должны стать только тогда, когда они сопряжены с высокими рисками для жизни граждан, общества и государства. Бюрократическую же легитимацию трансакций, рискованность которых для индивидуальной и коллективной экзистенциальной безопасности не доказана, следует рассматривать как избыточную и навязанную. Социальная возможность, допустимость таких трансакций должна удостоверяться внутренними и внешними легитимациями небюрократического типа.

Ещё одной концептуальной проблемой, затронутой в обсуждаемой статье, является бюрократическая антиномия порядка и развития. Суть авторской позиции состоит в том, что, обеспечивая воспроизводство социального порядка, бюрократия становится препятствием для его качественного изменения, инновационного развития. Это утверждение трудно оспорить. Однако стоит ли искать решения этой проблемы внутри самой бюрократии, в её модернизации, как это предлагает автор. Мне кажется, что это значило бы требовать от бюрократов невозможного. Ведь по сути своей каждая данная бюрократия органически связана с ныне существующим социальным порядком и может содействовать развитию общества только в его качественных пределах. Для того чтобы совершить качественный скачок, перейти в состояние нового социального порядка, нужна новая, т.е. этому будущему порядку соответствующая бюрократия. Вопрос в том, где её взять, как она может появиться в недрах старого порядка. Ответ, мне представляется, только один – необходим некий субъект, стоящий (по крайней мере, своим сознанием) вне данного социального порядка и способный осуществлять действия по его демонтажу и замене другой системой. Этот субъект (политическая элита или контрэлита), проектируя новый порядок, должен создать и адекватную ему новую бюрократию. При этом следует учитывать, что новая бюрократия будет также в своём роде консервативна, т.е. будет ориентирована на воспроизводство новой системы, в лучшем случае – воспроизводство расширенное (количественный рост). Однако для бюрократии это совершенно нормальная и единственно возможная роль. Сделать качественный, революционный скачок от одного порядка к другому в рамках бюрократической процедуры в принципе немыслимо.

Поднимая вопрос о модернизации бюрократического управления, автор указывает на то, что особенно благоприятные условия для такой модернизации сложились сейчас в России. Её нынешний конфликт с Западом есть отпадение от мирового финансового капитала, который, по мнению С.Е. Ячина, и является главной опорой власти бюрократии. На мой взгляд, такая трактовка материального, экономического базиса бюрократии не вполне точна. Природа ресурсов (средств производства), – будь то капитал, земля, физическая сила человека или его знания (человеческий капитал), – для роли бюрократии в обществе решающего значения не имеет. Более важна степень монополизации этих ресурсов и связанной с ними власти. Степень же монополизации ресурсов общества, в свою очередь, зависит от характера стоящих перед ним задач. Высокой степени мобилизации и монополизации ресурсов обычно требуют задачи обеспечения выживания общества как целого, его защиты от угроз из внешней среды, природной и социальной. В ситуации войны или стихийного бедствия безусловная монополия на власть и ресурсы и жёсткая бюрократизация будут необходимы для любого общества. Для некоторых же обществ подобное экстремальное состояние внешней сре-

ды растягивается на длительные периоды, и в результате возникают такие феномены, как восточный деспотизм с его властью-собственностью, военно-феодальные империи и тоталитарные режимы. Несмотря на то, что эти типы государств имеют разный экономический базис, все они невозможны без монополизации ресурсов, централизации власти и разветвлённого бюрократического аппарата. Именно поэтому, представляется, что сам по себе переход к постиндустриальной экономике с наукой (человеческим капиталом) в роли главного средства производства не гарантирует дебюрократизации общества, если его окружающая среда не даст для этого достаточно благоприятных условий.

С этой точки зрения, перспективы модернизации и либерализации бюрократии в России выглядят особенно проблематичными. Множественная качественная дифференцированность природной (ландшафтной, климатической) и общественной (этнической, культурной, политической) среды России и контрастность количественных потенциалов её частей являются постоянным вызовом целостности российского государства. Находясь в таких условиях, Россия вряд ли сможет позволить себе снизить уровень монополизации и бюрократизации до тех значений, которые характерны для стран, длительно развивавшихся в более благоприятной обстановке. Мера разгосударствления политики и экономики, возможная во многих странах Европы, для России имела бы летальный эффект.

Это, конечно, не означает, что с российской бюрократией в её нынешнем виде «ничего не поделать». Вполне правомерно[1] ставить вопрос о приведении полномочий отечественного чиновничества к их объективно необходимому минимуму, об избавлении от этатистских излишеств. Для этого нужно определить тот перечень жизненно значимых для страны функций, которые должны быть безусловно отнесены к монополии государства. Эти немногие ключевые функции и адекватный им объём власти, набор ресурсов, институтов и норм должны образовать жёсткий имперский каркас российского общества, его защитный панцирь.

Остальные же виды общественных отношений необходимо вывести за рамки бюрократического регулирования и передать в ведение самоорганизующихся и самоуправляемых гражданских институтов, сообществ и ассоциаций, частных лиц. Негосударственные субъекты должны получить возможность осуществлять свои трансакции в гражданской сфере без какой-либо бюрократической легитимации, без санкционирования формальной нормой, без учёта и контроля сверху, «на свой страх и риск».

Собственно главная проблема в построении такого двухслойного гражданско-государственного порядка заключается не столько в проектировании архитектуры самой социальной системы[2], сколько в воспитании гражданина, готового принять на себя ответственность за результаты своих трансакций, не прибегая к бюрократической «страховке». Именно личная несамостоятельность огромного числа граждан, стремление переложить бремя рефлексии своих действий, их расчёта и оправдания в социальном контексте на «начальство», в большей мере, чем объективная сложность и рискованность российского общества, являются источ-

---

[1] Хотя, учитывая сказанное выше, в условиях очередного обострения в отношениях с Западом, увы, не своевременно.

[2] Это проектирование ведётся со времён славянофилов, пытавшихся разрешить в концепции соборности основное противоречие российской жизни – дуализм Государства и Земли, тотального этатизма и народной анархической утопии. Развитая в умеренном народничестве, эта традиция общественно-политической мысли в XX веке нашла воплощение в российском солидаризме, другим источником которого были европейские идеологии «третьего пути» (различные формы национально-корпоративного социализма).

ником массового спроса на бюрократическое посредничество и внешние механизмы легитимации трансакций вообще. Более информированный гражданин, воспринимающий социальную реальность в более широких границах, более трезво оценивающий и балансирующий собственные возможности и притязания, безусловно, является лучшим препятствием безудержному росту бюрократических практик и процедур.

УДК 94:621.311.1(571.6)

Маклюков О.В.
Maklyukov A.V.

Вклад энергетиков Дальнего Востока в победу в Великой Отечественной войне (1941 – 1945 гг.)

The contribution of power engineering specialists of the Far East to the victory in the Great Patriotic War (1941 – 1945)

В статье говорится о вкладе энергетиков Дальнего Востока СССР в победу в Великой Отечественной войне. Перед энергетиками края в годы войны стояла важнейшая задача по обеспечению электроэнергией военно-промышленных предприятий, выпускающих оборонную продукцию, и предприятий других отраслей хозяйства. Благодаря самоотверженному труду работников энергетической отрасли в годы войны была обеспечена не только надёжность в снабжении потребителей электроэнергией, но и достигнуты высокие производственные показатели.

Ключевые слова*: энергетики, электроэнергетика, выработка электроэнергии, Дальний Восток, Великая Отечественная война*

◆

The article refers to the contribution of power engineering specialist of the Far East of the USSR to the victory in the Great Patriotic War. During the War the challenge for the power engineering specialists was to ensure electricity military enterprises producing defense products and ensure companies in other sectors of the economy. Thanks to the selfless labor of those specialists during the war excellent results were achieved in both providing consumers with electricity and in the high production figures.

Key words*: power engineering specialists, power system, power generation, Russian Far East, the Great Patriotic War*

Военно-промышленное производство, развернувшееся в годы Великой Отечественной войны на Дальнем Востоке, не могло функционировать без чётко налаженной системы электроэнергетики. Перед работниками энергетической отрасли региона с первых дней войны встала важнейшая задача по бесперебойному и качественному снабжению электроэнергией промышленных предприятий края, в первую очередь оборонного значения. К 1944 г. производство оборонной промышленности в Дальневосточном крае по сравнению с 1940 г. возросло в 5 раз **[8, с. 13]**. Для оборонных предприятий требовалась не только мощная энергетическая база, но и организованная, слаженная и ответственная работа энергетиков.

К 1941 г. на Дальнем Востоке работало 415 ведомственных электростанций и 4 электростанции (Артём ГРЭС, ВГЭС-1, КЭТ, ГЭС ДЕСНА) районного управления системы Дальэнерго Наркомата электростанций. Созданное 5 января 1937 г. РУ Дальэнерго стало крупным объединением работников энергетического хозяйства

МАКЛЮКОВ Алексей Владимирович, к.и.н., младший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН *(г. Владивосток).*
E-mail: alekseymaklyukov@yandex.ru

Приморского края. В январе 1941 г. на электростанциях и в сетевом хозяйстве Дальэнерго работало 1900 специалистов **(ГАПК. Ф. 34. Оп. 5. Д. 13. Л. 132)**. К 1940 г. Дальэнерго располагало мощностью в 41 000 кВт и вырабатывало 162,9 млн. кВт/ч электроэнергии в год **(ГАПК. Ф. 34. Оп. 5. Д. 38. Л. 134).** Электростанции системы централизованно обеспечивали электроэнергией предприятия судостроительной промышленности г. Владивостока (завод № 202), угольной промышленности Артёмовского бассейна, предприятия и станции Владивостокской дистанции пути ДВЖД, военные объекты о. Русский.

В Хабаровском крае, Амурской области и севере региона работали мелкие ведомственные электростанции, которые обслуживали отдельные предприятия. Крупнейшей среди них была только Комсомольская ТЭЦ-2 судостроительного завода № 199, на которой трудилось около 400 энергетиков. Коллективы остальных мелких ведомственных электропредприятий зачастую не превышали 30 человек (на 90 % от общей численности предприятий Хабаровского края) **[3, с. 69]**.

С началом событий Великой Отечественной войны в энергетической отрасли, как и в целом в экономике Дальнего Востока, началась общая кадровая проблема, связанная с призывом в армию работников предприятий. Только по Дальэнерго за 1941 г. в вооружённые силы было призвано почти 400 человек или 21 % от общего количества персонала **(ГАПК. Ф. 34. Оп. 5. Д. 13. Л. 138)**. Особенно остро встал вопрос нехватки квалифицированных специалистов, в связи с призывом в РККА. В первые месяцы войны директорам электростанций нередко приходилось через крайисполкомы и крайкомы ВКП (б) отстаивать своих работников перед военными комиссариатами. Качественный состав кадров энергетических предприятий стал ухудшаться. Это было связано с притоком женщин и подростков, не имеющих специальной подготовки и опыта. Низкий уровень культуры эксплуатации оборудования напрямую отразился на техническо-экономических показателях работы предприятий. Так, в электрических сетях системы Дальэнерго в первые годы войны свыше 40 % аварий происходило по вине персонала **(ГАПК. Ф. 132. Оп. 5. Д. 1. Л. 2)**.

Ситуация изменилась только после вступления в силу постановления Комиссии при Совнаркоме СССР № 477 от 14 декабря 1941 г., согласно которому стали предоставляться отсрочки от призыва руководящему составу, инженерно-техническим работникам и производственным рабочим энергопредприятий. Руководителям районных управлений и электростанций была также предоставлена возможность подавать в местные военкоматы списки забронированных рабочих и служащих. Бронирование рабочей силы в значительной степени позволило сохранить рабочие коллективы предприятий. Только по энергосистеме Дальэнерго к началу 1942 г. был забронирован 41 % работников от общего числа военнообязанных *(табл. 1)*. Среди забронированных специалистов были, прежде всего, инженерно-технические работники и квалифицированные рабочие.

Вместе с тем проблема нехватки рабочей силы оставалась. На начало 1942 г. предприятия РУ Дальэнерго были укомплектованы работниками только на 77,4 % от общего потребного количества *(табл. 1)*. Дефицит рабочих рук ощущался больше всего среди основных категорий рабочих – электромонтёров, кочегаров и грузчиков. Например, на КЭТ о. Русский в начале 1942 г. котельные и топливные цеха были укомплектованы рабочими только на 20 % **(ГАПК. Ф. 34. Оп. 5. Д. 13. Л. 106)**.

С октября 1942 г. с вступлением в силу специального постановления Государственного комитета обороны призыв в армию работников предприятий Наркомата электростанций полностью прекратился,

Таблица 1. Бронирование и численность рабочей силы по РУ Дальэнерго (без учёта ГЭС ДЕСНА) на 20 февраля 1942 г.

Предприятия	Потребное количество рабсилы и ИТР	Фактически имеется человек	Из них в/о	Из них забронировано	В % к общему числу в/о	Недокомплект человек	В % к потребному числу
Артём ГРЭС	1043	734	425	196	46,0	309	29,6
ВГЭС	320	282	104	41	39,4	38	11,8
КЭТ	223	183	122	1	0,8	40	17,9
Электросеть	314	271	145	89	68,2	43	13,6
Всего по РУ	***1900***	***1470***	***796***	***327***	***41,0***	***430***	***22,6***

Источник: **ГАПК. Ф. 34. Оп. 5. Д. 13. Л. 132.**

прекращалась и мобилизация людей на предприятия оборонного значения. Это постановление в значительной степени решало проблему текучести рабочей силы. Начиная с 1943 г., ведущие электростанции системы Дальэнерго обеспечивались кадрами уже на 80 %. Однако до конца войны полностью укомплектовать предприятия специалистами так и не удалось. В 1945 г. по системе Дальэнерго числилось 1602 работников, или 84,3 % от потребного количества **(ГАПК. Ф. 34. Оп. 5. Д. 13. Л. 8, 132; Оп. 7. Д. 74. Л. 51)**.

Пополнение кадров на энергетических предприятиях Дальневосточного края в годы войны осуществлялось в основном за счёт женщин и подростков. В соответствии с приказом Главвостокэнерго № 137 от 26 июля 1941 г. на предприятия Дальэнерго взамен ушедшим на фронт мужчинам, стали привлекаться женщины, подростки и мужчины, освобождённые от призыва, для них организовывались краткосрочные курсы. Во время войны на предприятиях края значительно вырос удельный вес женского труда. Например, в коллективе крупнейшей электростанции региона Артём ГРЭС по данным на 15 января 1942 г. женщины составляли 20,5 % от общего персонала *(табл. 2)*. Больше всего женщин работало в сетевом управлении РУ Дальэнерго. Здесь удельный вес женского труда на 1 января 1942 г. составлял 43,2 % **(ГАПК. Ф. 132. Оп. 5. Д. 1. Л. 28)**.

Пришедшие взамен мобилизованных мужчин женщины и подростки успешно осваивали профессию энергетика. Только за один 1942 г. в сетевом районе РУ Дальэнерго силами инженерно-технических работников было обучено 49 женщин и подростков **(ГАПК. Ф. 132. Оп. 5. Д. 1. Л. 29-об)**. Женщины и молодёжь на электростанциях и в электросетях работали диспетчерами, помощниками машинистов, дежурными электромонтёрами. Александра Петровна Зиновьева на Хабаровской электростанции работала даже дублёром дежурного электромонтёра щита управления станции, в задачу которого входило управление электрической нагрузкой двух турбогенераторов по 3000

Таблица 2. Коллектив работников Артём ГРЭС на 15 января 1942 г.

Категории работников (человек)	Мужчины	В т.ч. в/о мужчины	Женщины	Всего
Рабочие	514	362	117	631
ИТР	37	36	4	41
Служащие	28	23	18	46
Прочие	-	-	17	17
Всего	***579***	***421***	***156***	***735***

Источник: **ГАПК. Ф. 34. Оп. 5. Д. 13. Л. 7.**

кВт каждый **[10, с. 95]**.

Привлечение женщин на производство потребовало решения ряда задач. Так как большинство принимаемых на работу женщин имели малолетних детей, то остро встала проблема обеспечения предприятий детскими садами. На электростанциях, расположенных в городах, этот вопрос частично решался за счёт городских детских учреждений, но на предприятиях, удалённых от центров, такие учреждения часто отсутствовали. До войны детский сад, построенный в 1939 г., имелся только в рабочем посёлке Артём ГРЭС. В годы войны по системе Дальэнерго были построены ещё 2 детских сада – на ГЭС ДЕСНА на 56 мест и на КЭТ о. Русский на 30 мест **(ГАПК. Ф. 34. Оп. 3. Д. 41. Л. 3; Оп. 7. Д. 74. Л. 62)**.

В годы войны в условиях дефицита трудовых ресурсов первостепенное значение имела подготовка новых специалистов. Для энергетических предприятий основной формой подготовки кадров являлось индивидуальное и индивидуально-бригадное обучение. К опытным энергетикам прикреплялись новички, которые приобретали профессиональные навыки непосредственно при выполнении производственных заданий. Такими методами готовили ведущих и старших кочегаров, машинистов турбин, насосов, электромонтёров и рабочих других специальностей. Кроме этого на электростанциях организовывались курсы по повышению квалификации. Однако, как показала практика, организовать этот процесс в условиях постоянного движения кадров, нехватки специалистов в необходимых размерах и качественно удавалось далеко не всегда. Утверждённые планы подготовки кадров по электростанциям Дальнего Востока не выполнялись. В частности, по системе Дальэнерго выполнение плана подготовки кадров за 1944 г. составляло 65 % **(ГАПК. Ф. 34. Оп. 7. Д. 74. Л. 54)**.

Сложное положение оставалось и с обеспечением энергопредприятий инженерно-техническими специалистами. Потребность в инженерно-технических кадрах удовлетворялось отчасти за счёт оставшихся от мобилизации работников, а также подготовки молодых специалистов в Дальневосточном политехническом институте. В 1944 г. в институте был специально образован электротехнический факультет, который готовил инженеров-энергетиков и инженеров-теплотехников **(ГАПК. Ф. 52. Оп. 10. Д. 234. Л. 75)**. Выходом из создавшегося положения в условиях военного времени являлось выдвижение на руководящие административные и технические должности старых кадров квалифицированных рабочих-энергетиков и хорошо зарекомендовавших себя молодых рабочих. Например, в 1943 г. директором Хабаровской

Таблица 3. Основные показатели работы системы Дальэнерго за 1941 – 1945 гг.

Показатели	Годы				
	1941	**1942**	**1943**	**1944**	**1945**
Выработка электроэнергии по системе млн. кВт/ч	163,9	160,4	172,4	198,3	220,2
а) Артём ГРЭС	138,2	137,5	145,5	161,5	172,9
б) ВГЭС	15,2	9,2	10,6	18,6	26,2
в) КЭТ	3,1	4,4	5,2	5,9	7,3
г) ГЭС ДЕСНА	7,3	9,1	10,9	12,2	13,6
Себестоимость 1 кВт/ч коп по системе	30,4	30,4	29,5	27,8	26,3
Расход энергии на собственные нужды в %	12,5	13,4	13,0	12,8	11,5
Потери в сетях системы в % от отпуска энергии	13,4	12,4	13,3	16,2	15,8
Количество аварий по системе	64	36	45	49	15

Источник: **[8, с. 283].**

электростанции был назначен электромонтёр Ф.И. Коблин **[10, с. 96]**.

Дальневосточным энергетикам в годы войны приходилось трудиться при 11-часом рабочем дне с двумя выходными в неделю. В связи с крайне плохим питанием, за такой рабочий день люди полностью выкладывались. Особенно тяжело было в первые полтора года войны, когда рабочим приходилось выходить на работу в полуголодном состоянии. В октябре 1942 г. ГКО принял постановление о переводе работников энергетических предприятий страны на закрытое снабжение продуктами питания, а также о повышении заработной платы работникам ведущих профессий **(РГАЭ Ф. 7870. Оп. 2. Д. 12. Л. 231)**. Эти меры в значительной степени решали проблему с голодом и, несомненно, способствовали повышению качества и производительности труда энергетиков.

Энергетики на всём протяжении войны строго соблюдали производственную дисциплину, своевременно и точно исполняли приказы, работали с высокой производительностью. Это во многом помогало избегать технических проблем и аварий. Несмотря на все трудности, благодаря самоотверженному труду энергетиков в годы Великой Отечественной войны были достигнуты хорошие показатели в работе электростанций системы Дальэнерго *(табл. 3)*.

Нельзя не назвать имена тех руководителей и специалистов, благодаря которым за годы войны система Дальэнерго смогла выйти в число лучших в стране энергосистем с высокой культурой эксплуатации. Это управляющий РУ Дальэнерго Н.С. Белов и главный инженер М.М. Козик. Они в тяжёлые военные годы смогли организовать на Владивостокской ГЭС перемотку турбогенераторов № 1 и № 2 с напряжением 3,15 на 6,3 кВ и пуск компенсатором генератора № 3 **[1, с. 64]**. Эти мероприятия позволили увеличить почти в 2 раза производительность станции, что было крайне необходимо для электроснабжения предприятий оборонной промышленности, в частности судостроительного завода № 202 (Дальзавод) ТОФ, строившего и ремонтировавшего в годы войны эсминцы, подводные лодки, буксиры, баржи.

Важная заслуга в надёжной работе Хабаровской коммунальной

электростанции в годы войны принадлежала директору станции Ф.И. Колбину и главному инженеру А.П. Гринцевичу. Электростанция работала настолько устойчиво, что с 1943 г. не происходило серьёзных срывов в электроснабжении предприятий города Хабаровска **[10, с. 96-97]**.

Нередкими были случаи, когда работники электростанций проявляли настоящий героизм. Например, на Комсомольской ТЭЦ–2 в тяжёлое военное время, когда станция работала с максимальной производительностью, возникло повреждение барабана котла № 5. Рабочий И.Г. Новиков отважился выполнить сварочные работы внутри барабана при температуре воздуха, достигавшей 95°С. В течение 2-х часов благодаря героизму Новикова повреждение было устранено **[10, с. 123-124]**.

Стремясь внести вклад в победу, проявляя подлинный патриотизм, дальневосточные энергетики выполняли по 2-3 нормы в смену. Средняя производительность труда за 8 месяцев работы системы Дальэнерго в 1944 г. составляла 155 % **[5]**. Энергетики принимали также активное участие в сборе добровольных взносов в фонд обороны страны. Коллектив Артём ГРЭС в годы войны собрал 3000 руб. на укрепление боевой техники Красной Армии и Флота **[4]**. Ещё больше средств, в размере 62 789 руб. на строительство боевых самолётов, собрал коллектив Благовещенской коммунальной электростанции, а главный инженер станции Д.Г. Петухов передал 3500 руб. из своего заработка **[2]**.

Страна высоко оценила доблестный труд дальневосточных энергетиков. Коллектив Артём ГРЭС в военные годы добился самых лучших технико-экономических показателей среди электростанций среднего давления Наркомэлектро. Ему 26 раз в этот период присуждалось переходящее Красное Знамя ГКО **[6]**. Не оставались без внимания энергетические предприятия других ведомств. Энергетики Хабаровской электростанции Наркомата коммунального хозяйства более 30 раз получали переходящее Красное Знамя и отраслевого ЦК профсоюзов и 6 раз – переходящее Красное Знамя ГКО **[9]**. За самоотверженный труд в годы войны 8 работников Артём ГРЭС были награждены орденами и медалями: директор станции В.В. Попов, главный инженер М.И. Каргаполов, старший машинист С.Л. Кузнецов, мастер котельного цеха С.Н. Кретинин, начальник электроцеха А.Н. Бончковский, мастер электроцеха И.Я. Смешко и др. **[6]**.

Таким образом, энергетики Дальнего Востока в годы войны внесли свой неоценимый вклад в укрепление обороноспособности страны, обеспечивая электроэнергией оборонные и другие отрасли народного хозяйства края. Благодаря их патриотизму и самоотверженному труду была обеспечена не только надёжность работы энергетических предприятий края, но достигнуты высокие показатели в работе. Дальневосточные энергетики также мужественно ковали победу над врагом в тылу, как и солдаты на фронте.

◆

Литература

1. 90 лет Владивостокской ТЭЦ-1. Тепловые сети ООО «Дальэнерго». Владивосток: Изд-во "Дальпресс", 2002. 87 с.
2. Амурская правда. 1943. 31 января.
3. Докучаев Г.А. Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1973. 422 с.
4. Красное Знамя. 1945. 13 августа.

5. Красное Знамя. 1945. 29 сентября.
6. Красное Знамя. 1946. 14 июля.
7. Ткачева Г.А. Оборонно-экономический потенциал Дальнего Востока СССР в 1941 – 1945 гг. Владивосток, 2005.
8. Ткачева Г.А. Труд – фронту: промышленность Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.) // Россия и АТР. 1995. № 3. С. 13-18.
9. Тихоокеанская звезда. 1984. 28 октября.
10. Энергия души. Хабаровская энергосистема: время, события, люди. Хабаровск, 2008. 382 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. 90 let Vladivostokskoj TEHTS-1. Teplovye seti OOO «Dal'ehnergo». Vladivostok: Izd-vo "Dal'press", 2002. 87 s.
2. Amurskaya pravda. 1943. 31 yanvarya.
3. Dokuchaev G.A. Rabochij klass Sibiri i Dal'nego Vostoka v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. M.: Nauka, 1973. 422 s.
4. Krasnoe Znamya. 1945. 13 avgusta.
5. Krasnoe Znamya. 1945. 29 sentyabrya.
6. Krasnoe Znamya. 1946. 14 iyulya.
7. Tkacheva G.A. Oboronno-ehkonomicheskij potentsial Dal'nego Vostoka SSSR v 1941 – 1945 gg. Vladivostok, 2005.
8. Tkacheva G.A. Trud – frontu: promyshlennost' Dal'nego Vostoka v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941 – 1945 gg.) // Rossiya i ATR. 1995. № 3. S. 13-18.
9. Tikhookeanskaya zvezda. 1984. 28 oktyabrya.
10. EHnergiya dushi. KHabarovskaya ehnergosistema: vremya, sobytiya, lyudi. KHabarovsk, 2008. 382 s.

УДК 338.48(479)

Паникарская Н.И., Стаценко А.А., Рубан Д.А.
Panikarskaja N.I., Statsenko A.A., Ruban D.A.

Туристический образ региона в сетевом пространстве: проблема качества информации

Tourism image of region in the net space: a problem of information quality

Туристический образ региона формируется в сетевом пространстве за счёт распространения интернет-ресурсами информации об отдельных достопримечательностях и территориальном рекреационно-туристическом потенциале в целом. Контент-анализ ресурсов, посвящённых двум природным объектам Горной Адыгеи, выявил значительную некорректность сведений о них, что снижает качество туристического образа это важной российской дестинации. Так, Лагонакское нагорье зачастую неправильно определяется как плато, а размеры Девичьего камня неоправданно преувеличиваются. Решение подобного рода проблем возможно путём использования региональными административными органами или профессиональными организациями, отвечающими за развитие туризма, инструментов управления качеством.

Ключевые слова: *туристический образ, регион, интернет-ресурс, распространение информации, контент-анализ, управление качеством, Горная Адыгея*

◆

Tourism image of region is formed in the net space via distribution of information about particular sights and the entire territorial recreation-tourism potential by Internet resources. Content analysis of resources devoted to two natural objects of Mountainous Adygeja has revealed significant failures in their descriptions, which diminishes the quality of the tourism image of this important Russian destination. For instance, the Lago-Naki Highland is often treated mistakenly as plateau, and the size of the Maiden's Stone is indicated bigger than it is in fact. Such a problem can be resolved with the use of quality management instruments by administration bodies or professional organizations responsible for tourism development.

Key words: *tourism image, region, Internet resource, information distribution, content analysis, quality management, Mountainous Adygeja*

Введение

Развитие внутреннего туризма в России является исключительно актуальной задачей в связи с двумя обстоятельствами. Во-первых, необходимо устранить существующий дисбаланс в туристической ин-

ПАНИКАРСКАЯ Наталия Игоревна, студентка Высшей школы бизнеса Южного федерального университета *(г. Ростов-на-Дону)*.

СТАЦЕНКО Анастасия Алексеевна, студентка Высшей школы бизнеса Южного федерального университета *(г. Ростов-на-Дону)*. **E-mail:** o6surga@mail.ru

РУБАН Дмитрий Александрович, PhD, к. геолого-минерал.н., доцент Высшей школы бизнеса Южного федерального университета *(г. Ростов-на-Дону)*. **E-mail:** ruban-d@mail.ru

дустрии **[18]**. Во-вторых, нуждаются в реализации те инициативы, которые способствуют устойчивому развитию как национальной, так и региональных социально-экономических систем **[2; 10; 26]**). Решение вышеуказанной задачи неразрывно связано с формированием и продвижением туристических образов отдельных регионов (в т.ч. регионов как туристских дестинаций) в сетевом пространстве Интернет.

Исследования последних лет позволили выявить широкий круг проблем, связанных с туристическим образом отдельных территорий **[7; 15; 17; 22; 27-30; 32-37]**. Одной из таковых является качество информации, распространяемой интернет-ресурсами, ориентированными на туристов. Значимость последних определяется тем, какую роль они стали играть в современном обществе в качестве источника информации. Более того, в случае внутреннего туризма значительная часть посетителей регионов предпринимает индивидуальные (неорганизованные) поездки, что означает также самостоятельный сбор сведений о дестинации; интернет-ресурсы подходят для этого как нельзя лучше. Вполне очевидно, что не только "внешняя" привлекательность, но и содержательность (в т.ч. корректность) сведений, которые заложены в туристический образ региона, определяют успешность последнего. С одной стороны, неправильность сведений делает туристический образ внутренне противоречивым. С другой стороны, она же снижает удовлетворённость посетителей региона, которые так или иначе могут в ходе поездки самостоятельно осознать низкое качество изначально предоставленной им информации.

Основной целью настоящей статьи является изучение качества туристического образа региона, формируемого в сетевом пространстве, на примере Горной Адыгеи (горная часть Республики Адыгеи). Она уже стала значимой туристской дестинацией России в силу богатства своего природного и историко-культурного наследия **[19]**. Многочисленные интернет-ресурсы (сайты туристических организаций, любителей путешествий, административных органов и т.д.) распространяют большой объём информации относительно конкретных достопримечательностей и рекреационно-туристических ресурсов этого региона в целом. Формируемый таким образом образ вовсе необязательно является корректен. Такое предположение, требующее специального изучения, основывается, прежде всего, на разнородности информационного потока.

Характеристика изученного региона

Республика Адыгея является небольшим по территории (~ 8 тыс. кв. км) и населению (~ 450 тыс. чел.) регионом, расположенным на Юге России. В административном отношении она относится к Южному федеральному округу. С физико-географической точки зрения, её северная часть располагается на равнине, относимой к Предкавказью, а южная – в горах Западного Кавказа **[11]**. Социально-экономическое положение может быть охарактеризовано с помощью индекса человеческого развития. По значению этого показателя Республика Адыгея занимает 63-е место среди прочих регионов России **[4]**, и её мировым аналогом по этому значению является Бахрейн **[14]**. По инвестиционной привлекательности Республика Адыгея занимает одно из последних мест в стране, но

Авторы выражают благодарность проф., д.г.н. О.В. Ивлиевой и другим сотрудникам и студентам ЮФУ (г. Ростов-на-Дону) за оказанную поддержку, а также д.э.н. Е.А. Носачевской (МГТУ, г. Москва), к.э.н. М.М. Романовой (МЭСИ, г. Москва) и прочим коллегам за помощь с литературой.

по уровню развития малого и среднего предпринимательства этот регион, наоборот, близок к группе лидеров **[25]**.

Индустрия туризма в Адыгее, перспективы развития которой были достаточно хорошо изучены в последние годы **[1; 13; 16; 21; 23]**, сконцентрирована в южной части республики (в т.н. Горной Адыгее), где основывается во многом на использовании богатейшего природного наследия **[19]**. К числу основных природных достопримечательностей относятся Лагонакское нагорье, водопады Руфабго, долина реки Белой, территория Кавказского государственного природного биосферного заповедника, каньон реки Сахрай и т.д. Эти объекты располагаются весьма "компактно" в пространстве. Хорошего качества автомобильные дороги обеспечивают практически беспрепятственный доступ к ним. В регионе уже создана туристическая инфраструктура, включая базы отдыха, гостиницы, смотровые площадки, спортивно-рекреационные сооружения и т.п.

Материалы и методы

Предварительное изучение информации относительно природных достопримечательностей Горной Адыгеи, которая распространяется интернет-ресурсами, позволило наметить два объекта, корректность сведений о которых вызывает большие сомнения. Это Лагонакское нагорье и Девичий камень. Оба они представляются исключительно важными в точки зрения туризма, а информация о них в значительной степени формирует туристический образ региона в сетевом пространстве.

Сомнительной оказалась следующая информация. Лагонакское нагорье часто неверно определяется как плато, тогда как черты последней формы рельефа для него нехарактерны *(фото. 1)*. Это широко распространённая ошибка, допускающаяся уже несколько десятилетий **[8]**. Девичий камень – крупный мегакласт на склоне хр. Уна-Коз *(фото. 2)* – имеет высоту порядка 10 м **[31]**, однако нередко она указывается как значительно большая. Более того, встречаются упоминается, что этот мегакласт является "крупнейшим" или "одним из крупнейших" валунов в Европе, что неверно по двум причинам. Во-первых, на территории Европы встречаются и более крупные обломки, а, во-вторых, Горная Адыгея с физико-географической точки зрения располагается в пределах Азии.

С помощью поисковых систем (Google и Yandex) были определены наиболее востребованные интернет-ресурсы (занимающие первые места по результатам поиска), которые предоставляют информацию относительно двух вышеуказанных объектов и ориентированы, прежде всего, на туристов. Из их числа были исключены справочные ресурсы общего характера (Wikipedia и т.п.). Предполагается, что именно выбранные интернет-ресурсы максимально способствуют распространению информации о достопримечательностях Горной Адыгеи, т.е. потенциальные посетители этой дестинации с большой долей вероятности обратятся именно к ним, планируя свою поездку. Корректность этой информации отражается на качестве туристического образа региона, формируемого в сетевом пространстве.

В общей сложности было выбрано 45 ресурсов *(табл. 1)*. Далее проводился их контент-анализ на предмет корректности сведений, обозначенных выше. Соотношение ресурсов с корректной и некорректной информацией позволяет судить о качестве образа региона в сетевом пространстве. Предпринятый анализ носит в значительной степени предварительный характер. Это связано с тем, что были изучены только два (хотя и исключительно важных для формирования туристического образа региона) природных объекта. Тем не менее, даже с учётом этого результаты анализа позволяют в общем виде оценить качество инфор-

Фото 1. Лагонакское нагорье

мации, формирующей туристический образ региона в сетевом пространстве в настоящее время.

Результаты

Из 24 интернет-ресурсов, характеризующих Лагонакское нагорье и выбранных для целей настоящего исследования *(табл. 1)*, две трети определяют его как плато *(табл. 2)*, что является некорректным **[8]** *(фото. 1)*. Напротив, лишь одна треть ресурсов распространяет корректную информацию, определяя данный природный объект как нагорье. Стоит отметить, что многочисленные ресурсы оперируют с обоими терминами ("нагорье" и "плато"), подчас устанавливая между ними тождество или считая одно более общим, чем другое. Такое смешение, безусловно, нельзя считать сколько-нибудь оправданным. Более того, оно даже усиливает некорректность распространяемых сведений, создавая терминологическую путаницу.

В случае с Девичьем камнем пропорция между корректной и некорректной информации оказывается такой же. Из 23 интернет-ресурсов, характеризующих этот объект и выбранных для целей настоящего исследования *(табл. 1)*, чуть более двух третей содержат некорректные сведения о его размере (часто указывается размер в 35 м, что далеко от действительного значения **[31]** *(фото. 2)*, и лишь менее одной трети ресурсов правильно обозначают его истинный порядок. Здесь стоит отметить, что в целом ряде ресурсов идея о Девичьем камне как "крупнейшем валуне Европы" рассматривается в критическом ключе, что несколько увеличивает корректность распространяемой информации. Для сравне-

Фото 2. Девичий камень

ния стоит отметить, что в случае с Лагонакским нагорьем обсуждения приемлемости терминов "плато" и "нагорье" не было обнаружено.

Обсуждение результатов

Результаты предпринятого контент-анализа выявили достаточно низкое качество информации, формирующей туристический образ Горной Адыгеи в сетевом пространстве. Это тем более важно с учётом двух обстоятельств. Во-первых, Лагонакское нагорье и Девичий камень являются двумя исключительно важными природными объектами для развития туризма в Республике Адыгее. Лагонакское нагорье привлекает огромный поток посетителей и, по сути, является "визитной карточкой" региона. Девичий камень располагается посреди автодороги, по которой происходит перемещение основного туристического потока, а потому также активно посещается. Во-вторых, Горная Адыгея уже является важной дестинацией и постепенно приобретает в таком качестве общероссийское значение.

Низкое качество туристического образа региона в сетевом пространстве снижает его успешность, о чём говорилось выше. Не стоит забывать и о том, что созданный образ дестинации формирует стереотипы, которые оказываются весьма устойчивыми **[35]**. Следовательно, чем дольше он остаётся в той или иной степени некорректным, тем сложнее будет изменить его в правильную сторону. Однако важно отметить и ещё одну проблему. Многие из туристов посещают Лагонакское нагорье с целью прохождения пешеходных маршрутов или прогулок выходного дня. Однако нагорье и плато – разные формы рельефа и при этом с разной до-

Фото 3. "Классический" вид Лагонакского нагорья

ступностью. Узнав из интернет-ресурса(ов) о том, что предстоит поездка на плато, турист может оказаться не готов к реальным условиям нагорья, для которого характерна большая пересечённость, большая крутизна склонов и т.д. В случае с Девичьим камнем, наоборот, указываемая столь многими ресурсами высота в 35 м может "отпугнуть" туристов, тогда как действительная высота, которая существенно меньше, вовсе не является столь большим препятствием для самостоятельного подъёма на вершину камня.

Нельзя исключать той возможности, что туристы сами могут распознать некорректность сведений до планируемой поездки, т.к. непосредственно при обращении к интернет-ресурсу(ам). Однако для этого необходимо обладание, во-первых, хорошо развитой способностью к критическому мышлению, а, во-вторых, профессиональными знаниями. Вполне очевидно, что, обращаясь к интенет-ресурсам, ориентированным на туристов, большинство последних будут доверять им как надёжным источникам информации. Что касается профессиональных знаний, то для неспециалистов в области наук о Земле провести различие между нагорьем и плато будет крайне затруднительно. Если же говорить о фотографиях объектов, представленных на интернет-ресурсах, то и они далеко не всегда могут позволить с точностью судить о корректности сведений. Например, "классический" вид Лагонакского нагорья *(фото. 3)*, который успешно "тиражируется" в сети Интернет и является визуальным образом Горной Адыгеи как туристской дестинации, вовсе не обязательно может быть основой для заключения о характере рельефа. Это связано с тем, что преобладающим типом горных хребтов в пределах Лагонакского нагорья являются куэстовые гряды, для которых характерна

пологость и одинаковое простирание на значительном расстоянии одного из склонов, а также расположение бровки эскарпа на примерно одном и том же уровне. Это вполне может ввести в заблуждение (по-видимому, даже специалиста) и "поддержать" идею о существовании плато. Таким образом, представляется сомнительным, чтобы туристы в значительном своём большинстве могли самостоятельно распознавать некорректность сведений, распространяемых интернет-ресурсами, формирующими туристический образ региона в сетевом пространстве. Это тем более справедливо с учётом сложности восприятия образа региона **[28-30; 36]**.

Информационные технологии имеют большое значение для индустрии туризма **[3; 11; 24]**. Будучи также исключительно важными для общественного прогресса в целом **[6; 9]**, они обеспечивают связь развития этой индустрии и региональной социально-экономической системы. То же самое относится и к позиционированию региона, которое обеспечивается в т.ч. и через создание и продвижение его образа. Результаты настоящего исследования обращают внимание на качество туристического образа в сетевом пространстве, которое даже для таких значимых дестинаций, как Горная Адыгея, может оказаться достаточно низким. В этой связи важность приобретает широкое использование различных методов управления качеством **[5]** применительно к интернет-ресурсам, формирующим туристический образ региона. В случае с двумя изученными природными достопримечательностями Горной Адыгеи речь идёт о недостаточности требуемого (ожидаемого) качества (по классификации **[20]**).

Туристический образ региона в сетевом пространстве может рассматриваться как своего рода продукт. Однако это не "конечный" результат деятельности туристической индустрии, а "промежуточный" продукт, необходимый для её развития. Управление качеством любых видов продукции (услуг) предполагает использование таких инструментов, как оценка качества, контроль качества, управление затратами на качество и мотивация персонала **[5]**. Контент-анализ, подобный предпринятому в рамках настоящего исследования или более детальный, представляет собой по сути метод оценки качества туристического образа региона как особого вида продукта. Обеспечение контроля качества целесообразным будет осуществлять (скорее в порядке стимулирования, чем надзора) административными органами и/или профессиональными организациями (объединениями), ответственными за развитие региональной туристической индустрии.

Что касается затрат на обеспечение высокого качества туристического образа региона в сетевом пространстве, то они не представляются значительными. Региональные административные органы и/или профессиональные организации могут предоставлять небольшие льготы/субсидии для тех собственников интернет-ресурсов, которые обеспечивают высокий уровень качества распространяемой информации. Это возможно путём проведения различных региональных конкурсов на лучший он-лайн туристический проект и т.п. Наконец, мотивация персонала означает привлечение внимания авторов сведений, размещаемых на туристических интернет-ресурсах, к проблеме высококачественного, профессионального продвижения образа региона. Это возможно как путём вышеуказанного внешнего стимулирования, так и через реализацию образовательных программ, тренингов для представителей туристической индустрии и т.п., в ходе которых разъясняется необходимость распространения качественной информации и обращение к помощи специалистов в случае невозможности самостоятельного решения этой проблемы. Всё сказанное выше может найти отражение в региональных программах, определяющих стратегию развития туризма.

Таблица 1. Internet-ресурсы, использованные в целях настоящего исследования.

Internet-ресурс	Использование для определения качества информации по объекту	
	Лагонакское нагорье	Девичий камень
http://adig-tur.ru		+
http://adygheya-guide.ru		+
http://www.adygeyarsp.ru		+
http://apsheronsk.bozo.ru	+	
http://www.azich-tau.ru	+	
http://www.babyblog.ru		+
http://www.bars-us.ru	+	
http://curiosite.ru		+
http://dah-sl.ru	+	
http://www.geocaching.su		+
http://www.geomem.ru		+
http://gory-adygei.ru	+	+
http://goriyuga.ru	+	
http://www.gornaya-derevnya.ru	+	
http://iketur.ru		+
http://interkavkaz.info		+
http://kukarta.ru		+
http://kurort.yuga.ru	+	
http://www.lagonaki.org	+	
http://lagonaki.ru	+	
http://lagonaki-7nebo.ru	+	
http://lagonaki-adygeya.ru	+	
http://www.lagonaki-info.ru	+	
http://lagonaki-travel.ru	+	
http://lagonaki-tur.ru		+
http://www.mezmay.org	+	
http://www.ncrc.ru	+	
http://otdyh-lagonaki.ru	+	
http://otdih.nakubani.ru	+	
http://rekadah.ru	+	
http://rossianka.com		+
http://sea-more.ru		+
http://sputnikug.ru		+
http://strana.ru	+	
http://stirringtrip.com		+
http://www.svastour.ru	+	
http://ta-kruiz.ru		+

http://taynykavkaza.ru		+
http://temp.tczazerkalie.ru		+
http://www.terem-ureki.ru	+	
http://www.tourism-adygea.ru		+
http://www.turspeleo.org	+	
http://vetert.ru	+	+
http://www.x-cursovod.ru		+
http://www.zdorovo.biz		+

Таблица 2. Корректность сведений об объектах по результатам контент-анализа выбранных Internet-ресурсов (см. табл. 1).

Сведения	Объекты	
	Лагонакское нагорье	*Девичий камень*
Корректные (включая условно корректные)	8 (33%)	7 (30%)
Некорректные (включая смешение корректных и некорректных)	16 (67%)	16 (70%)

Заключение

Предпринятый контент-анализ интернет-ресурсов, формирующих туристический образ региона в сетевом пространстве, позволяет чётко обозначить проблему качества распространяемой информации. Даже для таких значимых дестинаций, как Горная Адыгея, такое качество оказывается достаточно низким, что, безусловно, снижает успешность формируемого образа. Помимо рассматриваемых в настоящей работе природных объектов и их параметров, под вопросом корректность целого ряда других сведений об указанной дестинации (в частности, легенда о «местном» названии реки Белой). Решение проблемы возможно путём использования "стандартного" набора инструментов управления качеством продукции **[5]**. Представляется, что последнее может эффективно координироваться региональными административными органами и/или профессиональными организациями.

Результаты настоящего исследования имеют отнюдь не только сугубо региональное значение. Напротив, они обращают внимание как на необходимость поддержки формирования и продвижения туристического образа всех российских регионов/дестинаций в сетевом пространстве, так и на обеспечение должного качества распространяемых сведений о природных и историко-культурных достопримечательностях. Как минимум, это будет способствовать увеличению степени удовлетворённости предоставляемыми туристическими услугами. Опыт проведения контент-анализа интернет-ресурсов, описанный в настоящей статье, также указывает на актуальность и эффективность подобных работ и, следовательно, обозначает перспективное направление для последующих исследований.

◆

Литература

1. Аносова Е.А. Мониторинг турпотоков как инструмент прогнозирования развития туризма в регионе (на материалах Республики Адыгея) // Новые технологии. 2007. № 4. С. 69-73.

2. Богданова Э.Н. Проблемы устойчивого развития туризма в регионах РФ // Управление экономическими системами. 2011. № 33. С. 28.

3. Виноградова М.В. Информационное обеспечение туризма: системный стратегический подход // Вестник Национальной академии туризма. 2014. № 1. С. 31-36.

4. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2013 г. М.:РА ИЛЬФ, 2013. 202 с.

5. Ефимов В.В. Средства и методы управления качеством. М.:КНОРУС, 2012. 232 с.

6. Казаков К.В., Носачевская Е.А. Информационно-коммуникационная среда как ключевой фактор инновационного развития региональной экономики // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2014. № 1. С. 57-61.

7. Крюкова О.В., Печорина О.К. Имидж территории как фактор развития сельского туризма в России // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 1. С. 429.

8. Лозовой С.П. Лагонакское нагорье. Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1984. 160 с.

9. Майстренко А.В., Майстренко Н.В. Информационные технологии в науке, образовании и инженерной практике: учебное пособие. Тамбов: ТГТУ, 2009. 96 с.

10. Павлов А.Н., Тениловa А.П. Туристический бизнес в эколого-экономической структуре регионов // Региональная экология. 2005. № 1-2. С. 70-73.

11. Раковская Э.М. Физическая география России. Т. 2. М.:Академия, 2013. 256 с.

12. Романова М.М. Информационные технологии в туризме // Материалы конференции. Международная научно-практическая конференция "Ценности и интересы современного общества". Часть 3. М.: МЭСИ, 2013. С. 89-93.

13. Рубан Д.А. Некоторые предпосылки развития экологического и геологического туризма в долине реки Белой (Горная Адыгея, Северо-Западный Кавказ) // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2014. № 1. С. 117-123.

14. Сахарова О.Н. Индекс развития человеческого потенциала: место России в современном мире // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2014. № . 1. С. 16-20.

15. Скопина И.В., Гвоздева Е.С. Маркетинг туристических услуг в России: региональный аспект // Региональная экономика и управление. 2007. № 10. С. 19-27.

16. Смолякова Ю.И. Туризм в Республике Адыгея: современный взгляд на развитие // Новые технологии. 2008. № 5. С. 99-103.

17. Соколова А.А. Виртуальное освоение и виртуальные образы региона (по данным Google Earth и Panoramio) // Известия Русского географического общества. 2010. № 6. С. 31-40.

18. Тарасова О.Ю. Перспективы развития предпринимательских систем туристической индустрии // Эффективные механизмы инновационно-технологического развития современного общества. Сочи: СтерхГРУП, 2013. С. 73-78.

19. Трепет С.А. Адыгея. Майкоп: Кубанское книжное издательство, 2011. 80 с.

20. Ушаков Д.С. Экономика туристской отрасли. Ростов-на-Дону: МарТ, 2010. 446 с.

21. Хажокова С.С. Сценарные условия развития экономического потенциала туризма в Адыгее // Новые технологии. 2010. № 4. С. 135-139.
22. Цекина М.В. Современные туристские образы заполярных регионов Российской Федерации // Вестник Национальной академии туризма. 2012. № 4. С. 48-51.
23. Шаева И.А. Маркетинговые исследования спроса на спортивно-оздоровительные услуги как основы развития туристско-рекреационного комплекса Республики Адыгея // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2013. № 6. С. 65-69.
24. Шаховалов Н.Н. Интернет-технологии в туризме. Барнаул: Изд-во АлтГАКИ, 2007. 247 с.
25. Широкова Л.В., Алпеева Е.А. Детерминанты развития бизнес-среды Российской Федерации и её регионов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2014. № 1. С. 33-43.
26. Яшалова Н.Н., Рубан Д.А. Перспективы развития экологического туризма в интересах "зелёной" экономики // Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. 2013. № 6. С. 98-106.
27. Cherifi B. et al. Destination images of non-visitors // Annals of Tourism Research. 2014. V. 49. P. 190-202.
28. Gallarza M.G. et al. Destination image: Towards a Conceptual Framework // Annals of Tourism Research. 2002. V. 29. P. 56-78.
29. Kim S.S. et al. Tracking Tourism Destination Image Perception // Annals of Tourism Research. 2009. V. 36. P. 715-718.
30. Lai K., Li Y. Core-periphery structure of destination image: Concept, Evidence and Implication // Annals of Tourism Research. 2012. V. 39. P. 1359-1379.
31. Lubova K.A. et al. Megaclasts in geoconservation: sedimentological questions, anthropogenic influence, and geotourism potential // Geologos. 2013. V. 19. P. 321-335.
32. Molina A., Esteban A. Tourism Brochures: Usefulness and Image // Annals of Tourism Research. 2006. V. 33. P. 1036-1056.
33. Munar A.M. Tourist-created content: rethinking destination branding // International Journal of Culture, Tourism and Hospitality Research. 2011. V. 5. P. 291-305.
34. Nadeau J. Modeling Place Image: Specifying Indicator Direction // Annals of Tourism Research. 2009. V. 36. P. 735-738.
35. Pan B., Li X. The long tail of destination image and online marketing // Annals of Tourism Research. 2011. V. 38. P. 132-152.
36. Qu H. et al. A model of destination branding: Integrating the concepts of the branding and destination image // Tourism Management. 2011. V. 32. P. 465-476.
37. Rodriguez-Molina M.A. et al. The contribution of website design to the generation of tourist destination image: The moderating effect of involvement // Tourism Management. 2015. V. 47. P. 303-317.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Anosova E.A. Monitoring turpotokov kak instrument prognozirovaniya razvitiya turizma v regione (na materialakh Respubliki Adygeya) // Novye tekhnologii. 2007. № 4. S. 69-73.
2. Bogdanova EH.N. Problemy ustojchivogo razvitiya turizma v regionakh RF // Upravlenie ehkonomicheskimi sistemami. 2011. № 33. S. 28.
3. Vinogradova M.V. Informatsionnoe obespechenie turizma: sistemnyj strategicheskij podkhod // Vestnik Natsional'noj akademii turizma. 2014. № 1. S. 31-36.

4. Doklad o chelovecheskom razvitii v Rossijskoj Federatsii za 2013 g. M.:RA IL'F, 2013. 202 s.
5. Efimov V.V. Sredstva i metody upravleniya kachestvom. M.:KNORUS, 2012. 232 s.
6. Kazakov K.V., Nosachevskaya E.A. Informatsionno-kommunikatsionnaya sreda kak klyuchevoj faktor innovatsionnogo razvitiya regional'noj ehkonomiki // Izvestiya YUgo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: EHkonomika. Sotsiologiya. Menedzhment. 2014. № 1. S. 57-61.
7. Kryukova O.V., Pechorina O.K. Imidzh territorii kak faktor razvitiya sel'skogo turizma v Rossii // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2014. № 1. S. 429.
8. Lozovoj S.P. Lagonakskoe nagor'e. Krasnodar: Krasnodarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1984. 160 s.
9. Majstrenko A.V., Majstrenko N.V. Informatsionnye tekhnologii v nauke, obrazovanii i inzhenernoj praktike: uchebnoe posobie. Tambov: TGTU, 2009. 96 s.
10. Pavlov A.N., Tenilov A.P. Turisticheskij biznes v ehkologo-ehkonomicheskoj strukture regionov // Regional'naya ehkologiya. 2005. № 1-2. S. 70-73.
11. Rakovskaya EH.M. Fizicheskaya geografiya Rossii. T. 2. M.:Akademiya, 2013. 256 s.
12. Romanova M.M. Informatsionnye tekhnologii v turizme // Materialy konferentsii. Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya "TSennosti i interesy sovremennogo obshhestva". CHast' 3. M.: MEHSI, 2013. S. 89-93.
13. Ruban D.A. Nekotorye predposylki razvitiya ehkologicheskogo i geologicheskogo turizma v doline reki Beloj (Gornaya Adygeya, Severo-Zapadnyj Kavkaz) // Vestnik Taganrogskogo instituta upravleniya i ehkonomiki. 2014. № 1. S. 117-123.
14. Sakharova O.N. Indeks razvitiya chelovecheskogo potentsiala: mesto Rossii v sovremennom mire // Vestnik Taganrogskogo instituta upravleniya i ehkonomiki. 2014. № . 1. S. 16-20.
15. Skopina I.V., Gvozdeva E.S. Marketing turisticheskikh uslug v Rossii: regional'nyj aspekt // Regional'naya ehkonomika i upravlenie. 2007. № 10. S. 19-27.
16. Smolyakova YU.I. Turizm v Respublike Adygeya: sovremennyj vzglyad na razvitie // Novye tekhnologii. 2008. № 5. S. 99-103.
17. Sokolova A.A. Virtual'noe osvoenie i virtual'nye obrazy regiona (po dannym Google Earth i Panoramio) // Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshhestva. 2010. № 6. S. 31-40.
18. Tarasova O.YU. Perspektivy razvitiya predprinimatel'skikh sistem turisticheskoj industrii // EHffektivnye mekhanizmy innovatsionno-tekhnologicheskogo razvitiya sovremennogo obshhestva. Sochi: SterkhGRUP, 2013. S. 73-78.
19. Trepet S.A. Adygeya. Majkop: Kubanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2011. 80 s.
20. Ushakov D.S. EHkonomika turistskoj otrasli. Rostov-na-Donu: MarT, 2010. 446 s.
21. KHazhokova S.S. Stsenarnye usloviya razvitiya ehkonomicheskogo potentsiala turizma v Adygee // Novye tekhnologii. 2010. № 4. S. 135-139.
22. TSekina M.V. Sovremennye turistskie obrazy zapolyarnykh regionov Rossijskoj Federatsii // Vestnik Natsional'noj akademii turizma. 2012. № 4. S. 48-51.
23. SHaeva I.A. Marketingovye issledovaniya sprosa na sportivno-ozdorovitel'nye uslugi kak osnovy razvitiya turistsko-rekreatsionnogo kompleksa Respubliki Adygeya // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Seriya: Obshhestvennye nauki. 2013. № 6. S. 65-69.
24. SHakhovalov N.N. Internet-tekhnologii v turizme. Barnaul: Izd-vo AltGAKI, 2007. 247 s.
25. SHirokova L.V., Alpeeva E.A. Determinanty razvitiya biznes-sredy Rossijskoj Federatsii i eyo regionov // Izvestiya YUgo-Zapadnogo gosudarstvennogo

universiteta. Seriya: EHkonomika. Sotsiologiya. Menedzhment. 2014. № 1. S. 33-43.

26. YAshalova N.N., Ruban D.A. Perspektivy razvitiya ehkologicheskogo turizma v interesakh "zelyonoj" ehkonomiki // Vestnik UrFU. Seriya ehkonomika i upravlenie. 2013. № 6. S. 98-106.

27. Cherifi B. et al. Destination images of non-visitors // Annals of Tourism Research. 2014. V. 49. P. 190-202.

28. Gallarza M.G. et al. Destination image: Towards a Conceptual Framework // Annals of Tourism Research. 2002. V. 29. P. 56-78.

29. Kim S.S. et al. Tracking Tourism Destination Image Perception // Annals of Tourism Research. 2009. V. 36. P. 715-718.

30. Lai K., Li Y. Core-periphery structure of destination image: Concept, Evidence and Implication // Annals of Tourism Research. 2012. V. 39. P. 1359-1379.

31. Lubova K.A. et al. Megaclasts in geoconservation: sedimentological questions, anthropogenic influence, and geotourism potential // Geologos. 2013. V. 19. P. 321-335.

32. Molina A., Esteban A. Tourism Brochures: Usefulness and Image // Annals of Tourism Research. 2006. V. 33. P. 1036-1056.

33. Munar A.M. Tourist-created content: rethinking destination branding // International Journal of Culture, Tourism and Hospitality Research. 2011. V. 5. P. 291-305.

34. Nadeau J. Modeling Place Image: Specifying Indicator Direction // Annals of Tourism Research. 2009. V. 36. P. 735-738.

35. Pan B., Li X. The long tail of destination image and online marketing // Annals of Tourism Research. 2011. V. 38. P. 132-152.

36. Qu H. et al. A model of destination branding: Integrating the concepts of the branding and destination image // Tourism Management. 2011. V. 32. P. 465-476.

37. Rodriguez-Molina M.A. et al. The contribution of website design to the generation of tourist destination image: The moderating effect of involvement // Tourism Management. 2015. V. 47. P. 303-317.

УДК 330.322

Сухаренко А.Н.
Sukharenko A.N.

Инвестиционная привлекательность субъектов ДФО через призму преступности

Investment attractiveness of the Far East through the prism of crime

Одним из основных показателей, характеризующих уровень социально-экономического развития региона, являются инвестиции. В свете предстоящих масштабных преобразований в статье проанализировано состояние инвестиционной привлекательности всех регионов Дальневосточного федерального округа, а также уровень их безопасности для потенциальных инвесторов. В заключении предложены конкретные рекомендации по повышению уровня инвестиционной привлекательности дальневосточного региона в целом.

Ключевые слова: *инвестиции, регион, рейтинг, преступность, безопасность*

◆

One of the major indicators characterizing the level of socio-economic development of the region, are an investment. In light of the upcoming large-scale reforms in the article analyzes the investment attractiveness of all regions of the Far Eastern Federal District, as well as their level of security for potential investors. In conclusion, we have proposed specific recommendations to improve the investment attractiveness of the Far East region as a whole.

Key words: *investment, region, rating, crime, security*

Одним из основных показателей, характеризующих уровень социально-экономического развития региона, являются инвестиции. Динамичное и эффективное развитие инвестиционной деятельности является необходимым условием стабильного функционирования и развития экономики.

По данным Росстата, в 2013 году сохранялась тенденция снижения объёма инвестиций в основной капитал, отмеченная в 2012 году. Совокупный объём инвестиций, направленных на развитие экономики и социальной сферы ДФО, составил 814,5 млрд. рублей (80,5% к уровню 2012 года). Всего же за 2010 – 2013 годы объём валовых инвестиций, направленных в проекты, реализуемые на территории ДФО, составил 3602,8 млрд. рублей (около 8% от валовых объёмов РФ), что значительно уступает всем (кроме Северо-Кавказского) федеральным округам. Спад инвестиционной активности в ДФО обусловлен завершением строительства большинства объектов, связанных с проведением саммита АТЭС, ввода в эксплуатацию энергетической, трубопроводной, транспортной инфраструктуры, за которыми не последовало новых государственных и частных инвестиций **[3]**.

СУХАРЕНКО Александр Николаевич, директор Центра изучения новых вызовов и угроз национальной безопасности *(г. Владивосток)*. **E-mail:** sukharenko@mail.ru

В конце прошлого года был принят Федеральный закон от 29.12.2014 № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в РФ» **[5]**, направленный на формирование благоприятных условий для привлечения инвестиций. Опыт их создания был позаимствован Россией у ряда азиатских государств.

Согласно Закону № 473, территория опережающего развития (ТОР) создаётся на 70 лет решением Правительства России по предложению Минвостокразвития, согласованному с региональными и муниципальными властями. Финансирование создания инфраструктуры ТОР осуществляется за счёт федерального, регионального и местного бюджетов, а также частных инвестиций. На её территории будет действовать особый правовой режим осуществления предпринимательской и иной деятельности, который включает низкую арендную плату, особое налогообложение резидентов, осуществление госконтроля и надзора, приоритетное подключение к объектам инфраструктуры, применение процедур свободной таможенной зоны и др. Для мониторинга работы ТОР создаётся наблюдательный совет, куда войдут представители всех уровней власти.

На формирование сети ТОР и создание экспортно-ориентированных производств Минвостокразвития предполагает потратить 69 млрд рублей, на инвестпроекты – около 221 млрд рублей, развитие человеческого капитала и трудовых ресурсов – более 142 млрд рублей. В результате реализации 20 инвестпроектов и создания ТОРов в течение 10 лет Минвостокразвития рассчитывает на увеличение ВРП на 2,8 трлн рублей, создание 76 тыс. новых рабочих мест, привлечение более 3 трлн рублей частных инвестиций **[1]**. Между тем уже сейчас есть серьёзные опасения в воплощении планов министерства.

Инвестиционная привлекательность является одним из ключевых факторов позитивного имиджа региона, использование которого может значительно увеличить приток внешних финансовых ресурсов для решения стратегических задач его развития. В последние годы стали появляться исследования инвестиционной привлекательности регионов. В данном случае речь идёт не просто об анализе инвестиционной активности, а об интегральной характеристике, включающей в себя различные социально-экономические показатели. Наиболее известным в рамках такого подхода является рейтинг инвестиционной привлекательности регионов, ежегодно публикуемый агентством «Эксперт РА». В ходе оценки составляющих инвестиционного климата – инвестиционного риска и потенциала – агентством используется около 200 исходных количественных и качественных характеристик. В частности, данные Росстата, Центробанка, Генеральной прокуратуры, Минфина, Министерства связи и массовых коммуникаций, Министерством природных ресурсов и экологии; опросы предпринимателей, которые позволяют оценить показатели инвестиционной привлекательности, не измеряемые количественно; результаты опросов, проводимых Росстатом в рамках обследования инвестиционной активности организаций. В них принимают участие руководители организаций всех регионов страны, которые выделяют ключевые внутренние и внешние факторы, ограничивающие инвестиционную деятельность. В свою очередь экспертные оценки применяются при изучении факторов инвестиционной привлекательности региона, статистика по которым не ведётся или не публикуется в открытом доступе. Экспертные мнения используются для оценки качества институциональной среды и уровня политической стабильности. Оценки выставляются аналитиками агентства и независимыми экспертами с помощью стандартизированной балльной шкалы.

В соответствии с методикой «Эксперт-РА», инвестиционный потенциал – сумма объективных предпосылок для инвестиций и зависит от наличия и разнообразия сфер и объектов инвестирования. Рейтинг инвестиционной привлекательности – это взаимосвязанная оценка двух основных составляющих инвестиционной привлекательности: риска и потенциала.

Совокупный потенциал региона включает 9 интегрированных видов регионального потенциала:

1) трудовой;	6) инновационный;
2) потребительский;	7) инфраструктурный;
1) производственный;	8) природно-ресурсный;
4) финансовый;	9) туристический.
5) институциональный;	

Инвестиционные риски по данной методике оцениваются с позиции вероятности потерь инвестиций и дохода. Применительно к региону выделяются следующие виды риска:

1) законодательный;	5) социальный;
2) политический;	6) криминальный;
3) экономический;	7) экологический;
4) финансовый;	8) управленческий

Величина инвестиционного риска показывает вероятность потери инвестиций и дохода от них. Интегральный риск складывается из 8 видов риска (управленческий риск добавился в 2007 году). Ранг региона по каждому виду риска определялся по значению индекса инвестиционного риска, – относительному отклонению от среднероссийского уровня, принимаемому за единицу. Инвестиционный потенциал учитывает основные макроэкономические характеристики, такие как насыщенность территории факторами производства, потребительский спрос и т.д. Совокупный инвестиционный потенциал региона во всех предыдущих рейтингах складывался из частных потенциалов, каждый из которых в свою очередь характеризуется целой группой показателей. Ранг региона по каждому виду потенциала зависит от количественной оценки величины его потенциала как доли (в процентах) в суммарном потенциале всех 83 субъектов РФ.

В настоящее время общий показатель потенциала или риска рассчитывается как взвешенная сумма частных видов потенциала или риска. Показатели суммируются, каждый со своим весовым коэффициентом. Итоговый ранг региона рассчитывается по величине взвешенной суммы частных показателей. В результате каждый регион помимо ранга характеризуется количественной оценкой: насколько велик его потенциал как объекта инвестиций и до какой степени велик риск инвестирования в него по сравнению со среднероссийским. Оценку весов вклада каждой составляющей в совокупный потенциал или интегральный риск получают в результате анкетирования, проводимого среди российских и

иностранных инвестиционных, консалтинговых компаний и предприятий.

Собственно рейтингом является распределение регионов по значениям совокупного потенциала и интегрального риска на 12 групп *(таб. 1)*.

Таблица 1.
Рейтинговая шкала «Эксперт-РА»
оценки уровня риска и потенциала регионов РФ

Рейтинг	Потенциал	Риск
1A	Высокий	Минимальный
1B	Высокий	Умеренный
1C	Высокий	Высокий
2A	Средний	Минимальный
2B	Средний	Умеренный
2C	Средний	Высокий
3A	Низкий	Минимальный
3B1	Пониженный	Умеренный
3C1	Пониженный	Высокий
3B2	Незначительный	Умеренный
3C2	Незначительный	Высокий
30	Низкий	Экстремальный

По результатам обобщённой оценки регионам присваивается рейтинг. В рамках рейтинга агентство «Эксперт-РА» формирует информативную картину риск-потенциала регионов страны. Она позволяет оценить, с одной стороны, масштабы бизнеса, к которым готов регион; с другой – насколько рискованно этот бизнес там развивать.

В декабре 2014 года агентство «Эксперт РА» опубликовало 19-й по счёту рейтинг инвестиционной привлекательности регионов. Согласно ему, в общероссийском рейтинге субъекты ДФО занимают отнюдь не ведущие позиции. Из 9 дальневосточных регионов лишь Приморский край и Республика Саха (Якутия) заняли 20-е и 21-е места, соответственно. Остальные субъекты округа намного отстали: Хабаровский край – 34-ое место, Сахалинская область – 55-е, Амурская – 67-ое, Камчатский край – 70-ое, Магаданская область – 74-ое, Чукотский АО – 78-е, Еврейская АО – 79-е.

Вот как выглядят результаты оценки инвестиционной привлекательности субъектов ДФО по методике агентства «Эксперт РА»:

- Республика Саха (Якутия), Приморский и Хабаровский край, Сахалинская область имеют инвестиционный рейтинг 3B1 (пониженный потенциал – умеренный риск);
- Амурская область – 3B2 (незначительный потенциал – умеренный риск);
- Камчатский край, Магаданская область, Чукотский АО и Еврейская АО – 3C2 (незначительный потенциал – высокий риск) **[4]**.

По расчётам экспертов, наибольшие криминальные риски (уровень преступности в регионе с учётом её тяжести) ожидают инвесторов в Приморском крае, Сахалинской и Магаданской областях. Данное обстоятельство может негативно отразиться на объёмах иностранных инвестиций, владельцы которых беспокоятся за сохранность своих вложений.

Выводы экспертов подтверждают результаты соцопроса Фонда «Общественное мнение» об уровне безопасности личности и деятельности полиции. В ходе опроса в каждом из 9 субъектов ДФО было опрошено от 500 до 800 человек, что позволило оценивать каждый регион с одинаковой статистической погрешностью и сравнивать их между собой. Общий объём выборки составил 2,7 тыс. человек.

Согласно опросу, 54 % дальневосточников признали, что за последние два года жизнь стала опаснее. В региональном разрезе ответ на этот вопрос заметно варьируется: Сахалинская область – 41%, Республика Саха (Якутия) – 46%, Камчатский край – 49%, Магаданская область – 50%, Чукотский АО – 51%, Хабаровский край и Еврейская АО – по 52%, Приморский край – 59%, Амурская область – 64%. Более половины респондентов чувствуют себя незащищёнными от преступных посягательств на жизнь, здоровье и имущество. Причём это ощущение на протяжении последних лет остаётся неизменным. Если говорить о конкретных преступлениях, то больше всего они опасаются воров (71%), грабителей (67%), мошенников (62%), бандитов (61%) и вымогателей (48%). Примечательно, что в вопросах обеспечения собственной безопасности они уповают на себя или близких. На полицию, прокуратуру, суд и охранные структуры рассчитывают лишь 31%, 6%, 5% и 4% опрошенных дальневосточников соответственно **[2]**.

Опасения населения подтверждаются статистикой МВД России, согласно которой в 2014 году из 130 тыс. зарегистрированных в округе преступлений более 63 тыс. остались не раскрытыми. В свою очередь из 30,5 тыс. тяжких и особо тяжких преступлений (23,5% от общего числа зарегистрированных) было раскрыто немногим более половины. Наибольшее число нераскрытых преступлений сохраняется в Приморском и Хабаровском краях, Амурской и Сахалинской областях, Республике Саха (Якутия) **[6]**.

Несмотря на низкую выявляемость экономических преступлений в округе (3-4 тыс. в год), наиболее криминализированными сферами региональной экономики остаются финансово-кредитная система, потребительский рынок, операции с недвижимостью, рыбохозяйственный и лесопромышленный комплексы. В общей структуре экономической преступности преобладают преступления против собственности **[7]**.

Нельзя не учитывать и такой показатель как преступления, совершаемые в отношении иностранцев. По итогам 2014 года в общероссийском рейтинге по количеству таких преступлений среди субъектов ДФО безусловными лидерами остаются Приморский и Хабаровский края, Амурская область. При этом большая часть совершаемых преступлений носит корыстно-насильственный характер **[6]**.

Другой проблемой округа, тормозящей приток инвестиций, является коррупция. Ежегодно на территории ДФО регистрируется свыше 1 тыс. коррупционных преступлений **[7]**, которые по общему правилу относятся к числу высоколатентных деяний. Об этом свидетельствуют результаты мониторинга деловой среды и деятельности предприятий (в рамках V раунда проекта BEEPS ВБ и ЕБРР), обнародованные Всемирным банком в феврале 2013 года. В ходе исследования было опрошено 4,2 тыс. компаний из 37 субъектов РФ, в том числе Приморского и Хабаровского краёв. Наибольший интерес представляют данные о коррупционных взаимоотношениях бизнеса и государства. Несмотря на то, что

за 2008 – 2011 годы коррупционный налог снизился с 1,7% до 0,9% объёмов выручки, размер взяток вырос с 11,5% до 15% суммы госконтракта. На необходимость неофициальных выплат госорганам «за решение проблем» указали 26% респондентов – на 5% выше, чем в 2008 году. О необходимости давать взятки таможенной службе заявили 10% респондентов (2008 год – 6%), налоговой службе – 9% (8%), судам – 7% (3%). Общие выводы исследования таковы: чрезмерный уровень бюрократии даёт чиновникам больше возможностей для затягивания исполнения своих обязанностей, что стимулирует бизнес к даче взяток. Взятки вымогаются на тех административных процедурах, без которых вести бизнес сложно или невозможно. К этим сферам относятся налоговое администрирование, подключение к коммунальным сетям, лицензирование и др. Респонденты отмечают более высокий «налог на время» (время, потраченное на преодоление административных барьеров). Судебная система, по-прежнему, не внушает доверия бизнесу **[8]**.

Результаты проведённого исследования подтверждаются статистикой МВД России, согласно которой по количеству зарегистрированных фактов злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) и получения взятки (ст. 290 УК РФ) среди 9 субъектов ДФО лидируют Приморский и Хабаровский края. Кроме этого органами прокуратуры ежегодно выявляются многочисленные случаи нарушения прав субъектов малого и среднего бизнеса, а также норм федерального законодательства об осуществлении государственного и муниципального контроля (надзора).

Необходимо помнить, что любой рейтинг в значительной мере зависит от статистических данных, которые учитывают происходящие изменения. Если инвестор получит гарантии и убедительные доказательства того, что регион безопасен для ведения бизнеса, он может не учитывать того, что регион находится в числе отстающих в текущем рейтинге инвестиционной привлекательности. Для принятия им решения о реализации инвестиционного проекта необходимы два условия: активное продвижение региона, нацеленное на преодоление имиджа депрессивной территории, и реальные социально-экономические преобразования, направленные на снижение рисков и улучшение условий для ведения бизнеса.

Подводя итог, можно констатировать, что уровень общественной безопасности в ДФО остаётся неудовлетворительным. Серьёзной проблемой для ведения бизнеса в регионе остаётся коррупция. В этой связи представляется необходимым обеспечить реальное снижение криминально-коррупционного риска за счёт декриминализации и дебюрократизации инвестиционно привлекательных отраслей экономики, а также профилактики преступности и коррупции в целом. Это может быть достигнуто за счёт эффективной реализации федеральных и региональных программ правоохранительной направленности.

◆

Литература

1. Выступление министра по развитию Дальнего Востока А. Галушки в Государственной Думе РФ в рамках правительственного часа (Москва, 15.10.2014). [Электронный ресурс]. URL: http://minvostokrazvitia.ru/press-center/news_minvostok/?ELEMENT_ID=2352 (дата обращения: 07.01.2015 г.)

2. Итоговой отчёт Фонда Общественное мнение по теме: «Исследование общественного мнения об уровне безопасности личности и деятельности органов внутренних дел Российской Федерации». М., 2013.

3. Прокапало О., Исаев А. Экономическая конъюнктура в ДФО в 2013 г. // Пространственная экономика. 2014. № 2.
4. Рейтинг инвестиционной привлекательности регионов. [Электронный ресурс]. URL: http://raexpert.ru/rankingtable/region_climat (дата обращения: 17.01.2015 г.)
5. Российская газета. 31.12.2014.
6. Сборник «Состояние преступности в России за 2014 год». М.: ГИАЦ МВД России. 2015.
7. Сборники «Состояние преступности в Дальневосточном федеральном округе» за 2011-2013 гг. М.: ГИАЦ МВД России.
8. Russian Federation: National and Regional Trends in Regulatory Burden and Corruption. [Электронный ресурс]. URL: http://www.worldbank.org/content/dam/Worldbank/document/eca/Russia-Regional-BEEPS-2013.pdf (дата обращения: 07.01.2014 г.)

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Vystuplenie ministra po razvitiyu Dal'nego Vostoka A. Galushki v Gosudarstvennoj Dume RF v ramkakh pravitel'stvennogo chasa (Moskva, 15.10.2014). [EHlektronnyj resurs]. URL: http://minvostokrazvitia.ru/press-center/news_minvostok/?ELEMENT_ID=2352 (data obrashheniya: 07.01.2015 g.)
2. Itogovoj otchyot Fonda Obshhestvennoe mnenie po teme: «Issledovanie obshhestvennogo mneniya ob urovne bezopasnosti lichnosti i deyatel'nosti organov vnutrennikh del Rossijskoj Federatsii». M., 2013.
3. Prokapalo O., Isaev A. EHkonomicheskaya kon"yunktura v DFO v 2013 g. // Prostranstvennaya ehkonomika. 2014. № 2.
4. Rejting investitsionnoj privlekatel'nosti regionov. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://raexpert.ru/rankingtable/region_climat (data obrashheniya 17.01.2015 g.)
5. Rossijskaya gazeta. 31.12.2014.
6. Sbornik «Sostoyanie prestupnosti v Rossii za 2014 god». M.: GIATS MVD Rossii. 2015.
7. Sborniki «Sostoyanie prestupnosti v Dal'nevostochnom federal'nom okruge» za 2011-2013 gg. M.: GIATS MVD Rossii.
8. Russian Federation: National and Regional Trends in Regulatory Burden and Corruption. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.worldbank.org/content/dam/Worldbank/document/eca/Russia-Regional-BEEPS-2013.pdf (data obrashheniya: 07.01.2014 g.)

УДК 614.2

Башкуева Е.Ю.
Bashkueva E.Yu.

Региональные проблемы системы здравоохранения в условиях модернизации (по материалам Республики Бурятия)

Regional problems of health system in the conditions of modernization (on materials of the Republic of Buryatia)

В статье представлен анализ проблем системы здравоохранения Республики Бурятия – приграничного региона Восточной Сибири, для которого характерны низкая плотность населения, экономическая депрессия, обусловленная «байкальским фактором», невысокий уровень жизни населения. Рассматриваются организационно-управленческие, материально-технические, медико-демографические, кадровые проблемы региональной системы здравоохранения, предложены меры по их решению.

Ключевые слова*: здравоохранение, модернизация, Республика Бурятия, министерство здравоохранения, отрасль, медицинская помощь, заболеваемость, рождаемость, смертность, медицинские кадры*

◆

The analysis of problems of health system of the Republic of Buryatia – the border region of Eastern Siberia characterized by low population density, the economic depression caused by "the Baikal factor", a low standard of living of the population is presented in article. Organizational and administrative, material, medico-demographic, personnel problems of regional health system are considered, measures for their decision are offered.

Key words*: health care, modernization, Republic of Buryatia, Ministry of Health, branch, medical care, incidence, birth rate, mortality, health care workforce*

Проблемы модернизации здравоохранения и совершенствования системы его управления в настоящее время в значительной степени актуальны. Кризис российской системы здравоохранения как важнейшей социально-экономической отрасли обусловлен сразу несколькими факторами: неэффективной работой органов управления, нерациональным использованием финансовых, материальных и кадровых ресурсов в условиях их хронического дефицита. В связи с этим необходим комплексный анализ системы здравоохранения как на федеральном (макро), так и на региональном (мезо) уровнях. Российские учёные различных специальностей уделяют достаточное внимание проблемам модернизации систем здравоохранения различных уровней **[1; 2; 3]**, однако эта работа ведётся не во всех субъектах РФ.

В данной статье рассматриваются региональные проблемы системы здравоохранения Республики Бурятия (далее – РБ) – приграничного региона Восточной Сибири, для которого характерны низкая плотность

БАШКУЕВА Елена Юрьевна, к.и.н., младший научный сотрудник Бурятского научного центра СО РАН *(г. Улан-Удэ).*

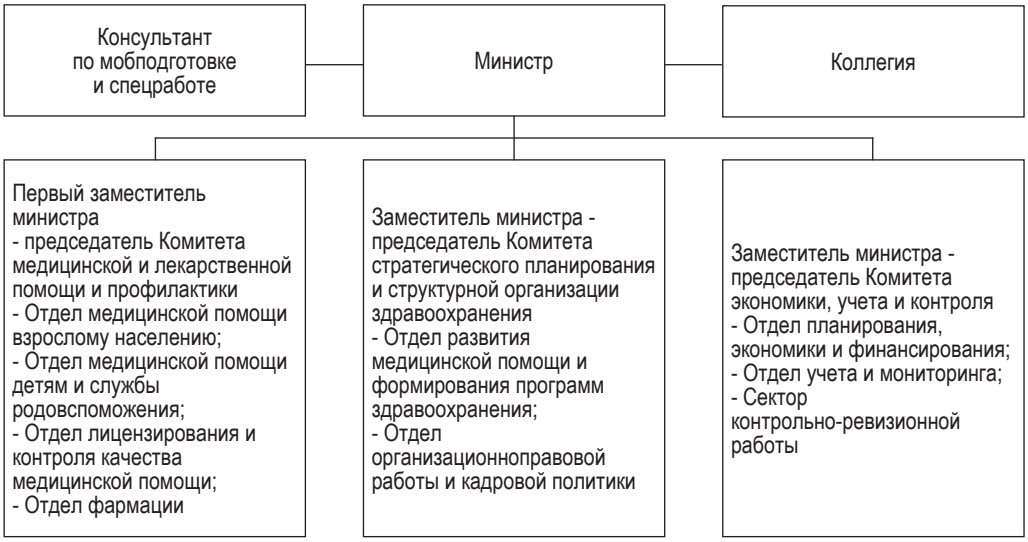
населения, экономическая депрессия, обусловленная экологическими ограничениями («байкальский фактор»), дотационность местного бюджета, низкий уровень жизни населения, безработица.

Информационную базу исследования составляют статистические данные Росстата, Бурятстата, Федерального государственного бюджетного учреждения здравоохранения «Сибирский окружной медицинский центр Федерального медико-биологического агентства» (ФГБУЗ СОМЦ ФМБА России), ведомственные отчётные данные Министерства здравоохранения РБ, Территориального органа (ТО) Росздравнадзора по РБ и материалы полуформализованного интервью на тему «Проблемы модернизации сельского здравоохранения РБ» (N=15), проведённого 2014 г. в ходе экспедиционного обследования Баргузинского района РБ.

Государственное управление системой здравоохранения Республики Бурятия

В рассматриваемом регионе исполнительным органом государственной власти республики, проводящим государственную политику и осуществляющим управление в области здравоохранения, является министерство здравоохранения РБ, организованное в 1923 г. Сегодня в состав министерства входит 3 комитета, 8 отделов и 1 сектор.

Рисунок 1.
Структура Министерства здравоохранения Республики Бурятия



Источник: **сайт министерства здравоохранения Республики Бурятия**

Государственное управление системой здравоохранения РБ осуществляется Минздравом РБ в тесном взаимодействии с другими федеральными и республиканскими органами исполнительной власти: ТО Росздравнадзора по РБ, ТО Роспотребнадзора по РБ, Территориальным отделением Фонда обязательного медицинского страхования (ФОМС) по РБ, Территориальным отделением Фонда социального страхования (ФСС) по РБ, Главным бюро медико-социальной экспертизы по Республике Бурятия Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации и другими организациями. Для координации работы по

управлению системой здравоохранения РБ действуют межведомственные комиссии разного направления и уровней.

Анализ ведомственных отчётных материалов государственных органов управления здравоохранением РБ показал, что изъянами действующей модели управления здравоохранением республики следует считать:

♦ гипертрофированность бюрократического аппарата, осуществляющего управление здравоохранением региона;

♦ приверженность руководителей как государственных органов исполнительной власти, так и руководителей республиканских ЛПУ традиционным, устаревшим принципам организации управления, что обусловлено низкой долей управленцев, прошедших обучение или переподготовку по направлению «общественное здоровье и организация здравоохранения», «государственное и муниципальное управление» и т.д.;

♦ недостаточная прозрачность работы государственных учреждений здравоохранения РБ – при регулярном обновлении сайтов их отчётность предоставлена несвоевременно и в ограниченном объёме.

♦ Для повышения информированности населения о своей деятельности государственным учреждениям здравоохранения РБ необходимо: своевременно и в достаточном объёме обновлять отчётные данные о своей деятельности на сайтах учреждений; в общественные советы при государственных органах управления здравоохранением вводить представителей сельских районов (активистов ТОС, старост и т.п.), а также научной общественности.

Организация медицинской помощи в условиях модернизации и низкой плотности населения

В Республике Бурятия крупномасштабная модернизация системы здравоохранения началась с 2006 г., отправной точкой чего стала реализация федерального приоритетного национального проекта «Здоровье». С целью повышения доступности медицинской помощи и повышения эффективности медицинских услуг в 2013 г. разработаны и приняты 2 важных государственных стратегических документа: государственная программа «Развитие здравоохранения Республики Бурятия на 2013–2017 годы и на период до 2020 года» и «Дорожная карта» «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности здравоохранения в Республике Бурятия».

Всего по состоянию на 01.01.2015 г. в республике функционируют 66 лечебно-профилактических учреждений (юридических лиц), в том числе 22 – в сельских районах республики, 21 – в г. Улан-Удэ и 23 республиканских учреждения, находящихся в государственной собственности. Кроме того, на территории республики функционируют негосударственные учреждения здравоохранения ОАО "Российские железные дороги", федеральные казённые учреждения здравоохранения МВД РФ по Республике Бурятия, Министерства обороны РФ, УФСИН по Республике Бурятия.

В настоящее время в Бурятии, как и во многих других субъектах федерации, формируется модель здравоохранения с одноканальной системой финансирования, с трёхуровневой системой оказания медицинской помощи, которая предусматривает более высокий уровень специализированной помощи населению на последующем этапе по сравнению с предыдущим.

Следует отметить, что 2013 год стал первым годом, когда здравоохранение республики стало единым – 43 муниципальных учреждений перешли в государственную собственность. В полномочия министерства

здравоохранения вошла организация оказания медицинской помощи на всей территории республики. Сегодня структурные преобразования системы здравоохранения республики осуществляются на основе организации трёхуровневой системы оказания медицинской помощи с переходом от принципов районирования оказания медицинской помощи к принципу зонирования территории республики с формированием 7 больничных округов *(табл. 1)*.

Таблица 1. Список больничных округов Республики Бурятия

№ п.п.	Больничные округа	Население	Районы РБ
1.	Северобайкальский округ	51 160	Северобайкальский, Муйский
2.	Северо-Восточный округ	62 166	Баунтовский, Еравнинский, Хоринский, Кижингинский
3.	Западный округ	86 991	Окинский, Тункинский, Кабанский
4.	Южный округ	140 179	Закаменский, Джидинский, Селенгинский, Кяхтинский
5.	Центральный округ	62 166	г. Улан-Удэ, Иволгинский, Прибайкальский, Заиграевский, Тарбагатайский
6.	Восточный округ	49 326	Бичурский, Мухоршибирский
7.	Северный округ	37 955	Курумканский, Баргузинский

Источник: **ведомственные данные Министерства здравоохранения Республики Бурятия**

Вместе с тем, после передачи здравоохранения в ведение республики, муниципалитеты потеряли рычаги влияния на медиков, что отражается на снижении качества здравоохранения по различным направлениям – ввиду отсутствия согласованности действий по предупреждению социально-значимых заболеваний, невозможности разработки самостоятельных муниципальных программ по медицинскому направлению (туберкулёз, энцефалит, ВИЧ), нерациональной работы по планированию сети учреждений здравоохранения.

Особую проблему представляет планирование сети учреждений здравоохранения в районах с дисперсным проживанием, плотность населения в которых не превышает 1,4 человек на 1 кв. км. Представляет определённый научный интерес процесс оптимизации сети ЛПУ Республики Бурятия и сети фельдшерских, акушерских и других пунктов Министерства здравоохранения Республики Бурятия в разрезе районов республики. По отчётным данным Минздрава РБ, оптимизация республиканских ЛПУ в рассматриваемый период реформирования системы здравоохранения проводилась с учётом эффективности деятельности учреждений. Для Республики Бурятия характерны следующие изменения структуры и состава сети ЛПУ:

♦ увеличение числа врачебных амбулаторий (ВА) – учреждений, оказывающих первичную врачебную медико-санитарную помощь;

♦ сокращение фельдшерско-акушерских пунктов (ФАП) – учреждений, оказывающих доврачебную медицинскую помощь;

♦ сокращение участковых больниц – учреждений, оказывающих стационарную и амбулаторную помощи.

Таблица 2. Число круглосуточных коек по Республике Бурятия за 2008 – 2012 гг.

ЛПУ	Число сметных коек				
	2008	2009	2010	2011	2012
Баргузинский	212	188	182	142	139
Баунтовский	94	91	81	78	66
Бичурский	163	163	163	130	125
Джидинский	195	165	157	157	150
Еравнинский	123	123	103	103	100
Заиграевский	357	337	306	306	306
Закаменский	233	233	157	157	157
Иволгинский	105	417	85	85	85
Кабанский	417	93	405	380	380
Кижингинский	120	95	93	75	75
Курумканский	105	264	95	95	95
Кяхтинский	274	183	244	244	239
Муйский	95	42	95	95	72
Мухоршибирский	201	164	158	158	158
Окинский	47	106	42	42	42
Прибайкальский	164	286	164	130	130
С-Байкальский	130	130	106	106	106
Селенгинский	286	74	286	242	216
Тарбагатайский	74	135	72	74	74
Тункинский	153	85	130	130	130
Хоринский	170	95	130	115	115
Итого по районам	***3718***	***3469***	***3254***	***3044***	***2960***
г. Улан-Удэ	1668	1682	1698	1697	1685
Республ. учрежд.	2972	2997	3025	2994	3080
Итого по РБ МЗ	***8358***	***8148***	***7977***	***7735***	***7725***

Источник: **ведомственные данные Министерства здравоохранения Республики Бурятия**

Так, в 2008 г. 8 маломощных участковых больниц реорганизованы во врачебные амбулатории с дневным стационаром, за 5 лет число участковых больниц сократилось с 27 до 7 , а врачебных амбулаторий – увеличилось с 78 до 100. Численность городских больниц и диспансеров за анализируемый период фактически не изменилась.

Коечный фонд стационарных учреждений составляет 7725 коек. В результате проведённой в течение 5 лет реорганизации круглосуточный коечный фонд сократился на 12,5% (2007 г. – 8833 койки), в то же время увеличилась мощность дневных стационаров всех типов и составила 1011 коек, из них в поликлиниках – 939 (92,9%).

По данным табл. 2, число круглосуточных коек в больничных учреждениях по районам Республики Бурятия с 2008 по 2012 гг. сократилось на 20%, при этом наибольшее сокращение зафиксировано в Зака-

Таблица 3. Койки основных специальностей и обеспеченность ими населения Республики Бурятия (система Минздрава)

Профиль коек	2008			2010			2012		
	Абс. число	на 10000 нас		Абс. число	на 10000 нас		Абс. число	на 10000 нас	
		РБ	РФ		РБ	РФ		РБ	РФ
Терапевтические	1659	17,6	19,9	1456	15,1	18,7	1446	14,9	18,6
Хирургические	1262	13,0	16,2	1282	13,2	16,8	1240	12,8	16,2
Онкологические	170	1,76	2,7	180	1,8	2,7	185	1,9	2,91
Инфекционных больных	454	4,7	5,1	454	4,6	4,8	425	4,4	4,56
Из них детские	185	8,2	13,0	210	9,2	12,7	176	7,5	12,0
Для детей (все профили)	1795	79,9	59,0	1734	75,7	53,2	1574	67,5	65,3
Из них педиатрических (соматических)	782	34,8		702	30,6	23,9	678	29,0	24,6
Неврологические (взр)	358	3,7	5,3	366	3,7	5,1	318	3,3	5,23
Для беременных и рожениц	675	25,5	20,7	676	26,3	21,1	646	25,5	20,8
Гинекологические	459	11,5	9,0	440	11,1	8,4	381	7,48	7,79
Туберкулезные	670	6,9	5,4	678	6,9	5,2	673	6,9	4,97
Из них для детей	40	1,8	2,5	40	1,75	2,6	25	1,1	2,5
Психиатрические	790	8,2	11,0	760	7,8	10,6	760	7,8	10,24
Наркологические	80	0,83	1,9	80	0,82	1,8	80	0,82	1,7
Офтальмологические (взр)	55	0,57	1,7	66	0,68	1,7	67	0,69	1,51
Отоларингологические (взр)	73	0,75	1,4	70	0,72	1,3	72	0,74	1,25
Дерматологические (взр)	45	0,46	1,2	22	0,23	1,1	22	0,23	0,97

Источник: **ведомственные данные Министерства здравоохранения Республики Бурятия**

менском, Баргузинском и Селенгинском районах. Не изменилось число коек только в Тарбагатайском районе.

По данным *табл. 3*, обеспеченность койками основных специальностей в Республике Бурятия ниже общероссийских показателей, за исключением коек для детей (все профили) и для беременных и рожениц, а также коек для туберкулёзных больных (как взрослых, так и детей). В целом с 2008 по 2012 г. койки основных специальностей сократились практически по всем профилям, за исключением онкологических, туберкулёзных и офтальмологических коек. При этом наибольшее сокращение зафиксировано по профилям «терапевтические» и «для детей (все профили)».

Анализ изменения сети ФАП в разрезе районов Республики Бурятия за 2008-2012 гг. показал, что и процесс оптимизации затронул и этот слой ЛПУ *(табл. 4)*.

Таблица 4. Число фельдшерских, акушерских и других пунктов Министерства здравоохранения Республики Бурятия в разрезе районов за 2005 – 2012 гг.

	2005	2008	2010	2012	2012 г. к 2005 г., %
Всего по республике	359	348	344	336	93,6
г. Улан-Удэ с подчиненными ему населенными пунктами	-	-	-	-	-
Баргузинский	20	20	21	21	105
Баунтовский	6	7	7	7	116
Бичурский	30	24	23	23	76,6
Джидинский	22	22	20	20	91
Еравнинский	13	13	13	13	100
Заиграевский	25	23	22	21	84
Закаменский	19	20	20	20	105
Иволгинский	12	10	10	10	83
Кабанский	38	39	39	38	100
Курумканский	5	7	7	7	140
Кяхтинский	29	29	31	30	103
Муйский	1	1	1	1	100
Мухоршибирский	17	19	17	15	88
Окинский	8	8	8	8	100
Прибайкальский	22	19	19	18	81
Северо-Байкальский	5	6	6	6	120
Селенгинский	17	17	15	15	88
Тарбагатайский	15	15	15	15	88
Тункинский	***22***	***18***	***18***	***16***	***73***
Хоринский	21	20	21	21	100

Источник: **ведомственные данные Министерства здравоохранения Республики Бурятия**

Выявлена значимость фактора дисперсности населения, проявляющаяся в следующем:

♦ увеличение численности ФАП в отдельных северных районах РБ (Баунтовский, Курумканский, Северо-Байкальский), для которых характерна высокая дисперсность населения;

♦ сокращение численности фельдшерско-акушерских пунктов в пригородных районах республики (Заиграевский, Иволгинский, Тарбагатайский) с относительно высокой плотностью населения;

♦ сокращение численности ФАП в промышленно развитых районах Бурятии (Селенгинский, Бичурский, Джидинский) с относительно высокой плотностью населения.

♦ По данным табл. 4 общее количество ФАПов за анализируемый период сократилось на 23 единицы. При этом, в Еравнинском, Кабанском, Муйском, Окинском и Хоринском районах число ФАПов за анализируемый период не изменилось. Существенное снижение числа ФАПов отмечается в Бичурском, Заиграевском, Прибайкальском, Тункинском, Мухоршибирском районах. Вместе с тем, закрытие ФАП может быть связано с его перепрофилированием во врачебную амбулаторию (ВА). Так, в 2012 г. в Заиграевском районе в ВА был перепрофилирован Новооноховский ФАП, в Мухоршибирском районе – Хонхолойский и Шаралдайский ФАПы, в Прибайкальском – Гремячинский, в Тункинском – Зун-Муринский и Хулырский. Для повышения эффективности работы сети районных ЛПУ нередки и обратные процессы – перепрофилирование ВА в ФАП. Так, например, в 2010 г. в Баргузинском районе из Уринской ВА в связи с длительным отсутствием врача был создан Уринский ФАП, а в Хоринском районе – из Удинской ВА – Удинский ФАП.

Следует отметить, что оптимизация сети учреждений здравоохранения может иметь негативную общественную оценку, как со стороны экспертов, так и со стороны населения. Например, в ходе экспедиционного обследования Баргузинского района Республики Бурятия в марте т.г. проведены экспертные интервью со специалистами учреждений здравоохранения, в ходе которых процесс оптимизации районной сети учреждений здравоохранений был подвергнут жёсткой критике. В рамках оптимизации системы здравоохранения в Баргузинском районе в 2011 г. закрыты 2 участковые больницы – в с. Баянгол и с. Улюн, сокращено 40 коек круглосуточного пребывания, в дальнейшем они были перепрофилированы во врачебные амбулатории с дневными стационарами (на 20 коек). Часть экспертов указали на то, что в экстренных случаях больным целесообразнее ехать на лечение в соседний Курумканский район, где организация стационарной медицинской помощи находится на более высоком уровне ввиду большей обеспеченности врачами. В настоящее время здание Баянгольской больницы полностью законсервировано и пришло в негодность: вздулись полы, разморожена система отопления. Восстановление больницы потребует больших денежных средств. Принцип, по которому строятся новые ФАП также не понятен как экспертам, так и простым жителям, их строительство не согласовывалось с администрацией района и местными жителями. Так, в селе Малое Уро Баргузинского района построен новый ФАП, в котором так и остаётся открытой вакансия терапевта.

Сегодня приоритетным направлением работы Министерства здравоохранения Республики Бурятия и республиканских ЛПУ является расширение объёмов и видов оказания специализированной и высокотехнологичной медицинской помощи в ЛПУ республики. Вместе с тем, на наш взгляд, разработанную схему планирования системы здравоохранения Республики Бурятия и проведённую оптимизацию сети ЛПУ целесообразно подвергнуть тщательному социолого-экономическому

анализу с учётом экономической эффективности, провести дополнительные расчёты по влиянию оптимизации сети ЛПУ РБ на демографическую и миграционную ситуацию.

Материально-техническая база

В рамках модернизации отрасли постоянно укрепляется материально-техническая база медицинских организаций, проводится капитальный ремонт учреждений здравоохранения и их строительство. Однако доля учреждений, находящихся в аварийном состоянии и требующих капитального ремонта, по-прежнему высока и составляет 45%. Все объекты здравоохранения РБ необходимо привести в соответствие с санитарными и противопожарными нормами. В большинстве ЛПУ РБ требуется обновление медицинского оборудования с обязательным соблюдением принципа унификации оснащения медицинских организаций. Существенным сдерживающим фактором является недостаточное применение современных информационных технологий. Необходима масштабная компьютеризация всех сельских учреждений здравоохранения, их подключение к сети Интернет.

На наш взгляд, Министерству здравоохранения РБ целесообразно активизировать работу по укреплению государственно-частного партнёрства, привлечению в отрасль крупных частных инвесторов для модернизации отрасли, обслуживания и эксплуатации инфраструктуры ЛПУ РБ.

Медико-демографическая ситуация

Медико-демографическая ситуация в Республике Бурятия имеет следующие особенности:

Рождаемость в РБ за истёкшие 5 лет повысилась незначительно, коэффициент рождаемости в 2013 г. составил 17,6 на 1000 жителей. Тем не менее, рождаемость в республике остаётся высокой и превышает среднероссийский уровень в 1, 3 раза (2013 г.), Республика Бурятия является одним из лидеров по рождаемости среди субъектов СФО.

Повышению рождаемости во многом способствовало введение с 2007 г. такой форма государственной поддержки российских семей, как материнский (семейный капитал), а также предпринятые меры по обеспечению доступности специализированной медицинской помощи бесплодным супружеским парам (направление в федеральные центры на ЭКО).

В республике отмечается тенденция к снижению общей смертности, коэффициент смертности с 2009 по 2013 гг. снизился на 10%. Показатель младенческой смертности за 2013 год составил 8,8 на 1000 родившихся живыми, что превышает показатель 2012 года (7,3) и равен среднероссийскому показателю. По сравнению с 2009 г. этот показатель снизился незначительно. По данным Минздрава РБ, рост показателя младенческой смертности в 2013 г. отмечен в 9 районах республики. Наиболее высокая смертность детей до 1 года в Прибайкальском, Окинском, Бичурском, г. Северобайкальске и Иволгинском районах. Не допущена младенческая смертность в Курумканском, Муйском районах.

В республике значительно снизился показатель материнской смертности. По данным Минздрава РБ, в 2013 г. материнская смертность зарегистрирована в г. Улан-Удэ (1 случай) и Заиграевском районе (1 случай), составила 11,9 на 1000 родившихся живыми *(табл. 5)*.

Так, относительно высокий естественный прирост отмечается в г. Улан-Удэ, Иволгинском, Джидинском, Кижингинском районах. Стабильная демографическая ситуация наблюдается в Хоринском, Прибай-

Таблица 5. Коэффициенты рождаемости, смертности, естественного прироста, младенческой и материнской смертности в РБ, РФ и СФО

	2009			2011			2012			2013		
	РБ	РФ	СФО	РБ	РФ	СФО	РБ	РФ	СФО	РБ	РФ	СФО
Рождаемость	17,4	13,4	14,0	16,9	12,6	14,1	17,4	13,3	15,0	17,6	13,3	15,0
Общая смертность	13,0	14,2	13,9	12,6	13,5	13,8	12,3	13,3	13,7	11,8	13,3	13,8
Естественный прирост	4,4	-1,8	0,1	4,3	-0,9	0,3	5,1	0,0	+1,3	5,8	0,0	1,2
Младенческая смертность	9,0	8,2	9,2	8,4	7,3	7,8	8,6	8,6	9.4	8,8		
Материнская смертность	41,8	22,0	29,5	12,3	16,2	17,3	6,0	11,5	12,8	11,9		

Источник: **составлено автором**

кальском районах, г. Северобайкальске. Отрицательная убыль населения отмечена в Кабанском районе. Что касается ситуации в районах с дисперсным населением, то ситуация следующая: положительная динамика отмечается в Еравнинском районе. Нестабильная ситуация с тенденцией к снижению коэффициента естественного прироста отмечена в северных Баунтовском, Муйском, Баргузинском районах.

Установлено, что за последнее десятилетие заболеваемость населения РБ постоянно растёт, что связано, с одной стороны, с ростом доли пожилого населения, проведением массовых диспансерных осмотров, с более эффективной выявляемостью заболеваний с помощью новых методов диагностики, а с другой стороны, с неэффективностью системы профилактики и предотвращения заболеваний. Рост заболеваемости населения за 10 лет составил 12%. Ведущее место занимают болезни органов дыхания, кровообращения, глаз, пищеварения, костно-мышечной системы и травмы. Первичная заболеваемость в районах республики с дисперсным фактором имеет тенденцию к снижению. Лишь в Курумканском районе отмечена тенденция к увеличению числа случаев с впервые установленным диагнозом. В близлежащих к г. Улан-Удэ Заиграевском, Иволгинском, Прибайкальском районах отмечено увеличение первичной заболеваемости населения.

Напряжённая ситуация с ростом заболеваемости населения РБ требует дополнительных научно-организационных разработок, в связи с чем Министерству здравоохранения РБ и подведомственному ему Республиканскому медико-аналитическому центру (МИАЦ) предлагаем провести углублённый анализ состояния заболеваемости населения РБ с учётом дисперсного фактора, прогнозную оценку заболеваемости на ближайшие и отдалённые перспективы, а также картографирование заболеваемости населения РБ с использованием современных ГИС-технологий, что необходимо для дальнейшей разработки стратегии развития системы здравоохранения РБ.

Кадровое обеспечение

Ключевой проблемой, до сих пор не получившей кардинального решения, является недостаточная обеспеченность отрасли квалифици-

Таблица 6. Естественный прирост, убыль населения районов Республики Бурятия за 2008-2012 годы.

	2008	2009	2010	2011	2012
Республика Бурятия	3424	4263	4145	4208	4942
г. Улан-Удэ	1000	1613	1565	1591	2211
г. Северобайкальск	99	131	100	99	106
Баргузинский	112	28	58	63	96
Баунтовский эвенкийский	40	-5	24	41	17
Бичурский	42	13	28	-4	28
Джидинский	284	315	275	267	315
Еравнинский	90	144	127	132	147
Заиграевский	157	134	88	100	192
Закаменский	222	161	190	261	206
Иволгинский	273	371	315	345	395
Кабанский	-80	50	-53	60	-73
Кижингинский	163	212	197	204	183
Курумканский	126	87	91	116	118
Кяхтинский	307	260	265	225	150
Муйский	68	72	96	40	26
Мухоршибирский	33	35	63	71	157
Окинский	59	85	80	84	65
Прибайкальский	59	85	80	84	65
Северо-Байкальский	46	16	-4	4	1
Селенгинский	99	180	167	177	173
Тарбагатайский	-7	-11	45	16	23
Тункинский	84	167	174	123	177
Хоринский	148	160	148	152	152

Источник: **данные Бурятстата**

рованным персоналом. Несмотря на ежегодный приток кадров в региональное здравоохранение, обеспеченность врачами остаётся ниже средне федеративных на 29,5 %, а СФО – на 33% *(табл. 7)*.

Низкая социальная привлекательность работы в здравоохранении является сдерживающим фактором кадрового развития отрасли.

Реализация федеральной программы «Земский доктор» в РБ позволила дополнительно направить и закрепить на последующие 5 лет в сельском здравоохранении 475 молодых специалистов. Негативным последствием реализации данной программы является резкий отток кадров из лечебных учреждений г. Улан-Удэ. Большинство участников программы приобретает на выделенные деньги жильё в г. Улан-Удэ и рассматривает сельское здравоохранение как полигон для повышения квалификации и материального обогащения.

Среди сельских районов наиболее обеспечены врачами Баунтовский, Окинский, Курумканский районы, имеющие низкую плотность населения. Наименьшие показатели по обеспеченности в Селенгинском,

Таблица 7. Численность медицинского персонала Республики Бурятия.

Категория специалистов	Годы				
	2009	2010	2011	2012	2013
Врачи	3085	3073	8972	9009	9325
Средний медицинский персонал	8941	8931	3195	3258	3356

Источник: **ведомственные статистические данные Министерства здравоохранения Республики Бурятия**

Кяхтинском, Закаменском районах обусловлены тем, что в них расположены города, которые не участвуют в программе «Земский доктор».

На наш взгляд, Министерству здравоохранения РБ в целях решения кадрового вопроса целесообразно возродить систему распределения выпускников медицинских образовательных учреждений.

Заключение

Таким образом, анализ текущей ситуации состояния системы здравоохранения РБ показал, что Министерству здравоохранения РБ и подведомственным организациям предстоит большая кропотливая работа по решению всех существующих проблем. Это, в свою очередь, позволит повысить качество и доступность оказываемой населению медицинской помощи. Для повышения эффективности проводимых мероприятий по модернизации отрасли необходим постоянный мониторинг статистических показателей, анализ отчётных материалов органов управления здравоохранением и проведение независимых социологических исследований – анкетирования населения и медицинских кадров с целью углублённого выявления проблем модернизации регионального здравоохранения.

◆

Литература

1. Башкуева Е.Ю. Проблемы сельского здравоохранения Республики Бурятия (по материалам экспедиционного обследования Баргузинского района) // Материалы Международной научной конференции («Байкальская встреча») «Проблемы евразийства и интеллигенция». г. Улан-Удэ, 2014. С. 250-256.

2. Гареева И.А. Региональная модель организации медицинской помощи в современной системе здравоохранения // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2013. № 4. С. 136-140.

3. Овечкина Т.Д. Стратегические подходы к управлению здравоохранением Ханты-Мансийского автономного округа-Югры в современных социально-экономических условиях. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ugrariu.ru/upload/files/infocenter/izdat/files/32.pdf (дата обращения: 05.12.2014 г.).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Bashkueva E.YU. Problemy sel'skogo zdravookhraneniya Respubliki Buryatiya (po materialam ehkspeditsionnogo obsledovaniya Barguzinskogo rajona) // Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii («Bajkal'skaya vstrecha») «Problemy evrazijstva i intelligentsiya». g. Ulan-Udeh, 2014. S. 250-256.

2. Gareeva I.A. Regional'naya model' organizatsii meditsinskoj pomoshhi v sovremennoj sisteme zdravookhraneniya // Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke. 2013. № 4. S. 136-140.

3. Ovechkina T.D. Strategicheskie podkhody k upravleniyu zdravookhraneniem KHanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga-YUgry v sovremennykh sotsial'no-ehkonomicheskikh usloviyakh. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.ugrariu.ru/upload/files/infocenter/izdat/files/32.pdf (data obrashheniya: 05.12.2014 g.).

УДК 327.7

Луценко Е.А.
Lutsenko E.A.

БРИКС: влияние с отсрочкой

BRICS: influence with delay

БРИКС изначально был создан для реформирования финансово-экономической архитектуры в пользу развивающихся стран. Однако год от года повестка рассматриваемых БРИКС вопросов расширялась, и сегодня «пятёрка» претендует на участие в глобальном управлении. Но прежде чем взять на себя роль глобального лидера, необходимо разрешить насущные вопросы внутренней организации и международного признания. Анализу данных проблем посвящена данная статья.

Ключевые слова: *БРИКС, Европейский Союз, развивающиеся страны, глобальное управление*

◆

BRICS initially was designed to reform financial and economic architecture in favor of developing countries. However, gradually BRICS agenda has expanded. Now these five countries are a contender for a participation in global governance. But before taking global leader's responsibilities, essential issues of inner organization and international recognition must be resolved. The aim of this paper is to analyze these problems.

Key words: *BRICS, EU, developing countries, global governance*

В 2001 ведущий аналитик Goldman Sachs Джим О'Нил проанализировал высочайшие показатели экономики ряда развивающихся стран и предсказуемо вялые аналогичные цифры развитых индустриальных держав. На основе смелого прогноза он объединил Бразилию, Россию, Индию и Китай в отдельную группировку БРИК в качестве «первых среди развивающихся». Однако мало кто ожидал, что занимательный акроним вырвется за пределы аналитической записки. Начиная с 2006 года, тогда ещё БРИК начал развиваться как отдельный формат взаимодействия вышеупомянутых стран. В 2011 году он окончательно вышел за рамки исключительно экономической направленности, когда в ряды членов БРИК вступила ЮАР, обрамив акроним буквой «С».

Сегодня складывается впечатление, что БРИКС – это новый бренд, который необходимо внедрить во все сферы жизнедеятельности глобального сообщества. Мозговые центры, рейтинговые агентства, деловые советы, инвестиционные фонды, различные форумы и, естественно, ежегодные саммиты глав «пятёрки» – это то многое, чего удалось достичь за 6 лет существования БРИКС как отдельного формата. Можно утверждать, что первичная цель достигнута: о БРИКС заговорили на всех уровнях. Данное обстоятельство можно считать основанием для тирад о грядущем величии и признании прав развивающихся государств со стороны Международного валютного фонда и Всемирного банка. Однако вопрос

ЛУЦЕНКО Елизавета Александровна, студентка Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*. **E-mail:** lili_latz@mail.ru

о том, достаточно ли достигнутого для реализации потенциала влияния БРИКС, остаётся открытым.

Показатели экономического роста стран БРИКС за период с 2001 по 2014 годы по-прежнему выше, чем аналогичные цифры развитых стран. Однако темпы роста потеряли былые обороты. История неумолимо показывает, что страны, чьи темпы роста составляли более 5% в течение нескольких десятилетий, такие как Венесуэла в 50-е, Пакистан в 60-е или Ирак в 70-е, неизменно теряли впоследствии больше, чем приобретали, под воздействием разных факторов (война, финансовый кризис, неумелое руководство и т.д.) **[4]**.

Для того чтобы не попасть в «воронку» темпов роста, странам БРИКС необходимо уделить пристальное внимание своим внутренним проблемам и устранить фактор внешних раздражителей.

Прежде всего, необходимо диверсифицировать реальное взаимодействие в рамках БРИКС. Отношения пятёрки строятся поверх барьеров «Север-Юг» и «Восток-Запад», что является своего рода инновацией в международных отношениях. Однако, как справедливо отмечает российский исследователь БРИКС С.А. Коршунов, весьма проблематично соотнести уровень взаимоотношений России и Китая и, например, России и ЮАР **[1, с. 12]**.

Не менее значимым вопросом, требующим безотлагательного решения, являются обиды прошлого и потенциал для обид настоящего. Речь идёт о территориальных и религиозных конфликтах Индии и Китая, а также о взаимной конкуренции стран БРИКС на региональных и мировых рынках. С другой стороны, цивилизационные различия и здоровая конкуренция не являются симптомом слабости организации. Так, г.Д. Толорая рассматривает группу БРИКС в качестве носителя новой идеологии в международных отношениях **[3]**. С.Е. Кургинян рассматривал возможные сферы взаимодополняемости экономик БРИКС и выделил наиболее значимые из них: авиационно-космическая и фармацевтическая промышленности, сотрудничество в сфере альтернативной энергетики, реализация совместных программ запусков искусственных спутников Земли **[2]**.

Свои позиции в глобальном управлении в качестве единого формата БРИКС начал отстаивать с 2009 года принятием первого совместного заявления лидеров государств БРИКС и подписанием соглашения о глобальной продовольственной безопасности в ходе первого саммита глав государств БРИКС. Прошло почти шесть лет. Кроме деклараций глав государств появились и Планы действий (Делийский, Саньяский, Этеквинский, Форталезский). Но до сих пор отсутствует чёткий механизм реализации принятых решений. Поскольку БРИКС в перспективе хочет взять на себя ответственность за выработку глобальной повестки дня, группировке необходимо искать новые подходы в решении глобальных проблем, которые не были предложены или осуществлены традиционными субъектами глобального управления.

Говоря о факторе внешних раздражителей, невозможно не упомянуть про массированную критику БРИКС в развитых странах. Прозападные СМИ (Global Times, Atlantico, World Politics Review, CNN, Nikkei, Le Monde, Foreign Affairs и пр.) и часть экспертного сообщества (У. Померанц, Д. Клайман, г. Маршал, Ж.-П. Бетбез, О. Стуенкел, М. Соко и М. Гобо, А. Монготси и др.) стремятся представить БРИКС в невыгодном свете. Дискредитация формата ещё до его становления является ощутимой угрозой для БРИКС.

В G20 и МВФ, желание реформировать который во многом явилось первостепенной причиной появление БРИКС как формата, голос новой группировки пока слышен недостаточно громко. Изменение квот

в пользу развивающихся стран остаётся на том же уровне, на каком оно происходило и до позиционирования БРИКС как реформатора. Представляется важным отметить, что в 2011 году БРИКС не сумели выдвинуть единого кандидата от лица развивающихся стран на пост Председателя МВБ. Очевидно, что дальнейшая выработка единой позиции по ключевым направлениям заявленной деятельности является базисным условием существования БРИКС.

Европейский Союз признаёт возросшую силу стран БРИКС, о чём подробно написано в Докладе комитета по международным делам Европарламенту «О внешней политике ЕС по отношению к БРИКС и другим нарождающимся державам: цели и стратегии» **[5]**. Вместе с тем ЕС акцентирует большую значимость двусторонних отношений с каждой из стран БРИКС по отдельности, нежели чем с группировкой в целом. Подобная избирательность ЕС для стран БРИКС является объективной реальностью, от которой не уйти: ЕС является ведущим торговым партнёром каждого государства БРИКС. Тем не менее, БРИКС отдаёт себе отчёт, в каком кризисном положении в настоящее время находится Евросоюз, и не оставляет попыток формировать собственную линию.

Сегодня БРИКС стремится скоординировать свои позиции по обширной повестке: от реформирования финансово-экономических институтов до изменения климата. Страны «пятёрки» уже пришли к осознанию того факта, что принимая совместное решение, они выражают волю 40% населения планеты. Однако одного потенциала не хватит, чтобы занять значимое место в глобальном управлении. БРИКС предстоит иметь дело с множеством разновекторных сложностей, связанных как с внутренним наполнением группировки, так и с её признанием на международной арене. От решения этих насущных вопросов во многом зависит жизнеспособность БРИКС, позиции стран-участниц и вся архитектура международных отношений.

◆

Литература

1. Коршунов С.А. Объединение БРИКС и российско-китайские отношения [Текст]: автореф. дис. на соиск. учён. степ. канд. полит. н. (23.00.04) / Коршунов Сергей Александрович; Дип. академия МИД РФ. М., 2013. 21 с.

2. Мартынов Б. БРИКС – заря новой эры или business as usual? // Официальный сайт МИД РФ. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/brics.nsf/WEBforumBric/D86C86CD1267BCA744257936001EA789 (дата обращения: 10.10.2014 г.)

3. Толорая Г.Д. БРИКС – «мыльный пузырь» или шанс изменить миропорядок? // Официальный сайт Фонда «Русский мир». [Электронный ресурс]. URL: http://www.russkiymir.ru/russkiymir/ru/publications/articles/article0641.html (дата обращения: 10.10.2014 г.)

4. Broken BRICs // Foreign affairs magazine [Electronic resource]. URL: http://www.foreignaffairs.com/articles/138219/ruchir-sharma/broken-brics (дата обращения: 20.11.2014 г.)

5. The EU foreign policy towards the BRICS and other emerging powers: objectives and strategies // Report of Directorate-General for external policies of The Union, October, 2011. [Electronic resource]. URL: www.europarl.europa.eu (дата обращения: 10.04.2014 г.)

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Korshunov S.A. Ob"edinenie BRIKS i rossijsko-kitajskie otnosheniya [Tekst]: avtoref. dis. na soisk. uchyon. step. kand. polit. n. (23.00.04) / Korshunov Sergej Aleksandrovich; Dip. akademiya MID RF. M., 2013. 21 s.

2. Martynov B. BRIKS – zarya novoj ehry ili business as usual? // Ofitsial'nyj sajt MID RF. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.mid.ru/brics.nsf/WEBforumBric/D86C86CD1267BCA744257936001EA789 (data obrashheniya: 10.10.2014 g.)

3. Toloraya G.D. BRIKS – «myl'nyj puzyr'» ili shans izmenit' miroporyadok? // Ofitsial'nyj sajt Fonda «Russkij mir». [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.russkiymir.ru/russkiymir/ru/publications/articles/article0641.html (data obrashheniya: 10.10.2014 g.)

4. Broken BRICs // Foreign affairs magazine [Electronic resource]. URL: http://www.foreignaffairs.com/articles/138219/ruchir-sharma/broken-brics (data obrashheniya: 20.11.2014 g.)

5. The EU foreign policy towards the BRICS and other emerging powers: objectives and strategies // Report of Directorate-General for external policies of The Union, October, 2011. [Electronic resource]. URL: www.europarl.europa.eu (data obrashheniya: 10.04.2014 g.)

Элеонора Васильевна Ермакова (1933 – 2014). Памяти учителя

Делать историю и познавать её. Два диаметрально различных способа жизни и образа реальности. По существу, два мира. Быть совершенно непричастным к ним обоим – невозможно. Тем не менее, множество людей безотчётно и бесповоротно выбирают один из этих миров, и тогда второй навсегда становится для них чем-то смутно-далёким, чуждым и неподлинным. И только большой и сильный человек может взять на себя двойное бремя практической деятельности и непрактичного познания, широко распространить себя на оба мира, и собственной жизнью преодолеть их глубокую и, всё же, мнимую разделённость.

Совсем недавно мы поздравляли её с замечательным, восьмидесятилетним, юбилеем. На 82-ом году жизни, 18 декабря 2014 г., профессора Элеоноры Васильевны Ермаковой не стало.

Родившаяся в 1933 г. во Владивостоке, Элеонора Васильевна Литвинова (в замужестве – Ермакова), внучка известного в истории Приморья первой трети XX в. большевика А.А. Гульбиновича, впервые оказалась в стенах Дальневосточного университета в 1951 г., ещё в то время, когда он носил имя Владивостокского педагогического института. Поработав по окончании историко-филологического факультета ВПИ в Михайловской средней школе, в 1960 г. Элеонора Васильевна вновь вернулась в альма-матер, теперь называвшуюся Дальневосточным государственным университетом, уже в качестве преподавателя кафедры истории СССР. С работой на этой кафедре были связаны дальнейшие 52 года её жизни.

Большая часть полувекового профессионального пути Э.В. Ермаковой – это изучение и преподавание истории и историографии рабочего класса СССР и советского Дальнего Востока. Для современного слуха это словосочетание звучит непривычно, как некий полузабытый идеологический штамп, но верно и то, что рабочий класс был тем социальным «становым хребтом», который в течение десятков лет обеспечивал устойчивость советской цивилизации. Долгая и кропотливая разработка этой темы, защита по ней кандидатской (1967 г.), а затем докторской (1984 г.) диссертаций, принесли Элеоноре Васильевне признание как одного из крупных специалистов в данной области.

Переломный, по сути, революционный, для страны рубеж 80-х – 90-х гг. XX в. Э.В. Ермакова встретила вполне сложившимся исследователем и педагогом, давно сформировавшимся и, в полном смысле слова, советским человеком. Однако это не помешало ей на шестом десятке найти себя в изменившейся реальности. Более того, бурное, беспокойное время открыло в профессоре невостребованный прежде потенциал, новые профессиональные и человеческие интересы и способности. С присущей ей кипучей энергией, Элеонора Васильевна берётся за изучение сразу нескольких крупных проблем дальневосточного регионоведения: история дальневосточной науки и образования; политические репрессии; российская эмиграция; войны и военные конфликты в регионе; жизнь и деятельность выдающихся дальневосточников. Активно проводя собственные исследования, она не переставала оказывать поддержку и по-

мощь научной работе своих коллег, выступать в роли вдохновителя и организатора коллективных проектов. Главным памятником её энтузиазма и настойчивости, редакторской и исследовательской деятельности в этот период останется энциклопедический справочник «Приморский край», изданный в таком неподходящем для появления подобных трудов 1997 г. А ведь, помимо науки и преподавания, были ещё и административная работа на постах заведующего кафедрой и декана факультета, и выходящая далеко за пределы университета и региона общественная деятельность – в Комитете советских женщин, Арсеньевском Фонде, Русском географическом обществе…

Элеонора Васильевна никогда не была кабинетным учёным, ревнителем «чистой науки». Её наука была деятельной, созидающей и объединяющей. Она постоянно была окружена людьми, тянувшимися к ней как к историку, учителю и человеку. История-исследование легко и естественно превращалась у неё в историю-рассказ, а затем в историю-действие, событие, совершающееся на наших глазах. Все формы бытия исторического знания, проходимые им от архивного источника и академического текста до университетской аудитории и самого широкого общественного поприща, соединялись в жизни Элеоноры Васильевны в нерасторжимое, органическое целое.

У каждого из множества её учеников есть свой образ, своё особое воспоминание об учителе. Возможно, кто-то припомнит суровый и сухой вид профессора, который мог наводить на новообращённых историков робость. Впрочем, она очень скоро проходила. Простая, не оснащённая наукообразностями, речь, лишённый всякого менторства тон, сама её манера себя держать придавали самым сложным и отвлечённым историографическим концепциям ни с чем не сравнимый демократизм, почти домашнюю доступность. Но если какой-то слишком самоуверенный студент неосторожно принимал простоту за простоватость, а мягкость за слабость, то он бывал осажен быстрой и едкой шуткой, колкость которой, однако, неизменно сглаживалась умом, тактом и искренней самоиронией профессора.

В последние десятилетия своей жизни она была равно любима и чествуема и «властью», и «народом». Заслуженный работник высшей школы и почётный работник высшего профессионального образования России, почётный профессор и почётный научный работник ДВГУ, обладательница многих наград и званий, Элеонора Васильевна носила также неофициальный титул «матери истфака» Дальневосточного университета. По заслугам же её впору было бы назвать бабушкой дальневосточного исторического образования.

Кажется, что Элеонора Васильевна в полной мере осознавала эту свою исключительную связующую, генетическую, роль. Недаром в последние годы, уже став живой легендой, воспитав для дальневосточной и российской науки тысячи специалистов, почти два десятка кандидатов и докторов, она обращалась к памяти своих учителей – зачинателей советских исторических исследований и образования на Дальнем Востоке профессора Г.С. Куцего и академика А.И. Крушанова, выдающегося советского историка и методолога академика И.Д. Ковальченко. И эта глубина её памяти, открытая всем читателям её работ, была равна глубине живого родоначалия, не оборванных временем корней науки сегодняшней.

Возможно, сейчас нам ещё трудно с достаточной полнотой и ясностью осознать, чем была Элеонора Васильевна Ермакова для нас и для того дела, которому она посвятила свою жизнь. Но и теперь можно с уверенностью сказать, что системный, кумулятивный эффект этой личности

будет ещё долго ощущаться обществоведческой наукой и образованием дальневосточного региона, и не только его.

Вы учили нас помнить и любить прошедшее. Мы помним и любим. Историю. Своё прошлое. И Вас, Элеонора Васильевна.

Редколлегия журнала
«Ойкумена. Регионоведческие исследования»

Памяти Андрея Валентиновича Александрова

30 ноября 2014 года ушёл из жизни один из крупнейших приморских китаистов, профессор кафедры Тихоокеанской Азии Андрей Валентинович Александров.

Главное, что удивляло и восхищало в этом человеке – его душевная молодость, которую он сумел пронести в себе, несмотря на годы и болезни. Всегда молодые, даже озорные глаза, на дне которых, тем не менее, пряталась глубокая жизненная мудрость. Душевная молодость, несмотря на то, что один его внешний вид выдавал человека, который немало повидал на своём веку. Конфуцианское ритуальное величие и спокойствие, и даосское беззаботное скольжение по жизни – те китайские философские идеалы, которые воплотил в жизни Андрей Валентинович. Он был настоящей личностью и настоящим мужиком. Тем, к кому тянет людей, тем, кого они жаждут и за кем согласны идти вперёд. И, снова, несмотря на всё это – в кругу своих учеников, воспитанных им китаистов ДВФУ он казался совсем равным, тем, для кого всё ещё впереди.

Именно таким мы его и запомнили. Это, без всяких сомнений и словословий, тяжёлая утрата для всего приморского китаеведения. Оборвалась его жизнь. Оборвались его идеи и планы, которых у него всегда было много. Но живая цепочка взращённых и воспитанных им учеников – по-прежнему на своих боевых постах. Я не знаю, где сейчас Андрей Валентинович. Он часто говорил о своих ушедших друзьях-китаистах, о том, как его друзья и наши Учителя приходят к нему во сне и из-за грани смерти передают слова нам, оставшимся здесь. Теперь он и сам присоединился к их числу. Но тот, кто был живой легендой, остаётся живой легендой и поныне. И от нас всех зависит, насколько мы сохраним память о нём в живых.

Жизнь Учителя, путь которого в вечность зависит теперь от нас. И от тех, кого воспитаем мы. Сам Андрей Валентинович эту вечность заслужил сполна. Он стоит перед нами и вопрошающе смотрит. Величественное лицо с молодыми глазами, густо зачёсанные седые волосы и неизменная сигарета в руках. Если не считать этой сигареты – то совсем как в тех словах, что однажды сказал о Конфуции друг Андрея Валентиновича, великий В.В. Малявин:

«Жизнь Учителя и в самом деле возвышается подобно скале, чья твёрдость учит языку гранитной твёрдости, чей покой хранит в себе рокот забытых подземных бурь»[1].

Конончук Д.В.

---

[1] Малявин В.В. Конфуций. М.: Молодая гвардия, 2010. С. 44.

Сокращения

ГАПК	Государственный архив Приморского края
РГАЭ	Российский государственный архив экономики
ЮФУ	Южный федеральный университет
МГГУ	Московский государственный гуманитарный университет имени М.А.Шолохова
МЭСИ	Московский государственный университет экономики, статистики и информатики

Сведения о членах редакционной коллегии

Римская Татьяна Григорьевна *(главный редактор)* – кандидат исторических наук, доцент, директор филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка

Беом-Шик Шин – Ph.D., доцент кафедры политических наук и международных отношений Сеульского национального университета *(г. Сеул, Республика Корея)*

Бурлаков Виктор Алексеевич – кандидат политических наук, доцент кафедры журналистики и издательского бизнеса Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*

Гайе Кристофферсен – Ph.D., профессор Университета Джона Хопкинса *(г. Нанкин, КНР)*

Ганопольский Михаил Григорьевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института проблем освоения Севера СО РАН *(г. Тюмень)*

Демьяненко Александр Николаевич – доктор географических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН *(г. Хабаровск)*

Журбей Евгений Викторович *(ответственный редактор)* – кандидат исторических наук, доцент филиала Дальневосточного федерального университета в г. Находка

Золотухин Иван Николаевич – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*

Калугина Марина Альбертовна – кандидат политических наук, заместитель директора по науке филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка

Караман Вадим Николаевич – кандидат исторических наук, зав. библиотекой Приморского государственного объединенного музея им. В.К. Арсеньева *(г. Владивосток)*

Киреев Антон Александрович – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*

Кирсанова Лидия Игнатьевна – доктор философских наук, профессор кафедры философии и психологии Владивостокского государственного университета экономики и сервиса *(г. Владивосток)*

Кожевников Владимир Васильевич – кандидат исторических наук, профессор кафедры страноведения Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*

Кузнецов Анатолий Михайлович – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*

Латушко Юрий Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник центра политической антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН *(г. Владивосток)*

Лукин Артем Леонидович – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*

Литошенко Денис Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, политологии и государственно-правовых дисциплин юридического факультета Морской академии Морского государственного университета им. адм. Г.И. Невельского *(г. Владивосток)*

Наумов Юрий Анатольевич – кандидат геолого-минералогических наук, доктор географических наук, член-корреспондент Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности, доцент филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка

Севастьянов Сергей Витальевич – доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*

Чой Нак Джун – Ph.D., приватный доцент кафедры русского языка и литературы института литературы и лингвистики университета Санг Мёнг *(г. Чхонан, Республика Корея)*

Шестак Ольга Игоревна – кандидат исторических наук, заведующая лабораторией социологических исследований Владивостокского государственного университета экономики и сервиса *(г. Владивосток)*

Ячин Сергей Евгеньевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*

К читателям

Редакция извещает читателей о возможности подписки на журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования".

Подписка принимается во всех почтовых отделениях.

Информацию о стоимости и условиях подписки Вы можете найти в Объединенном каталоге "Пресса России" (том 1. Газеты и журналы).

Подписной индекс журнала – **42354**.

Кроме того, подписка на журнал может быть оформлена в сети Интернет. Для того чтобы оформить подписку через Интернет, Вы можете зайти на начальную страницу сайта "Ойкумены" (www.ojkum.ru) и перейти по ссылке в раздел "Редакция журнала".

Уважаемые авторы!

С декабря 2006 года выходит в свет научно-теоретический журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования". Редколлегия журнала приглашает преподавателей вузов, сотрудников академических учреждений Приморского края и дальневосточного региона, а также заинтересованных исследователей опубликовать свои статьи, материалы и методические разработки на страницах нашего издания.

Журнал будет включать в себя следующие тематические рубрики:

- Теория и методология регионоведческих исследований
- Экономика и природопользование
- Социальные и демографические структуры
- Культурные и идеологические факторы регионализации
- Политические отношения и управление регионом
- Мировая система и межрегиональные отношения
- Междисциплинарные и системные исследования региона
- Науковедение
- Регион в документах и свидетельствах
- Научная жизнь
- Рецензии и обзоры
- Программы учебных курсов
- Методические разработки

Тематика статей, принимаемых к публикации в журнале "Ойкумена. Регионоведческие исследования", соответствует следующим отраслям науки согласно

НОМЕНКЛАТУРЕ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ НАУЧНЫХ РАБОТНИКОВ:

07.00.00	Исторические науки и археология
22.00.00	Социологические науки
23.00.00	Политология

Требования к объему и оформлению предоставляемых в редакцию материалов

1. Формат файла txt, MS Word, OO Writer.
2. Файл не должен содержать сложных стилей и форматирования. В заголовках не применять ПРОПИСНЫЕ символы, простановка буквы **ё** обязательна.
3. Шрифт Times New Roman 14 кеглем через 1, 5 интервала.
4. Поля: верхнее и нижнее – 2 см., правое – 1, 5 см., левое – 2, 5 см.
5. Порядок оформления статьи: УДК, Ф. И. О. автора (авторов), название статьи, аннотация, ключевые слова (не менее 5-ти на русском и английском языках), текст статьи, список литературы.
6. Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками. В скобках сначала указывается порядковый номер цитируемой работы в списке литературы, затем, через запятую, номер страницы приведенной цитаты. Например: **[2, с. 5]**. Ссылка на неопубликованный архивный документ помещается только в тексте самой статьи в круглых скобках. Например: **(ГАПК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 4-5)**.
7. Расшифровка сокращенний и аббривеатур (кроме общепринятых) обязательна. Например: **ГАПК -Государственный архив Приморского края**.
8. Нумерованный список литературы составляется в алфавитном порядке, по фамилиям первых авторов и названиям работ без учета соавторов и хронологии. В списке сначала указывается литература на кириллице, затем на латинице, и после на других системах письма. Библиографическое описание должно включать полное наименование книги или статьи, место издания, издательство, год, общее количество страниц (для статьи – страницы, на которых она помещена). Ссылка на Интернет в списке литературы оформляется следующим образом: **Автор. Название материала // Название сайта, [Электронный ресурс]. URL: адресная строка (дата обращения: 31.12.2012 г.).**
9. Объем – 0, 5 п. л. (20 тыс. зн. с пробелами).
10. Рисунки, карты, графики и т.п. принимаются в наиболее распространенных (cdr, eps, ai, jpeg, bmp, tif) форматах отдельными файлами. К графикам обазательно прилагать таблицу на основании которой этот график сделан.
11. Ввиду черно-белой печати журнала цветовая гамма иллюстраций, графиков, карт и т. д. по возможности не должна содержать более трех цветов (черный, белый, серый 50%).
12. Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде без архивации. **E-mail: oikomene@rambler. ru; ojkum@rambler. ru**
13. Название (не более 2-х строк), текст статьи, сведения об авторе (Ф. И. О., ученая степень, ученое звание, место работы и должность, рабочий (домашний) телефон, e-mail), аннотацию (6 – 8 строк) на русском и английском языках, а также название статьи на английском языке и написание своей фамилии латиницей присылать в одном файле.
14. Присылаемому файлу следует присваивать только имя (фамилию) автора.
15. К публикации в журнале принимаются, как правило, работы, ранее не публиковавшиеся в русскоязычных изданиях.

Статьи проходят обязательное рецензирование.
Редакция оставляет за собой право отбора публикаций.
Файлы, подготовленные с нарушением требований, не рассматриваются.
Плата за публикацию не взимается.

Научное издание

Ойкумена. Регионоведческие исследования
научно-теоретический журнал

2015 № 1 (32)

Подписано к печати 10. 03. 2015 г. Вышло в свет 31. 03. 2015 г. формат 70x108/16
Усл. п. л. 11,20. Уч. -изд. л. 10,54. Тираж 200 экз. Заказ
Цена свободная

Издательство Владивостокского государственного университета экономики и сервиса
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

Отпечатано во множительном участке ВГУЭС
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

Индекс 42354